

ISSN 2220-9387



**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЭКОНОМИКИ** ИНСТИТУТ
International Institute of Economics and Law **И ПРАВА**

Вестник

Международного института экономики и права

№ 1(6)

Январь – март 2012



**Вестник
Международного института
экономики и права**

Научно-аналитический журнал

Издается с декабря 2010 г.
Выходит один раз в три месяца

№ 1 (6)
Январь – март 2012 г.

Москва

Учредитель

Международный институт экономики и права

Редакционный совет

Председатель Ф.Л. Шаров

А.В. Косевич, Г.П. Журавлева, А.И. Косарев, Н.П. Фигурнова,

Оле Хассельбальк (Дания), Л. Липкова (Словакия),

Хань Лихуа (Китай), С. Мраз (Словакия)

Редакционная коллегия

Главный редактор Б.Г. Дякин

В.Т. Агаев, Н.И. Гавриленко, М.В. Гладкова (*зам. главного редактора*),

Е.П. Жарковская, Т.В. Карпенкова, В.О. Кожина, И.Л. Корнеева,

А.В. Косевич, В.В. Лазарев, А.Я. Марков, С.С. Матвеевский,

В.М. Обухов, Т.Г. Философова, И.В. Хамалинский

Отв. секретарь И.В. Николаева

Редакторы И.В. Пушкина, В.И. Письменный

Корректор Г.В. Платова

Компьютерная верстка Т.А. Поверина

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

Мировая экономика и международный опыт

Азанов Б.К.	Место и роль российского государства в мировой экономике.....	5
Бужинский В.А.	Проблемы интеграции и освоения логистических информационных систем при внутренних и международных перевозках.....	11
Стрелков И.В.	Валютная стратегия интернационализации китайского юаня.....	20
Grančay M.	New developments in EU-Russia civil aviation relations.....	27

Экономика в отраслях и регионах

Урбан О.А.	Институциональные особенности взаимодействия бизнеса и власти в Кемеровской области.....	39
Копеин А.В., Красильникова С.Н.	Совершенствование управления социально-экономическим развитием региона (на примере Кемеровской области).....	48
Шихатов П.И.	Современное состояние предприятий отрасли общественного питания в России.....	59

Наука и образование

Турнаева А.И.	Проблемы современного российского образования через призму философских идей..	67
Лоцилина М.А., Петрова Е.В.	Образование как фактор формирования личности в информационном обществе.....	77
Артамонова Я.С.	Особенности правовых установок личности....	86

Проблемы профилактики и правонарушений

Тимохов В.П.	Исторический опыт и современные проблемы противодействия преступности гражданами....	89
Пирогов П.П., Юрченко Ю.А.	Криминологические особенности кражи, сопряженной с незаконным проникновением в жилище.....	96
Самаке Ава	Насилие в отношении женщин как нарушение прав человека в Африке.....	104

Annotations.....	109
Сведения об авторах.....	115
Условия публикации.....	117

Б.К. Азанов

Начало XXI века характеризуется увеличением масштабов хозяйственной деятельности, расширением связей между различными странами, углублением международного разделения труда. Нет стран, которые не взаимодействовали бы между собой экономически, не были бы включены в систему производственных отношений и взаимозависимостей, и Российская Федерация – не исключение. Какое место занимает российская экономика в мировом глобальном хозяйстве? Какова стратегия участия России в этих процессах? В своей статье автор пытается ответить на эти вопросы.

Ключевые слова: мировая экономика, российская экономика, международный рынок, мировое глобальное хозяйство, конкурентность российской экономики.

Российская экономика и ее конкурентоспособность на мировом рынке

В экономике России отмечался рост ВВП (в 2000 г. – на 10%, в 2001-м – на 5,7%, в 2002-м – на 4,9%, в 2003-м – на 7,3%, в 2004-м – на 7,2%, в 2005-м – на 6,4%, в 2006-м – на 7,7%, в 2007-м – на 8,1%, в 2008-м – на 5,6%), промышленного и сельскохозяйственного производства, строительства, реальных доходов населения. Происходило снижение численности населения, живущего ниже уровня бедности (с 29% в 2000 г. до 13% в 2007-м) (рис. 1). С 1999 по 2007 г. индекс производства обрабатывающих отраслей промышленности вырос на 77%, в том числе: производство машин и оборудования – на 91%, текстильное и швейное производство – на 46%, производство пищевых продуктов – на 64%.

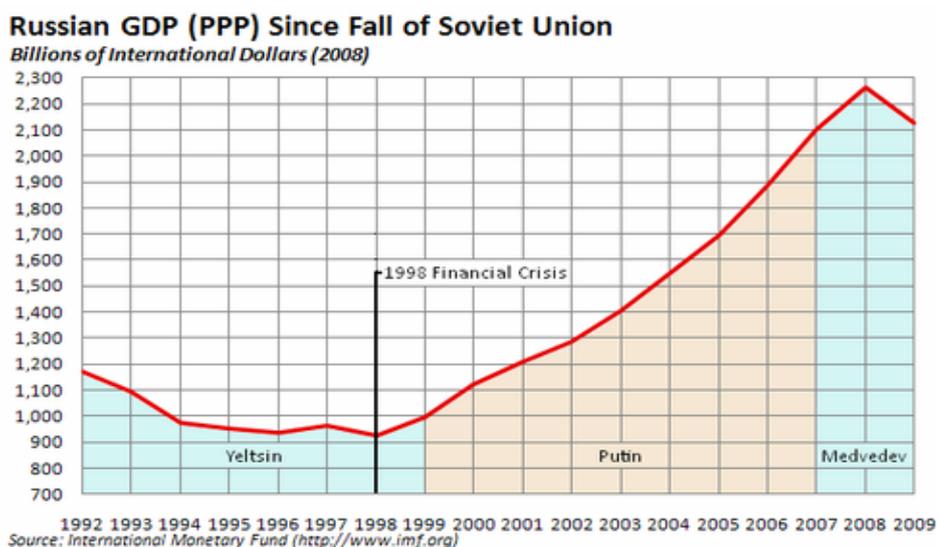


Рис. 1. Динамика ВВП России в 1992–2009 гг.

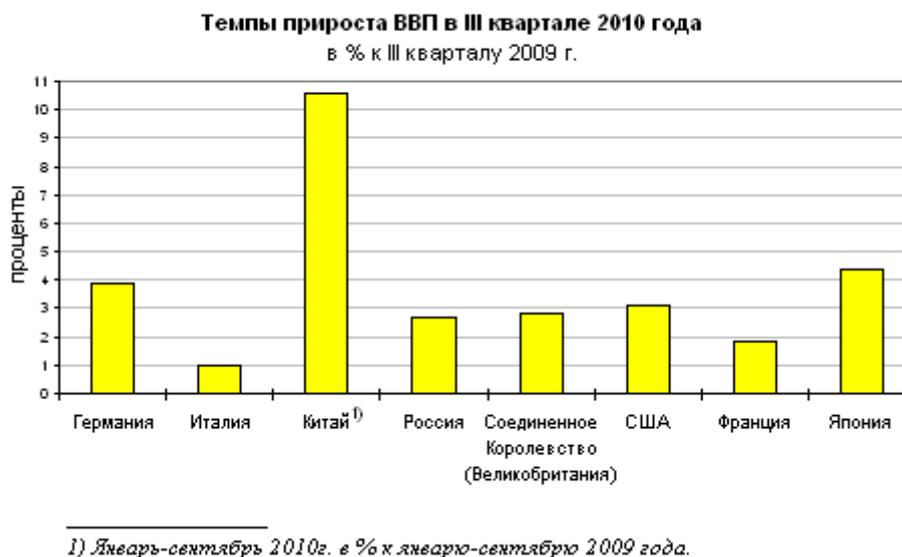
Объём ВВП в 2005 г. составил 21 665,0 млрд руб. и увеличился на 6,4% по сравнению с предыдущим годом. Рост промышленного производства в 2005 г. составил 4,0%, оборота розничной торговли – на 12,0%, инвестиций в основной капитал – 10,5%, грузооборота транспорта – 2,6%. Индекс потребительских цен составил 10,9%, дефлятор ВВП – 18,8%. Внешнеторговый оборот в 2005 г. составил \$370,4 млрд. Сальдо торгового баланса – \$120,1 млрд.

Объём российского ВВП в 2006 г. составил 26 621 млрд руб., или \$979,1 млрд по средневзвешенному курсу за год (год назад – \$763,2 млрд), что в реальном выражении на 6,7% больше. Налоговые поступления в федеральный бюджет в 2006 г. составили 3000,7 млрд руб. (рост на 19,7% по сравнению с 2005 г.). Российский золотовалютный резерв установил очередной рекорд – по состоянию на 5 января 2007 г. золотовалютные резервы Центробанка составляли \$303,9 млрд. Официальная инфляция составила 9%. В 2007 г. Россия вошла в группу стран с высоким уровнем человеческого развития.

Разразившийся мировой экономический кризис не обошел стороной и Россию. По оценке Всемирного банка, российский кризис 2008 г. «начался как кризис частного сектора, спровоцированный чрезмерными заимствованиями частного сектора в условиях глубокого тройного шока: со стороны условий внешней торговли, оттока капитала и ужесточения условий внешних заимствований». Произошли обвал на фондовом рынке России, девальвация рубля, снижение промышленного производства, ВВП, доходов населения, а также рост безработицы. Антикризисные меры правительства потребовали значительных затрат.

По состоянию на 1 июля 2009 г. международные резервы Центробанка составляли \$412,6 млрд. По сравнению с 1 июля 2008 г., когда объём международных резервов России составлял \$569 млрд, этот показатель снизился на 27,5%. В мае 2009 г. ВВП России снизился на 11% по отношению к аналогичному месяцу прошлого года. Экспорт за этот месяц упал по сравнению с маем 2008-го на 45%, составив \$23,4 млрд; импорт снизился на 44,6% – до \$13,6 млрд. Сальдо торгового баланса уменьшилось в 1,8 раза. Во 2-й половине 2009 г. экономический спад был преодолен, в III и IV кварталах этого года рост ВВП России с учетом сезонности составил 1,1% и 1,9% соответственно [1].

По итогам 2009 г. ВВП России упал на 7,9%, что являлось одним из худших показателей динамики ВВП в мире, в то же время показав лучшую динамику, чем несколько стран бывшего СССР за исключением Казахской Республики.



**Рис. 2. Темпы прироста ВВП в III квартале 2010 г.
(в %, в сравнении с III кварталом 2009 г.)**

В марте 2010 г. в докладе Всемирного банка отмечалось, что потери экономики России оказались меньше, чем ожидалось в начале кризиса. Отчасти это произошло благодаря масштабным антикризисным мерам, которые предприняло правительство.

По итогам I квартала 2010 г. по темпам роста ВВП (2,9%) и роста промышленного производства (5,8%) Россия вышла на 2-е место среди стран «Большой восьмёрки», уступив только Японии.

Россия на международном рынке товаров и услуг

В настоящее время внешнеторговый оборот товаров и услуг составляет около 60% объема ВВП, а поступления от ВЭД формируют весомую долю финансовых ресурсов предприятий и более 40% доходов федерального бюджета страны. В международном разделении труда активно участвует лишь часть отечественной экономики, представленная, главным образом, топливно-сырьевым сектором, а основной научно-производственный потенциал страны (кроме отдельных предприятий ОПК) вовлечен в мирохозяйственные отношения слабо. Вразрез с тенденциями развития мировой торговли рост российского экспорта обеспечивается в основном за счет поставок топливно-сырьевых ресурсов, в большинстве своем невозобновляемых.

По вывозу нефти, природного газа, цветных металлов, алмазов Россия вошла в число ведущих мировых поставщиков. Удельный вес сырья и материалов в общем объеме российского экспорта достигает 80%, тогда как машин и оборудования, включая военную технику, 5–7%. Доля России в мировом обороте товаров и услуг снизилась по сравнению с дореформенным периодом примерно с 2,5 до 1,7%.

Поставки за рубеж высокотехнологичной продукции составляют лишь 2% от общего объема экспорта товаров и услуг и занимают на мировом рынке такой продукции всего 0,3%. В этом отношении Россия многократно уступает не только развитым странам Запада, но и таким быстроразвивающимся, как Китай и Южная Корея. В то же время по ряду видов наукоемких изделий, прежде всего, в области вооружений и военной техники, продукции авиационно-ракетно-космических отраслей, атомной промышленности Россия продолжает занимать видное место на зарубежных рынках. Так, в странах дальнего зарубежья, особенно на развивающихся рынках, реализуется свыше 90% экспорта оружия и боеприпасов, летательных и космических аппаратов, более 80% авиадвигателей, радиолокационной и радионавигационной аппаратуры, 70% инструментов и аппаратов, около 60% продукции атомной промышленности. Это свидетельствует о том, что большинство указанных изделий отвечает качественным и ценовым требованиям мировых рынков.

Динамика и структура иностранных инвестиций в Россию

Показатели	1995		2009	
	млн долл.	%	млн долл.	%
А	1	2	3	4
Общий объем инвестиций	2983	100	29 699	100
в том числе:				
прямые инвестиции	2020	67,7	6781	22,8
портфельные инвестиции	39	1,3	401	1,4
прочие инвестиции	924	31,0	22 517	75,8
из них				
торговые кредиты	187	6,3	2973	10,0
прочие кредиты	493	16,5	19 220	64,7
Прочее	244	8,2	324	1,1

В 2009 г. интерес иностранных инвесторов к вложениям в российскую экономику заметно вырос. Объем иностранных инвестиций, поступивших в нефинансовый сектор российской экономики без учета органов денежно-кредитного регулирования, коммерческих и сберегательных банков, включая рублевые инвестиции, пересчитанные в доллары США, в I квартале 2010 г. составил 24,5 млрд долл., что в 2,8 раза превышает показатель I квартала 2009 г.

Благоприятным является тот факт, что впервые объемы иностранных вложений в российскую экономику превысили инвестиции из России за рубеж более чем в 2 раза.

В относительном и в абсолютном выражении наибольший рост в I квартале текущего года отмечен в сегменте прочих инвестиций, которые выросли в 3,1 раза (до 14,67 млрд долл.) по сравнению с I кварталом 2009 г. Прямые вложения за рассматриваемый период увеличились в 2,5 раза и достигли 9,76 млрд долл. Портфельные инвестиции снизились на 14,2% – до 197 млн долл.

Инвестиции в российский обрабатывающий сектор по сравнению с 2008 г. снизились в 1,5 раза и составили 3,4 млрд долл. Среди обрабатывающих отраслей в 2009 г. наибольший объем инвестиций был направлен в металлургию (987 млн долл., или 29,3% совокупного объема иностранных инвестиций, поступившего в обрабатывающие отрасли промышленности), пищевую (621 млн долл., или 18,5%) и химическую (360 млн долл., или 10,7%) промышленность.

Структура иностранных инвестиций, направленных в 2009 г. в промышленность, отличается от аналогичной структуры совокупных иностранных вложений в российскую экономику более высоким удельным весом прямых инвестиций. Прямые инвестиции в промышленность выросли по сравнению с 2008 г. в 2,9 раза, в то время как прочие инвестиции в промышленность увеличились на 62,7% [2].

Стратегии участия России в мирохозяйственных процессах

В настоящее время высказываются различные точки зрения относительно путей включения России в мировые интеграционные процессы. Но несомненно то, что успешное решение этой задачи зависит от нескольких факторов. Во-первых, от результатов деятельности правительства по оздоровлению национальной экономики путем ее структурной перестройки; во-вторых, от создания действенных законодательных, организационных, материальных и технических предпосылок для этого.

Как показал анализ проблем интеграции в мировое хозяйство других стран, основным условием создания жизнеспособной экономики переходного периода является ее открытость. В условиях открытой экономики цены мирового рынка прямо или косвенно определяют цены на отечественную продукцию и делают это намного эффективнее, чем любой государственный орган.

Важным преимуществом открытой экономики является ее значение для борьбы с монополизмом. Отмечая роль мирового рынка как мощного средства борьбы с монополизмом и решения проблемы эффективного функционирования народного хозяйства в переходный период, необходимо исходить из того, что делать экономику страны открытой следует только при условии экономической оценки и экономической защиты ее ресурсов. Только в этом случае можно избежать рисков негативных проявлений в экономике под воздействием ее открытости и получить положительные результаты воздействия мировой экономики и мирового рынка на российскую экономику в этих условиях.

Мировой опыт показывает, что любая национальная экономика сможет занять достойное место в мировом хозяйстве только в том случае, если государство оказывает активную поддержку своим экспортерам, в том числе посредством создания системы государственного стимулирования экспорта

и государственного страхования частных экспортных кредитов. Более активную роль в продвижении российских товаров на рынки зарубежных стран могут сыграть не только собственно внешнеэкономическая политика, но также и внешнеполитические акции. В этой связи необходимо повышать роль России в международных организациях.

Выводы и заключение. Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что мировое хозяйство представляет собой совокупность национальных хозяйств, взаимосвязанных системой международного разделения труда, экономических и политических отношений.

Условиями расширения участия России в мировой торговле являются: конкурентоспособность российских товаров на мировом рынке; развитие структуры внешней торговли; динамичное развитие национальной экономики.

Основными торговыми и экономическими партнерами России из стран СНГ остаются союзные – Республика Беларусь и Казахская Республика, формирующие вместе с Россией Единое экономическое пространство и Таможенный союз.

Литература

1. Балацкий Е. Перспективные направления роста внешнеэкономической активности России / Е. Балацкий, В. Евсеев // Экономист. – № 2. – 2010. – С. 36–43.
2. Басовский Л.Е. Мировая экономика: курс лекций / Л.Е. Басовский. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 537 с.

Проблемы интеграции и освоения логистических информационных систем при внутренних и международных перевозках

В.А. Бужинский

Рассмотрены состояние и проблемы транспортной логистики в России, влияющей на эффективность работы практически всех предприятий страны. Дана оценка функциональным возможностям используемого программного обеспечения для управления транспортом. Предложены решения для успешного освоения современных прикладных программных продуктов логистики.

Ключевые слова: транспортные услуги, рынок транспортных услуг, маршруты перевозок, информационная поддержка перевозок, логистика, транспортное предприятие, транспортная задача.

«Совершенно очевидно, что с точки зрения развития транспортной инфраструктуры наша страна и экономика являются весьма запущенными. И сегодня недостатки в транспортной отрасли так же, как и в энергетике, сдерживают наше экономическое развитие» (В.В. Путин).

Актуальность данной темы обусловлена противоречиями между потребностями подготовки высококвалифицированных специалистов с высоким уровнем практических навыков использования современных информационных технологий и возможностями по организации обучения в условиях учебного заведения.

Наметившиеся тенденции выхода экономики России из экономического кризиса определяют потребности в конкурентоспособности отечественных предприятий как на внутреннем, так и внешних рынках. В первую очередь это означает гибкость и адаптивность управления и, следовательно, высокую степень его автоматизации за счет применения современных систем поддержки принятия решений. Использование таких информационных систем диктует новые квалификационные требования к будущим выпускникам факультета экономики и управления.

Транспортная отрасль никогда не была сильной стороной российского хозяйства. Переход к рынку поставил многие транспортные предприятия на грань выживания и заставил резко сокращать затраты. Непростая экономическая ситуация в нашей стране потребовала от работников транспортной отрасли повышенного внимания при решении вопросов организации и управления перевозками. При решении этих серьезных задач возникла необходимость повышения точности планирования, анализа и экономической оценки работы как крупных транспортных систем, так и отдельных ее элементов. Только на основе точных расчетов и анализа стала возможна разработка рациональных ресурсосберегающих схем перевозки грузов.

На сегодняшний день выполнение заданных условий представляется возможным только с применением логистики, то есть управляющего алго-

ритма, который с помощью различных экономико-математических методов позволяет оптимизировать работу отдельных элементов транспортного процесса и объединение этих элементов в единую структуру. При этом очень важным показателем является получение достоверного представления о ситуации на рынке.

Проблемы транспортной логистики сегодня охватывают практически все сферы деятельности предприятий и касаются:

- разукрупнения рынка транспортных услуг;
- плохой информационной поддержки перевозок;
- качества транспортного обслуживания (в случае привлечения внешних транспортных компаний);
- недостатков законодательной системы;
- проблем при построении маршрутов перевозок (нерациональные перевозки);
- сложностей организации перевозок с участием нескольких видов транспорта;
- недостатка информации о программных продуктах, позволяющих автоматизировать, упростить и ускорить выполнение операций, сопровождающих перевозочный процесс.

Разукрупнение рынка транспортных услуг

На протяжении последних пяти лет динамика сокращения количества машин по предприятиям составляет порядка 15–20% в год. В то время как доля «частников», работающих с одной-двумя машинами среди всех перевозчиков в России за это же время, наоборот, возросла с 14 до 59%.

Причиной возникновения этих двух процессов послужило то, что мелкие предприятия получают неоправданные конкурентные преимущества перед средними и крупными предприятиями, прежде всего, за счет низких ставок налогообложения, экономии расходов на транспортную и экологическую безопасность. Коммерческие перевозчики в ряде случаев теряют рынок и несут убытки в результате свободного выхода на него нетранспортных организаций, а потребители транспортных услуг при этом не получают достаточно надежного и качественного транспортного обслуживания. Значительная часть рынка автомобильных перевозок находится в теневом секторе экономики, что создает предпосылки для криминального влияния на автотранспортный бизнес и приводит к существенным бюджетным потерям.

Недостатки законодательной системы

На сегодняшний день среди перевозчиков наблюдается резкое падение профессионализма, знания своих обязанностей, ответственности и законов. За последние 7 лет само налоговое законодательство менялось три или четыре раза. Меняется и психология перевозчиков. Рыночная система оплаты труда водителей зависит от километража или выполненных рейсов, что заставляет водителей работать на износ. Водители нацелены исключительно

на увеличение заработков и часто пренебрегают соблюдением правил безопасности, что неизбежно приводит к увеличению аварий и поломок.

Плохая информационная поддержка процесса перевозок

Несмотря на кажущуюся информатизированность и компьютеризированность современной жизни, поток информации, сопровождающий процесс транспортировки, все еще далек от совершенства. Это касается и связи с водителем (особенно при его нахождении в другом государстве или на пограничном переходе), и мониторинга груза на протяжении перевозки, и контроля состояния транспортного средства, его местонахождения. Чуть слабее данная проблема ощущается при внутренних перевозках. Однако и здесь бывают случаи утраты связи с машиной, что негативно сказывается на координации процесса транспортировки, особенно в случаях потребности в срочной передаче или корректировке информации для водителя.

Проблемы при построении маршрутов перевозок

С переходом на рыночные отношения появилась некоторая хаотичность в проектировании процесса перевозок. Сегодня очень часто можно наблюдать такие явления, как:

- чрезмерно дальние перевозки – перевозки, при которых грузовые потоки поступают в пункты назначения из отдаленных районов при наличии возможности генерации аналогичных потоков из близко расположенных источников;
- излишние перевозки – грузовые потоки, которые направлены в пункты назначения, где однородная продукция уже имеется в достаточном количестве;
- повторные перевозки, при которых грузовой поток от грузоотправителя следует не прямо к потребителю, а поступает в промежуточное звено логистической цепи (на базу, склад и т.д.), а оттуда – в том же объеме, на том же виде транспорта – для передвижения в другие звенья или непосредственно потребителям;
- круговые перевозки, которые осуществляются не по кратчайшим расстояниям.

Нерациональные перевозки приводят к повышению логистических и в первую очередь транспортных издержек, к дополнительной загрузке транспортных путей.

Были забыты эффективные методы составления оптимальных маршрутов, используемые раньше – так называемые транспортные задачи.

Транспортные предприятия тратят огромные деньги на программное обеспечение, способное автоматизировать процесс поиска наиболее рационального маршрута следования, хотя намного экономичнее было бы использовать, например, *Microsoft Excel*, который позволяет не только получать оптимальный результат, но и легко анализировать, к чему приведет его некоторое изменение.

Сложности организации взаимодействия нескольких видов транспорта

При существовании любых возможных путей сообщения в нашей стране (авто- и железные дороги, моря, реки, воздушные линии, трубопроводы) автомобильный транспорт остается наиболее используемым. Это тем более странно, если учесть большую территорию нашей страны, ведь на расстояниях 700–1500 км железнодорожный транспорт становится намного экономичнее автомобильного, особенно в условиях постоянно повышающихся цен на горюче-смазочные материалы.

Преобладание автомобильных перевозок над всеми другими связано, прежде всего, с мобильностью данного вида транспорта. Во-первых, автомобильным транспортным компаниям было проще перестроиться на существование в условиях суверенного государства, а во-вторых, этот вид транспорта успешно осуществляет перевозки «от двери до двери», что в большинстве случаев недоступно для других.

Что касается тарифов на перевозки, тут для автомобильного конкурентами являются железнодорожный и водный виды транспорта. Однако сложность отношений с железной дорогой и разные правила при осуществлении перевозок на разных видах транспорта приводят к отказу работать с «неавтомобильными» видами транспорта, тем более их сочетать.

Также немаловажным является тот факт, что при взаимодействии разного транспорта практически всегда повышаются сроки перевозки. Это связано с перегрузками с одного вида транспорта на другой, которые обычно сопровождаются краткосрочным хранением груза. Так что небольшое снижение суммарной стоимости перевозки обычно комбинируется с увеличением сроков доставки и повышением сложности организации и контроля такой перевозки. При этом можно добавить, что комбинированные перевозки обычно намного сложнее спрогнозировать по срокам и по возможным рискам. Здесь проблемы информационного сопровождения стоят намного острее, чем при перевозках автомобильным транспортом.

Недостаток информации о программных продуктах

Рынок программного обеспечения растет в геометрической прогрессии. Появляются все новые программные продукты, а старые, в свою очередь, постоянно совершенствуются. Однако данный процесс порождает и негативную ситуацию – очень сложно ориентироваться в огромной массе программных продуктов, которые заполняют рынок. Предприятия давно привыкли к тому, что, не успев поставить новейшую программу, через короткое время на рынке появляется релиз или демоверсия новой. Так что стремление к постоянному обновлению программной базы бессмысленно и нецелесообразно.

Что касается программного обеспечения для транспортной логистики, то тут дела обстоят несколько иначе. В отличие от «складских» разработок, их на рынке намного меньше, отзывы о них совершенно различные, а объективной аналитики вообще нет. При немалой стоимости таких программ

не удивительно, что потенциальные их покупатели теряются и постепенно откладывают идею приобретения на будущее.

Разработчики программного обеспечения должны не только улучшать свои программные пакеты, но и объяснять потенциальным покупателям их преимущества и особенности по отношению к набору других. Тогда и потребители будут видеть разницу и смогут сделать верный выбор, и производителям будет проще найти и обозначить свою нишу на рынке программ по транспортной логистике.

На фоне роста спроса на транспортные услуги и еще более значительного его увеличения в прогнозной перспективе в транспортной системе в целом и отдельных ее подотраслях сохраняется ряд нерешенных системных проблем. Это создает угрозу замедления общеэкономического роста России, ослабления ее позиций на мировом рынке в целом и затрудняет развитие отдельных транспортных предприятий в частности.

Вследствие этого сегодня как никогда актуальны задачи увеличения объемов перевозок, повышения экономической эффективности деятельности многочисленных отечественных грузовых и пассажирских перевозчиков и экспедиторов.

Но для того чтобы добиться поставленных задач, нужно проводить правильный и своевременный анализ состояния транспортного рынка, в частности наиболее актуальных проблем; реально оценивать возможности и условия развития; четко определять, какой путь развития является верным и принесет предприятию, например, дополнительную прибыль, а какой – ошибочным и повлечет за собой негативные последствия, которые могут привести даже к банкротству.

На сегодняшний день производители программного обеспечения для управления транспортом предлагают множество решений с самыми разнообразными функциональными возможностями. Среди общей массы решений можно выделить несколько основных типов:

- системы планирования маршрутов внутригородской доставки;
- программно-аппаратные системы *gps\gprs* мониторинга состояния и местоположения транспорта;
- системы оптимизации загрузки кузова;
- системы анализа всего транспортного парка и учета расходов на его эксплуатацию;
- системы планирования международных, мультимодальных транспортных перевозок;
- системы стратегического планирования и геомаркетингового анализа.

Ввиду того, что все эти решения разработаны совершенно разными производителями, совместное их использование приводит к тому, что общая стоимость внедрения необходимого комплекса решений и его обслуживания неуклонно растет, а возможности обмена данными между ними не всегда

предусмотрены или возможны, но в разных форматах. Поэтому, учитывая специфику бизнеса каждой компании, необходимый набор функционала практически невозможно получить в рамках единого проекта у единого поставщика и на единой платформе.

Комплексные системы по управлению транспортом класса *TMS*

Решают эту проблему комплексные системы класса *TMS* (*Transport Management System*). *TMS* представляет собой многофункциональный инструмент, сочетающий в себе весь спектр решений для транспортной логистики, и обладает огромным запасом гибкости, достаточным для точного описания любого бизнес-процесса и формирования необходимого набора функционала.

Вот лишь некоторые из функциональных возможностей *TMS*.

Планирование рейсов

- планирование без территориальных ограничений, то есть возможность одновременно планировать рейсы как в пределах города, так и международные;
- учет временных окон доставки, обеденных перерывов, времени загрузки и разгрузки;
- калькуляция стоимости как доставки до каждого клиента, так и стоимости всего рейса;
- планирование мультимодальных перевозок, которое включает в себя учет перегрузок (например, с водного транспорта на железнодорожный, с воздушного на автотранспорт), возможность выбора оптимального маршрута;
- трехуровневое планирование: операционное, тактическое и стратегическое. На стратегическом уровне решаются такие глобальные задачи, как выбор оптимального места для открытия нового склада, распределительного центра или размещения гаража. Здесь же обрабатывается структура всей цепочки поставок и представлены инструменты для управления. На тактическом уровне происходит выявление потенциалов, представлены возможности создавать возможные будущие модели транспортных сетей, здесь представлены все инструменты для «игры» с алгоритмами оптимизации, обкатки всевозможных вариантов и выработки оптимальных решений. На операционном уровне идет ежедневная работа по планированию, основанная на выбранном сценарии здесь, так же, как и на стратегическом и тактическом уровнях задействовано множество различных бизнес-объектов, правил, ограничений. Планирование доставки на этом уровне ведется уже непосредственно до конечного получателя;
- планирование в *TMS* ведется как в пределах одного дня, так и в пределах недель, месяцев, а при стратегическом планировании может достигать нескольких лет.

Телематика/мониторинг

- *TMS* не привязана ни к одному производителю *gps\gprs* оборудования и позволяет вести двусторонний обмен данными с любыми устройствами;
- на основе сопоставления фактических и плановых данных о маршруте *TMS* в режиме реального времени может перепланировать маршрут и при необходимости передать его на бортовое устройство в кабину водителя;
- обширные аналитические возможности;
- *TMS* в состоянии вести постоянный учет всех расходов на эксплуатацию транспортного парка, к примеру, в случае, когда в составе парка несколько различных типов автомобилей – *TMS* ведет постоянный учет расходов на каждый из них. По истечении определенного времени можно построить отчет на основе накопленных статистических данных, где будут видны расходы на каждую группу автомобилей. Это позволяет провести анализ, какие из них – более затратные в эксплуатации, а какие – оптимальные, и использовать в дальнейшем только этот тип транспорта. То же самое относится и к привлеченному транспорту: *TMS* позволяет выбирать оптимального перевозчика на основе тарифного базиса.

Обширные возможности учета

Учет артикулов, учет всех атрибутов груза, например, несовместимость химической продукции и продуктов питания, сроков годности, хрупкости груза, учет всех возможных временных ограничений, учет всех параметров, необходимых для вычисления стоимости доставки, учет геометрии кузова машины и размерно-весовых характеристик.

Внедрение систем класса *TMS* подразумевает под собой несколько этапов:

- предварительная совместная работа на предпроектном уровне специалистов от поставщика решения и специалистов заказчика, которая позволяет точно выявить необходимый для решения конкретных задач набор функционала, выявить все потенциалы, точно сформировать график и количество необходимых работ;
- этап проектного менеджмента;
- разработка полнофункционального прототипа будущей системы;
- обкатка прототипа на симуляционном сервере;
- обучение пользователей;
- запуск *TMS* в промышленную эксплуатацию;
- техническая поддержка.

Системы *TMS* снижают транспортные издержки на 15–25%, но при внедрении систем такого класса важно четко проработать каждый из этапов, и тогда результат не заставит себя ждать.

Типовой сценарий неудачного проекта внедрения *TMS* выглядит так.

Компания решает купить одну из систем и выделяет на это бюджет. Под него подыскивается несколько поставщиков, и объявляется формальный или неформальный тендер. Основной критерий: насколько компания-поставщик «втиснет» в запланированный бюджет свое решение. Продавцы системы соглашаются решить любую задачу, выдвигаемую заказчиком, убеждая его, что только в их системе и можно решать подобные задачи. При этом клиент не проводит детальный анализ того, какие существуют альтернативы у системы, насколько подходит каждая из систем для решения именно его задач и т.д. Довольно быстро из нескольких поставщиков один получает контракт. Счастливым менеджером компании-поставщика, продавший систему, передает документацию о предстоящем проекте инженерам. Те хватаются за голову: «Как вообще можно было продать подобное? Некоторые задачи даже математически не решаются!» Но отступить уже некуда, и исполнитель, надеясь в процессе внедрения снять эти проблемы путем убеждения, уговоров и некоторой позиционной игры, приступает к анализу процессов.

Заказчик выделяет на этот проект со своей стороны несколько человек, но «без отрыва от производства». Понимая, что судьба дала шанс отличиться, эти люди начинают прорабатывать процессы своего склада во множестве нюансов каждой операции. Как правило, количество деталей просто зашкаливает в некоторых процессах, в других же – пустота: не так актуально, или времени не хватило (ведь текущую работу никто не снял), или сфера интересов сосредоточена на одном из участков процесса. Особенно трепетно члены команды со стороны заказчика относятся к своим «изобретениям» и «открытиям», то есть каким-то хитрым процессам, которые они выдумали сами и которые, по их мнению, должна выполнять система. Доводы инженеров поставщика о том, что куплена не заказная разработка, а стандартное решение, и что все настройки имеют свой предел, заложенный разработчиком, а всякие «анализы» сильно снижают быстродействие, на заказчика не действуют. Может быть, ему и нужна была другая система, но в свое время менеджер по продажам компании-поставщика обещал, что «все будет, как надо», так что теперь пусть инженеры поставщика «несут ответ».

Отдельно следует сказать о проектном менеджменте. Как правило, заказчик требует представления плана проекта. По степени детализации, которую он потребует, уже можно судить о судьбе проекта. Проектные планы с большим количеством деталей и жестким слежением по срокам обречены. Именно они наиболее рискованны, так как лишают внедренцев возможности маневра. Детали предстоящего внедрения обсуждаются регулярно и обрастают все большим и большим количеством подробностей. Это будет продолжаться до тех пор, пока не подождут сроки запуска. Приближается дата, когда переносить запуск уже нельзя. В этой точке проект получает шанс выйти из кризиса, причем практически последний. Если находится (неважно с чьей стороны) человек, который берет на себя риски и ответственность, то проект

срочно пересматривается с точки зрения здравого смысла: стороны идут на взаимные уступки, за короткие сроки делается рабочее решение, и проект переходит в категорию успешных. С сопровождением такого проекта, как правило, проблем не возникает.

Если шанс не использован, то срочно переходят к обучению персонала по стандартной схеме, так как адаптированного решения еще не родилось. Обучают только узкий круг специалистов, считая, что остальных научат уже эти люди. Устанавливают недоделанное решение и запускают его. В процессе запуска продолжается позиционная игра. Заказчик не подписывает актов, выдвигая все новые и новые требования. Исполнитель эти требования «спускает на тормозах». Исполнитель заявляет, что персонал заказчика и стандартных-то процедур освоить не может, куда ему «навороты»? Проект начинает приостанавливаться и возобновляться попеременно по инициативе то той, то другой стороны. Ситуация продолжается до тех пор, пока на самом высшем уровне руководства не приходит понимание, что эта ситуация затратна для обеих сторон. Проект внедряется так, «как может»...

Для успешного освоения современных прикладных программных продуктов логистики следует во взаимодействии с профильными кафедрами подготовить прикладную комплексную, так называемую сквозную задачу с примерами по различным разделам бухгалтерского учета учебного предприятия, его логистических задач. При организации практикума каждый слушатель в удобном для него темпе работает с программой в новой информационной базе данных, тем самым имитируя начало работы с системой «с нуля», постепенно прорабатывая все участки принятия оптимальных решений и учета.

Литература

1. Автоматизированные информационные технологии в экономике / Под ред. Г.А. Титоренко. – М.: ЮНИТИ, 2010.
2. *Вдовин В.М., Суркова Л.Е., Валентинов В.А.* Теория систем и системный анализ: Учебник для вузов. – М.: Дашков и К, 2010.
3. Аналитический обзор российского рынка систем управления транспортной логистикой (TMS) на август 2011 года. – М.: Компания DSS Consulting, 2011.
4. Система «БИТ: Управление транспортной логистикой». URL: <http://www.lcbit.ru/lcsoft>
5. IT-решения для транспортной логистики. URL: <http://www.antor.ru>

И.В. Стрелков

Исследован вопрос неустойчивости ведущих мировых валют и возможности появления новых региональных и мировых валют. Несомненный лидер среди претендентов – китайский юань. Рассмотрена история становления современной финансовой системы КНР. Особо подчеркнуто, что к интеграции своей валютно-финансовой системы в мировую Китай приступил, только добившись больших экономических успехов, и лишь тогда, когда этого потребовали нужды собственной экономики.

Ключевые слова: юань, китайский юань, новая региональная валюта, новая мировая валюта, валютно-финансовая система Китая, интернационализация юаня, большой проект по интернационализации юаня, китайский финансовый сектор, экономические и институциональные реформы в Китае.

В течение последних десяти лет в мировой валютной системе (МВС) основными резервными валютами являются доллар США, евро и японская иена. Но из-за изменений в расстановке экономических сил, успешного развития (в сравнении с наиболее развитыми странами) ряда развивающихся экономик уже в середине 2000-х гг. эксперты стали высказывать мнение о возможности появления новых региональных и мировых валют.

Финансовый и экономический кризис 2007–2009 гг., который выявил резкие дисбалансы современной МВС и ее неполное соответствие реалиям развития мировой экономики, стал еще одним подтверждением этой гипотезы. Кризис спровоцировал повышение неустойчивости ведущих мировых валют как по отношению друг к другу, так и по отношению к валютам других стран, что привело к осознанию необходимости реформирования мировой валютно-финансовой системы, расширения перечня резервных валют, выполняющих одну или несколько функций мировых денег в рамках региона или на глобальном уровне.

На сегодняшний день существует несколько кандидатов на звание региональной или мировой резервной валюты, но в рамках данной статьи будет рассмотрена валюта, которая является несомненным лидером среди всех претендентов – китайский юань.

Становление современной финансовой системы КНР началось в конце 1970-х гг. по мере появления элементов капиталистической экономики в рамках социалистического государства, – свои первые реформы системы финансов Китай начал осуществлять в 1978 г. [2, с. 92].

В декабре 1996 г. КНР принял требования 8-й статьи Устава МВФ, после чего китайский юань стал свободно конвертируемым по счету текущих операций.

Стоит отметить, что к интеграции своей валютно-финансовой системы в мировую Китай приступил довольно поздно. Власти КНР вплоть до сере-

дины 2000-х гг. в качестве приоритетных ставили задачи решения внутренних экономических проблем и обеспечения стабильного экономического роста, параллельно формируя национальную финансовую систему. Лишь добившись больших экономических успехов, Китай приступил к реформе валютно-финансового регулирования, когда этого потребовали нужды собственной экономики и высокая степень ее интеграции в мировую.

Наиболее активные шаги по превращению китайского юаня в мировую валюту были предприняты в конце 2008 г., когда было объявлено об использовании юаня в расчетах в трансграничной торговле между компаниями и предприятиями, расположенными в дельтах рек Чжуцзян и Янцзы, с их контрагентами в соседних Гонконге и Макао, а также предприятий Гуанси-Чжуанского АР и провинции Юньнань со странами АСЕАН [1, с. 38]. С этого момента, несмотря на отсутствие официальных заявлений Пекина, был начат процесс интернационализации китайской валюты. С тех пор было высказано множество мнений о том, насколько осуществимым является данный процесс.

В рамках статьи хотелось бы подробнее остановиться на мерах, принимаемых китайскими властями в рамках так называемого «большого проекта по интернационализации юаня».

Как было сказано выше, условным началом данного масштабного проекта можно считать 2008 г. В табл. 1 приведен перечень основных мероприятий и решений, которые имели место в последние 3,5 года в рамках программы по постепенному снятию ограничений на финансовые операции и распространению юаня на внешних рынках.

Основываясь на данных таблицы, можно сделать вывод о том, что все меры тщательно спланированы, последовательны, более чем осторожны. Каждый шаг по направлению к ослаблению ограничений финансовых и валютных операций в юанях совершается под пристальным контролем монетарных властей КНР. Практически любое нововведение сначала опробуется на определенных территориях и в рамках четких ориентиров по видам операций и стоимостных объемов. В случае успешного внедрения послабления оно постепенно распространяется повсеместно, вовлекаются новые субъекты, растут стоимостные лимиты.

Т а б л и ц а 1

Меры КНР по интернационализации юаня

Дата	Мера
<i>1</i>	<i>2</i>
Декабрь 2008 г.	Начало использования юаня в трансграничной торговле между компаниями и предприятиями, расположенными в дельтах рек Чжуцзян и Янцзы, с их контрагентами в Гонконге и Макао, а также предприятий Гуанси-Чжуанского АР и провинции Юньнань со странами АСЕАН
Июль 2009 г.	Экспериментальное введение в Шанхае, а также в 4 городах провинции Гуандун (Южный Китай) – Гуанчжоу, Шэньчжень, Чжухай и Дунгуань – пилотного проекта по использованию юаня в трансграничной торговле

1	2
2009 г. – н.в.	Заключение Народным банком Китая (НБК) соглашений о взаимных валютных свопах с центральными банками стран и территорий
Июнь 2010 г.	Распространение НБК проекта использования юаня в трансграничных расчетах на все страны мира, а внутри Китая – на 20 админ. единиц, включая 4 города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь, Чунцин, Шанхай)
Июль 2010 г.	Подписание НБК и Банком Китая (Гонконг) соглашения, предоставляющего возможность небанковским финансовым институтам без ограничений открывать счета в юанях, а также всем держателям юаней (корпоративным и частным) переводить средства между юаневыми счетами в различных банках Гонконга на любые цели. Создание рынка офшорных юаней (CNH) в Гонконге
Август 2010 г.	Открытие НБК доступа на внутренний межбанковский рынок облигаций зарубежным центральным банкам и всем зарубежным банкам, участвующим в схеме торговых расчетов в юанях
Декабрь 2010 г.	Запуск на Московской межбанковской валютной бирже (ММВБ) торгов валютной парой юань/рубль. ММВБ – первый биржевой рынок юаня за пределами Китая
Январь 2011 г.	Разрешение китайским компаниям и банкам, участвующим в программе трансграничных расчетов в юанях, использовать юань для прямых инвестиций за рубежом, а также репатриировать прибыль от таких инвестиций обратно в Китай в юанях. Банкам разрешено кредитовать китайские компании на цели прямых инвестиций за рубеж. Жителям г. Вэньчжоу впервые в Китае разрешено осуществлять инвестиции за границу как частным лицам
Апрель 2011 г.	В Китае начата торговля «европейскими» опционами (погашение в одну указанную дату), номинированными в юанях
Март 2011 г.	Создание Расчетного центра по юаням в Сингапуре на базе сингапурского филиала Торгово-промышленного банка Китая
Август 2011 г.	Разрешение инвесторам из Гонконга использовать юани для покупки акций компаний материкового Китая на сумму до 20 млрд юаней
Сентябрь 2011 г.	Объявление властями КНР о планах сделать юань свободно конвертируемой валютой к 2015 г.
Февраль 2012 г.	Обнародование НБК проекта 10-летнего плана финансовой реформы, направленной на снятие всех ограничений на трансграничные капитальные операции с юанем и развитие финансового сектора страны

Такая политика является оправданной в условиях быстрого роста китайской экономики при некотором отставании финансового сектора. Быстрый рост редко бывает сбалансированным, часто несет в себе большие риски, особенно для сферы финансов, макроэкономического равновесия. К этому стоит добавить недостаточную развитость фондового рынка. Власти Китая прекрасно понимают ситуацию и не торопят события, хотя их заявления становятся все более смелыми и амбициозными. Хорошим примером служит обнародование планов полной интернационализации юаня за 10 лет. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Т а б л и ц а 2

Соглашения о взаимных валютных свопах между Народным банком Китая и центральными банками стран-партнеров КНР

Наименование страны или территории	Сумма свопа, млрд юаней
Республика Корея	180
Гонконг	200
Малайзия	80
Республика Беларусь	20
Индонезия	100
Аргентина	70
Сингапур	150
Исландия	3,5
Новая Зеландия	25
Республика Узбекистан	0,7
Республика Казахстан	7
Монголия	5
Республика Корея (увеличение)	+ 180 (360)
Гонконг (увеличение)	+ 200 (400)
Пакистан	10
Таиланд	70
Объединенные Арабские Эмираты	35
Монголия (увеличение)	+ 5 (10)
Австралия	200
Всего	1541,2

Большого внимания заслуживает такая мера популяризации китайской валюты на внешних рынках, как заключение ряда соглашений о взаимных валютных свопах в национальных валютах стран-контрагентов между Народным банком Китая и центральными банками торговых партнеров КНР (табл. 2).

За почти 10 лет применения данной меры объемы взаимных трансграничных расчетов в национальных валютах, одной из которых обязательно выступает юань, достигли в абсолютном валовом выражении 1,5 трлн юаней, или 250 млрд долл. США. Соглашения заключены с 16 странами и территориями. Также существуют соглашения о намерениях развивать систему расчетов в национальных валютах с Японией и Украиной. Все это доказывает эффективность этой меры, а также явную заинтересованность ряда стран в отказе от доллара во внешней торговле и привлекательность китайской валюты для зарубежных контрагентов.

Россия также заключила сходное соглашение (дополнительный протокол к «Межправительственному соглашению о китайско-российских торгово-экономических отношениях») в конце 2010 г. и подписала отдельное соглашение в июне 2011 г.

Итак, резюмируя все доводы, приведенные выше, можно сделать вывод о том, что Китай нацелен на придание международного статуса своей валюте,

имеет хорошую экономическую базу для этого, а также политическую волю. Остается лишь рассмотреть текущую ситуацию и возможные вызовы на этом пути, которые существуют сейчас и возможны в будущем.

Согласно докладу, опубликованному Народным банком Китая в конце февраля 2012 г., власти КНР намереваются снять все ограничения на капитальные операции в течение 10 лет, тем самым обеспечив полную конвертируемость юаня. Данную реформу планируется осуществить в три этапа.

1-й этап – 1–3 года: ослабление контроля над инвестициями, связанными с внешнеторговой деятельностью, создание благоприятных условий китайским компаниям для наращивания экспорта ПИИ.

2-й этап – 3–5 лет: ослабление контроля над коммерческими кредитными операциями, особенно связанными с внешнеторговой деятельностью, дальнейшая работа над интернационализацией юаня.

3-й этап – 5–10 лет: реформирование и усиление устойчивости финансового сектора Китая, полное открытие каналов для трансграничных инвестиционных и кредитных операций, либерализация рынков собственности, акций, облигаций, переход от количественного к ценовому подходу в монетарной политике государства [7].

При этом должны соблюдаться четыре базовых условия: макроэкономическая стабильность, компетентное финансовое регулирование, достаточный уровень валютных резервов и наличие стабильных финансовых институтов [7].

Мнения о достижимости поставленных целей среди экспертного сообщества расходятся, причем экономисты азиатского региона и развивающихся стран настроены более оптимистично, чем их коллеги из Европы и США.

В качестве аргументов в пользу данного плана можно назвать экономическую мощь и бурное развитие Китая, наличие огромных валютных резервов, грамотность проводимой политики, заинтересованность ряда зарубежных контрагентов в этом процессе. Также приводятся примеры из прошлого: выход на международную арену доллара в 1913–1945 гг., немецкой марки в 1973–1990 гг., японской иены в 1978–1991 гг. [3]. Кроме того, западноевропейским странам понадобилось около 20 лет, чтобы добиться полной либерализации финансовой сферы после коллапса и реформирования Бреттон-Вудской валютной системы. У Китая еще достаточно времени, чтобы сделать это [5].

В качестве негативных факторов можно привести следующие.

Во-первых, в Китае недостаточно развиты финансовый сектор, фондовые рынки, существуют множественные ограничения на различные виды капитальных операций, и власти Китая могут в любой момент отойти от предложенного плана, заморозив проект.

Во-вторых, нет ясного представления о том, как китайский финансовый сектор выдержит конкуренцию со стороны глобального рынка после открытия границ для иностранных капиталов и транснациональных финансовых корпораций.

В-третьих, в Китае действует большой рынок полулегальных банковских услуг, который неподконтролен монетарным властям и может дестабилизировать систему при снятии ограничений. Его существование обусловлено нерыночными условиями кредитования и заниженными депозитными ставками в стране, а также ограничениями доступа к кредиту. Объем рынка измеряется сотнями миллиардов юаней (приближенная оценка согласно оттоку депозитов из официального банковского сектора КНР) [4].

В-четвертых, многие эксперты прогнозируют так называемую жесткую посадку для китайской экономики – замедление экономического роста с 9–10 до 6–7% в год, что негативно отразится на макроэкономическом равновесии, потребует реформ и дополнительных ресурсов для поддержания реального сектора.

Кроме того, премьер КНР Вэнь Дзябао лично заявил 14 марта 2012 г., что экономические и институциональные реформы в Китае неминуемы и должны быть осуществлены в ближайшее время, поскольку страна подошла к критической точке исчерпания ресурсов экстенсивного роста экономики. В этой связи, возможно, начнется переход на новую модель экономического развития – модель, основанную на потреблении, а не на инвестициях, то есть будет совершаться экономический переход [6].

На сегодняшний день сложно давать однозначный прогноз, станет ли юань мировой резервной валютой и когда это произойдет. Китай имеет хорошие предпосылки для повышения статуса своей валюты, а также политическую волю. Для осуществления задуманного властям КНР необходимо провести ряд экономических и институциональных реформ, способствовать дальнейшему развитию финансового сектора страны. Не стоит сомневаться, что они приложат все возможные усилия для улучшения своего положения в МВС, а также на мировой арене. Но, как известно, сложные экономические процессы не могут иметь четкого расписания, особенно в условиях посткризисного периода, глобализации и реформы мирового финансового порядка. Кроме того, уровень конкуренции со стороны стран-эмитентов резервных валют и других кандидатов на это звание достаточно высок, и ожидать серьезных уступок или ошибок с их стороны не приходится.

Можно предположить, что в течение 10 или 15 лет китайский юань станет региональной валютой, частично или полностью заменив собой японскую иену в Юго-Восточной Азии. Если данная цель будет достигнута, то можно будет строить планы по расширению сферы влияния данной валюты и приданию ей мирового статуса.

Литература

1. *Андреев В.П.* Интернационализация юаня: предварительные итоги и перспективы // Деньги и кредит. – 2011. – № 5. – С. 37–43.
2. *Цяо И., Ли Д.* Реформы и развитие финансовой системы в КНР // Свободная мысль. – 2011. – № 7. – С. 91–102.
3. Internationalisation Of Chinese Yuan And The Historical Precedents. URL: <http://www.also Sprachanalyst.com/economy/internationalisation-of-chinese-yuan-and-the-historical-precedents.html>.
4. *Kynge J.* Cracks in Beijing's financial edifice. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/a83e5cf4-f02c-11e0-977b-00144feab49a.html#axzz1qnNOFHro>.
5. *Martinez Ol.J.C.* The Challenges of Renminbi Internationalization. URL: <http://www.iie.com/realtime/?p=2773>.
6. *Wolf M.* How to blow away China's gathering storm clouds. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/5db89bb8-71c3-11e1-b853-00144feab49a.html#axzz1qnNOFHro>.
7. *Borst N.* China: Capital Account Liberalization and the Corporate Bond Market. URL: <http://www.economonitor.com/piie/2012/02/28/capital-accountliberalization-and-the-corporate-bond-market>.
8. Википедия: Свободная энциклопедия. URL: www.ru.wikipedia.org
9. РБК daily: ежедневная деловая газета. URL: www.rbcdaily.ru.
10. Новости Содружества Независимых Государств. URL: www.cisnews.org.
11. Economonitor. URL: www.economonitor.com.
12. АМИ trend. URL: www.trend.az.
13. Азиатский репортер: Деловые хроники Востока. URL: www.asiareport.ru.
14. Война и мир. URL: www.warandpeace.ru.
15. Banki.ru: информационный портал. URL: www.banki.ru.
16. Goldenfront.ru: всё об инвестициях в золото. URL: www.goldenfront.ru.
17. Газета «Жэньминь жибао». URL: www.russian.people.com.cn.
18. Рыба Камчатского края. URL: www.fishkamchatka.ru.
19. РосБизнесКонсалтинг. URL: quote.rbc.ru.
20. China Global Trade Com. URL: www.futureofchinaustrade.com.
21. Financial Times. URL: www.ft.com.

M. Grančay

The EU-Russia civil aviation market has doubled in volume in the last decade. It clearly has a potential to become the second most important market for the EU after its North-Atlantic counterpart. However, while numbers of flights and passengers have been increasing steadily, the dynamics of regulatory changes is low. The goal of this paper is to identify the main trends in EU-Russia civil aviation relations and to forecast their development. We come to the conclusion that it is of very little interest for Russian authorities to push for liberalization of the EU-Russia civil aviation market and as a result, liberalization will only materialize in small changes of bilateral air service agreements. On the other hand, cooperation of airlines and airframe makers will continue to develop rapidly.¹

Keywords: civil aviation, European Union, Russia, Siberian overflights, Emission Trading Scheme

Introduction

International civil aviation has recently faced an interesting combination of liberalization and regulation. While important intercontinental routes, such as EU-USA, EU-Canada or EU-Brazil have been liberalized, regulation of other fields of air transport business has increased. Airport access, air passenger rights, environmental footprint and tarmac delay rules are just a few examples of areas where regulation has tightened over the last couple of years. The dynamics of international air transportation markets is high as never before.

The EU-Russia aviation market is an exception from this general trend. The rules governing civil aviation between Russian and EU airports have remained virtually unchanged for the last decade. They are stuck at a highly protectionist level with little hope for change. While some issues have admittedly been solved (e. g. the dispute about Siberian overflights, as we demonstrate in the third section of the paper), still other problems remain. For example, British Airways has recently applied for a permission to use its largest aircraft Boeing 747 on Moscow-London route. However, Russian civil aviation authorities did not approve the aircraft. A few months earlier, Russian carrier Transaero had unsuccessfully applied for the same right.² Such fights between Russian and European civil aviation authorities are common and hinder full development of the market.

The main goal of this paper is to offer a brief overview of the current state of EU-Russia civil aviation relations. We focus on identifying main trends in the relations and forecasting their development in short and medium-term future. The paper is structured into five main sections. After a brief introduction we proceed with the analysis of air traffic patterns between Russia and the EU. Later we focus

¹ The paper was supported by grant VEGA no. 1/0911/11 “Štyri slobody pohybu v EÚ” coordinated by prof. Lipková at the Faculty of International Relations at the University of Economics in Bratislava.

² The 747 issue was solved on March 26th 2012 when Russian authorities finally approved the use of the aircraft.

on current intergovernmental regulatory framework and major issues in EU-Russia civil aviation relations, such as Siberian overflights and the inclusion of aviation in the EU ETS. Finally, we study aircraft sales, cooperation in aircraft manufacturing and we offer conclusions.

1. Air traffic

The European Union is the most important market for Russian airlines. Although the years when more than 50 per cent of all Russian passenger traffic was directed toward EU destinations are gone, it still maintains a 40-per-cent share. In a three-year period 2007 – 2010 the number of passengers increased by 24 per cent (table 1). Approximately a fourth of the traffic flows to Germany, an important business center and a home of a significant Russian minority. Other important destinations are Italy, Spain (vacation favorites) and France. The most important city pair is Paris (Charles de Gaulle) – Moscow (Sheremetyevo), currently served by 10 flights daily.

Table 1: EU-Russia annual number of passengers transported by air 1993-2010 (in thousands)

COUNTRY	1993	1999	2002	2005	2006	2007	2008	2009	2010
European Union 27	-	-	-	-	-	10,591	11,897	10,711	13,112
European Union 25	-	-	-	8,157	8,897	10,152	-	-	-
European Union 15	-	2,347	-	-	-	-	-	-	-
Czech Republic	-	-	240	409	476	551	664	699	885
France	-	-	630	866	852	885	1,016	886	973
Germany	1,154	1,221	1,765	2,377	2,495	2,869	2,982	2,811	3,157
Greece	-	-	-	376	518	604	814	687	941
Italy	-	245	434	719	931	1,159	1,259	1,023	1,312
Spain	-	-	489	582	657	833	995	799	1,124
UK	-	375	501	814	791	767	786	671	750

Source: Eurostat, 2012.

Since 2004 the number of daily flights between EU airports and Russia has nearly doubled (table 2). Although the growth was negatively hit in 2009 – 2010 by global economic crisis, in 2011 it strongly rebounded, achieving a remarkable 22 per-cent year-on-year increase. The most dynamic market is Spain where the number of daily flights has increased almost five times since 2004. Another better-than-average performers are Cyprus, Czech Republic and Latvia.

Table 2: EU-Russia average number of daily flights 2004-2011

COUNTRY	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Growth 2011/04
Austria	5.0	5.6	6.6	8.2	10.6	10.1	10.8	12.1	242.0 %
Belgium/Luxembourg	1.7	2.0	2.1	1.4	1.1	1.0	2.0	2.4	141.2 %
Denmark	3.0	2.9	3.1	3.7	4.1	2.8	2.5	2.5	83.3 %
Finland	4.9	4.8	4.9	5.1	6.2	5.6	5.5	6.0	122.4 %
France	10.7	11.7	12.0	12.3	13.9	12.8	11.9	14.0	130.8 %
Germany	36.4	36.2	40.4	47.6	49.7	45.9	44.6	53.7	147.5 %
Greece	3.1	2.0	2.9	3.7	4.1	3.5	4.4	7.2	232.3 %
Italy	5.0	6.6	8.4	10.9	11.3	10.9	12.4	13.5	270.0 %
Netherlands	3.1	2.7	2.8	4.1	5.0	5.2	5.5	5.7	183.9 %
Spain	1.7	2.9	3.0	6.2	7.0	6.0	7.0	8.9	523.5 %
Sweden	3.2	3.1	3.1	3.2	3.7	3.1	3.2	3.5	109.4 %
UK	7.1	7.4	7.8	9.5	10.5	10.5	10.2	11.3	159.2 %
OLD MEMBERS	84.9	87.9	97.1	115.9	127.2	117.4	120.0	140.8	165.8 %
Bulgaria	2.0	1.9	2.0	2.6	2.6	2.5	3.3	4.9	245.0 %
Cyprus	1.6	1.6	1.8	1.9	2.3	2.4	3.6	5.6	350.0 %
Czech Republic	5.2	5.6	6.3	8.3	10.5	11.2	11.5	13.2	253.8 %
Estonia	-	-	-	-	-	0.7	1.2	2.2	-
Hungary	2.3	2.2	2.2	2.4	2.7	2.2	2.2	2.9	126.1 %
Latvia	-	-	-	0.7	2.2	2.7	3.5	7.3	-
Lithuania	-	-	1.6	2.2	3.2	2.1	2.0	2.1	-
Poland	3.5	3.6	4.1	4.3	4.3	3.8	4.3	5.4	154.3 %
Slovakia	-	-	-	-	-	-	-	0.5	-
Slovenia	0.8	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.1	1.2	150.0 %
NEW MEMBERS	15.4	15.9	19.0	23.4	28.8	28.6	32.7	45.3	294.2 %
TOTAL EU	100.3	103.8	116.1	139.3	156.0	146.0	152.7	186.1	185.5 %

* Traditional scheduled and low-cost flights, per direction. Charter flights are not included in the data – in 2011 they averaged 9 flights a day, majority of them to Italy. Data for Portugal, Ireland, Romania and Malta are not available.

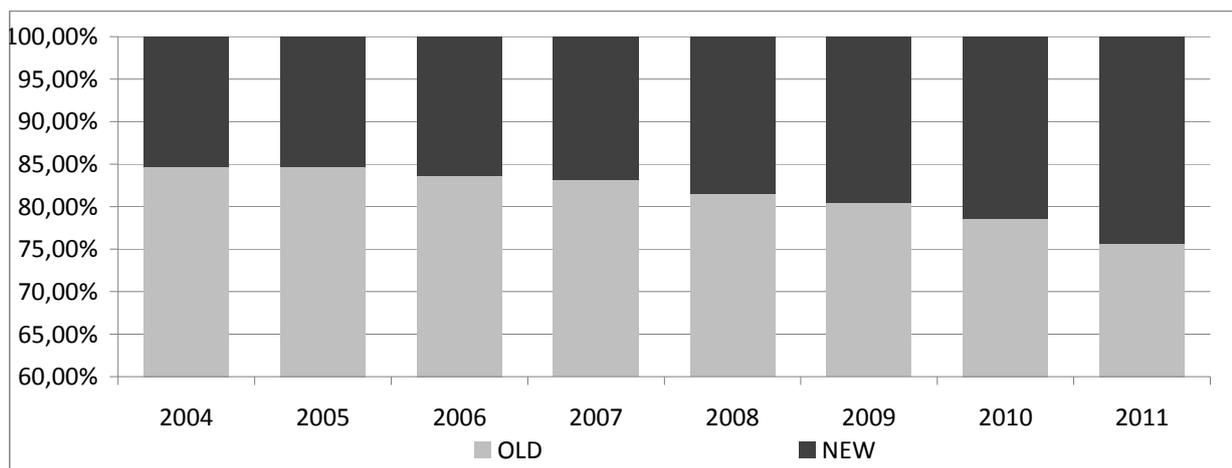
Source: Eurocontrol: STATFOR Interactive Database, 2012.

While more than 75 per cent of EU-bound flights land at airports in old member states, the role of 12 newcomers (countries that joined the EU in 2004 and 2007) has been increasing steadily (figure 1). On a flight-to-population basis, new member states have already surpassed the importance of old members: in 2011 the share of EU population in new member states reached almost 21 per cent; however their share on flights to Russia exceeded 24 per cent. This is a very interesting, perhaps unexpected result. Compared to old members, new member states have worse aviation infrastructure, older aircraft, fewer airlines and lower income to spend on travel. Geographic location of some of them allows for efficient ground transportation to Russia, as for example bus connections between Tallinn and Sankt Petersburg, directly competing with air transportation. Moreover, ten of the countries used to be under a strong influence of the Soviet Union and after the

events of 1989 their perception of Russia turned negative. In many cases, it still is negative today. Considering all the factors mentioned it would be easy to come to a wrong conclusion that the demand for flights between Russia and new EU members is low. Conversely, it is relatively high due to other important factors that fuel air traffic growth:

- Latvia and Estonia are a home to significant Russian minorities, reaching more than 25 per cent of population.
- Czech Republic and Cyprus have become popular destinations with Russian tourists, particularly the Czech capital Prague.
- Air Baltic, an airline based in Riga, Latvia, has successfully launched a new business model in 2004 and is today a major provider of connecting flights between Russia and the EU.

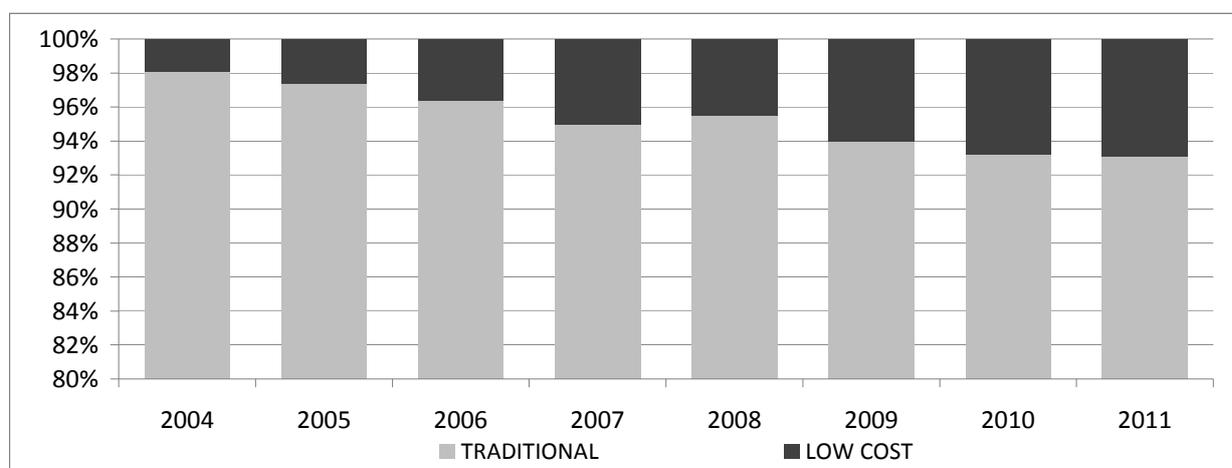
Figure 1: EU-Russia average number of daily flights 2004-2011 – new vs. old member states



Source: Eurocontrol: STATFOR Interactive Database, 2012.

In line with general trend in global aviation, low-cost airlines' share of the EU-Russia market has been increasing steadily. However, due to complicated regulatory environment and nationality restrictions (see part 3 of the paper) it still lags behind expectations and currently holds only 8 per cent of the market. Main low-cost carriers offering service to Russia are Germanwings (Germany), Windjet, Air One (Italy) and Vueling (Spain). As soon as the EU-Russia civil aviation market is liberalized, we expect a rapid take-off of in the number of destinations offered by low-cost carriers. Nevertheless, as we will argue later in the paper, liberalization is not to be expected anytime soon.

Figure 2: EU-Russia average number of daily flights 2004-2011 – low cost vs. traditional airlines



Source: Eurocontrol: STATFOR Interactive Database, 2012.

2. Regulatory framework

In 1944, United States of America organized an inter-governmental conference in Chicago. The aim of the US government was to create a liberal international aviation regime, where all the airlines from all the countries of the world would have the same rights and would be able to operate scheduled flights between any major airports in the world without restrictions. However, US opinion was not shared by the majority of participants. European countries were afraid that liberal rules of international civil aviation would give a huge competitive advantage to US airlines. Therefore, they supported a protectionist structure based on bilateral air service agreements (ASAs). These have governed international civil aviation ever since.

The principle is simple. If an airline from country A wants to operate regular scheduled flights between its home country and country B, a bilateral agreement between governments of the two countries has to be signed. This agreement sets specific rules for operating flights between the countries: names of airlines that gain access to the market, types of aircraft allowed, airports to be served, weekly frequencies, pricing etc. If an airline wants to operate flights from its home country to 100 other countries, 100 bilateral agreements are needed. To complicate things even further, each of these agreements would probably be unique and will contain a different set of rules.

Understanding the problems connected with such a complex structure of thousands of different ASAs, in 1978, USA started signing more liberal and simple “open market” agreements [Doganis, 2007]. In 1992 the process evolved into even more simple “open skies” agreements. The European Union, originally lagging behind, launched a liberalization campaign in the beginning of the 21st century. It started signing so-called horizontal agreements with major partners. These mean that instead of 27 separate agreements (one for each member state) only one bilateral agreement is needed to govern aviation relations with foreign partners.

Today, there are no separate USA-Germany, USA-Italy or USA-France bilateral ASAs any more; instead, only one common USA-EU agreement exists. However, the status of EU-Russia civil aviation relations is different.

Air transport between the EU and Russia remains highly fragmented, governed by separate bilateral ASAs. These are of a highly protectionist nature. We already mentioned the example of British Airways and Transaero not being able to use Boeing 747s on Moscow-London route because civil aviation authorities failed to give approval. Currently, authorities have a right to ban almost any change in air services, be it entry of a new airline, addition of a new route or increase in flight frequency. This is clearly an advantageous situation for Russian airlines and it is therefore not surprising that Russian authorities are not willing to accept a change. Their stance is in many ways similar to that of US authorities before 2007. Main factors of Russian aversion against change include:

- While robust evidence exists that liberalization leads to increased consumer surplus [see for example Alford and Champley, 2007 or ATAG, 2008], it would most likely negatively impact Russian airlines, which are as of yet not ready for fully competitive marketplace.
- Technically, rules of the EU-Russia aviation relations are strictly reciprocal. However, the concept of 27 separate agreements gives an advantage to Russian airlines (specifically Aeroflot): While they can operate flights from Russia to any EU member state, EU airlines can only operate flights to Russia from their country of registration.³
- EU carriers operating hub-and-spoke model have a competitive advantage from geographical location of their hubs. As a result, liberalization of EU-Russia air transportation market would lead to increased number of indirect flights to Russian destinations operated by EU airlines. Russian airlines would lose market share.
- Liberalization would allow European low-cost airlines such as Ryanair, easyjet or Wizzair to aggressively expand to Russian market, further decreasing market share of Russian airlines.

Probably the longest-standing issue in EU-Russia civil aviation relations is that of Siberian overflights. In 1986 the Soviet Union started charging European airlines for flying over Siberia en route to Asian destinations. The idea behind introduction of the fees was to compensate Aeroflot for lost traffic. European airlines had to sign commercial agreements with Aeroflot for the use of trans-Siberian routes. The charges amount to more than 300 million EUR a year, most of them going directly to Aeroflot [Europa.eu, 2011]. The EU has long maintained these agreements were contrary to international law. Siberian overflight charges were one of the crucial obstacles in Russia's accession to the World Trade Organization (WTO). Finally, after long negotiations, the two parties agreed in

³ An important rule is that only German airlines are allowed to fly from Germany to Russia, only French airlines from France to Russia etc. Conversely, Russian airlines can fly to all EU countries.

2006 and 2011 to phase out the discriminatory fees by January 1st, 2014. Any charges EU airlines will be obliged to pay from 2014 on will be “cost-related and transparent” [Europa.eu, 2011]. However, the process is now endangered by decision of the European Commission to unilaterally include international aviation into the Emission Trading Scheme (ETS). Russia has publicly threatened to reinstate Siberian overflight fees as a countermeasure.

The EU ETS is a scheme requiring large emitters of CO₂ within the EU to annually report their emissions and to pay for any emissions above the allowance allocated to them by the EU. Since January 2012, international civil aviation has been included in the scheme. All airlines flying into and out of European airports have to have carbon credits and have to pay for any emissions above the allowance. The scheme has attracted growing criticism. Opponents claim it is not an effective way to battle climate change and its only goal is to increase incomes of the EU budget. Moreover, it applies not only to emissions produced above the territory of EU, but to emissions produced for the duration of flight, regardless of where the aircraft started or where it is headed to. It is therefore clearly extraterritorial. A typical argument demonstrating ineffectiveness of the scheme would go on like this: If a Russian airline wanted to operate direct flights from Vladivostok to Warsaw, it would have to obtain emission credits for the whole route. A cost-conscious airline could add a short stop in Moscow. The flight would thus become indirect and the airline would only have to obtain emission credits for the Moscow-Warsaw section. The airlines would save money, however, total emissions would increase, as take-off and landing produce a considerable amount of CO₂.

The vast majority of world governments have declared their dissatisfaction with the scheme. Some, for example China, went even further and banned its airlines from participating in the ETS. Several major aviation players (including Brazil, China, Japan, Russia and the US) met in Moscow in February 2012 and signed a joint declaration against the scheme. However, the European Commission refuses to back up. While there is still some time before the situation has a potential to escalate (first carbon credit check is planned for 2013), it has already been adding tension to already uneasy EU-Russia relations. It is obvious that any liberalization of the EU-Russia civil aviation market will not materialize before the EU makes radical changes to its ETS project.

3. Aircraft sales

In the last couple of years Russia has seen a number of deadly aviation accidents. In 2006 an Armavia Airbus A320 crashed near Sochi, killing all 113 people aboard. Later that year an S7 airlines A310 crashed near Irkutsk leaving more than 100 dead. In 2007 an UTair Tupolev 134 crash in Samara led to a loss of 6 lives. An Aeroflot Boeing 737 crashed on approach to Perm in 2008 and a Polish presidential Tupolev 154 near Smolensk in 2010. In September 2011, members of a KHL ice hockey team died in a Yakovlev 42 accident near Yaroslavl. Another four deadly accidents in 2011 involved Antonov and Tupolev aircraft. Due to poor maintenance of old aircraft,

inadequate pilot training and non-professional crew behavior several Russian airlines were added to the list of airlines banned within the EU.⁴

As a result of the bad safety record of airlines, several Russian carriers have lost their operating license. President Medvedev stated that the situation in Russian civil aviation is critical and he pledged to change the situation “The value of human life overrides other considerations, including support for the domestic producers,” he said [Bloomberg, 2011]. The reform of Russian civil aviation is expected to include the following elements:

- Decrease the number of Russian airlines to guarantee that they have the resources and funding to operate aircraft safely. This could be accomplished by means of acquisitions and mergers as well as by revoking air operator’s certificates.
- Set a minimum number of aircraft of a particular type an airline can operate. The logic behind this interesting rule is that an airline with just one or two aircraft of the same type is not able to guarantee their safe operation and efficient maintenance. However, some aviation experts have warned there is no direct connection between the size of the airline, its fleet age and the safety standard. There is also a risk of small communities losing air service [Aviation Week, 2011].
- Make terrain and traffic collision-avoidance systems mandatory. The system has been absent from many Ukrainian and Russian-build aircraft.
- Boost the number of Western-built aircraft in fleets of Russian airlines. The government is expected to offer subsidies for purchases of Airbus and Boeing wide-body aircraft. Purchases of foreign narrow-body aircraft will probably not be supported, as they would directly compete with the new Sukhoi Superjet 100 and planned Irkut MS-21.

Probably the most important element of government’s effort to increase passengers’ confidence in Russian airlines is fleet renewal. Traditional foreign aircraft choices include products by European manufacturer Airbus and its US counterpart Boeing. Their orders are not only commercial contracts, but also results of complicated political games. (Both Airbus and Boeing are major foreign cash earners for their countries and hence their sales are often supported by politicians, including presidents Sarkozy and Obama.) EU’s major player on the airliner market is Airbus – as of January 31st 2012 Russian airlines operate 179 Airbus aircraft and have additional 66 on order (table 3). This compares favorably with Boeing, however, Boeing’s order books are thicker than the order books of Airbus. EU officials have been greatly disappointed by Aeroflot’s decision to order 22 Boeing 787s and 16 Boeing 777s, while choosing only 22 Airbus A350s. In another setback to Airbus, no Russian airline has yet ordered the A380 super jumbo; still, Airbus claims it sees a market for 22 very large aircraft in the region over then next 20 years [Airbus, 2011].

⁴ Currently, no airlines from Russia are on the blacklist.

Airbus considers Russia the 8th most important aviation market in the world (after USA, China, Germany, India, UK, United Arab Emirates and Brazil). It forecasts almost 700 aircraft worth 73 billion USD will be required by Russian airlines by 2030 [Airbus, 2011]. Obviously, the manufacturer supported by European politicians aims to deliver the majority of those airplanes. However, the Airbus-Boeing duopoly has come to an end and any sale of single-aisle aircraft to Russian customers will be increasingly difficult.⁵ Provided it meets declared technical specifications, the clear winner in this market segment will be Irkut MS-21 – a new aircraft developed by Irkut in cooperation with Yakovlev, expected to enter commercial service in 2016. Russian airlines have already ordered more than 150 machines, including Aeroflot's order for 50. Other serious competitors include Chinese COMAC 919 (2016) and on the lower end Sukhoi Superjet 100 (already in service) and Bombardier CSeries (2013).

Table 3: Airbus aircraft ordered, delivered and operated by Russian airlines (as of 31-Jan-2012)

	A319			A320			A321			A330			A350		
	Or	De	Op	Or	De	Op	Or	De	Op	Or	De	Op	Or	De	Op
AEROFLOT	4	4	15	1	1	43	26	18	18	11	3	14	22		
AVIANOVA						0									
I FLY LTD												1			
KOLAVIA AIRLINES						2			3						
KUBAN AIRLINES			3												
NORDWIND LLC									1						
ROSSIYA AIRLINES			9			6									
S7 AIRLINES			20	23		9									
TATARSTAN AIRLINES			2												
TRANSAERO AIRLINES				8											
URAL AIR				7		13			9						
VLADIVOSTOK AIR						7						3			
VYBORG AIRLINES									0						
YAMAL AIRLINES						1									
TOTAL	4	4	49	39	1	81	26	18	31	11	3	18	22	0	0

Aircraft neither ordered nor operated by Russian airlines: A300, A318, A340 and A380.

Source: Airbus, 2012.

⁵ The market for double-aisle aircraft is different – Airbus and Boeing still hold a duopoly and no programs that could endanger this market structure have been announced. It is not expected that China or Russia will build a successful wide-body airliner within the next 10 – 15 years.

Other EU-built aircraft currently operated by Russian airlines include ATR42, ATR72, LET L-401, SAAB 340 and SAAB 2000.

Table 4: Russian aircraft ordered and operated by EU/EEA airlines (as of 31-Jan-2012)

Aircraft type	Ordered	Operated	Additional information
Sukhoi Superjet 100	10	0	Italy – Blue Panorama Airlines (8/0), Switzerland – Comlux (2/0)
	-	?	Some Central European governments still operate a few Tupolevs and Yakovlevs.

Source: Sukhoi Superjet, 2012; Flight International: World Airliner Census 2011, 2011.

While there is a long list of Russian operators of EU-built aircraft, no major EU airlines operate any Russian-built aircraft. Primary reasons are economic: Russian aircraft currently on the market have higher operating costs and offer lower passenger comfort than their Western-built counterparts. There is also a psychological factor that needs to be counted with – EU passengers simply do not want to fly Tupolev or Ilyushin aircraft. However, things might soon start to change. Two small Italian and Swiss airlines have already placed an order for a total of 10 Sukhoi Superjet 100s (table 4). If the aircraft proves successful, additional small orders might follow. A large order of Superjets or MS-21s is for now out of question; although aggressive airlines like Ryanair might surprise the market.⁶ Moreover, Russian aircraft-manufacturing industry has considerably enhanced its position in the last couple of years. In 2003, Airbus created an engineering center in Russia that has worked on major projects including Airbus A380 and Airbus A320 neo. Russian companies are also significantly involved in producing components for A320, A350 XWB and A380. Airbus seems set to follow a strategy of cooperation with potential future competitors.⁷ Therefore, even if large orders of Russian aircraft by EU airlines can not be expected, the role of Russian subcontractors in EU aviation will keep increasing.

4. Conclusions

International civil aviation has recently undergone a turbulent period. Wave of airline bankruptcies in the first years of the new millennium was followed first by economic upturn, later by deep economic crisis leading to even more bankruptcies, and then by the most profitable year in the history of aviation (2010). The European Union has led a broad initiative of liberalizing air transport services, but on the other hand has also tightened regulation of customer service and environmental aspects. Today, facing increased competition from China and the

⁶ Ryanair planned to place an order for 200 Boeing aircraft in 2009, but did not manage to obtain contract conditions it had hoped for. It announced it was not going to buy Airbus airliners either and would wait for the Chinese and Russians to advance with their COMAC 919 and Irkut MS-21. In the end, Ryanair would probably buy aircraft from the producer it can secure the best deal with.

⁷ It does so with Irkut as well as with Chinese COMAC. Airbus believes this strategy will help the company increase its sales on the local market; it also lowers the cost base. On the other hand, some experts are afraid it will lead to an unwanted transfer of know-how and a fierce competition of several aircraft manufacturers in the future.

Middle East, as well as possible foreign operation restrictions caused by EU's unilateral inclusion of aviation in the ETS, EU airlines are operating in a tough business environment. Russian airlines have problems of their own – Russian aviation market has been hit by a high number of accidents reducing passengers' confidence.

In this paper we have identified the main trends in current EU-Russia civil aviation relations. They include:

- Steady increase in annual number of passengers and flights.
- Rising importance of air transportation between Russia and the new EU members.
- Rising share of low-cost airlines on the market; however, due to high degree of protectionism their share is less than 8 %, compared to approximately 40 % on the internal market of the EU.
- Continuing unwillingness of Russian authorities to relax protectionist bilateral air service agreements. Inability of the European Commission to negotiate changes.
- Increasing tensions due to EU's policy of including international civil aviation in the Emission Trading Scheme.
- Intensifying cooperation of Russian and EU civil aviation authorities in field of aviation safety.
- Ongoing integration of Russian contractors into production process of Airbus.

We have argued it is of very little interest for Russian airlines to push for liberalization of the EU-Russia civil aviation market. The main carriers are against complete liberalization for fear of losing market share. Russian government has a strong record of listening to the voice of domestic carriers and pursuing national interest. It is therefore obvious that no radical changes of market regulation can be expected. Rather, liberalization will be pursued in small steps, in response to increasing passenger demand. An example of this strategy could be seen in February 2012 when Russia and Bulgaria amended their bilateral air service agreement to increase frequencies on Burgas-Moscow and Varna-Moscow routes. They also changed the number of designated airlines allowed to operate Russia-Bulgaria routes from one to two from each side.

Sour relations between civil aviation regulators will be counterbalanced by cooperation of airlines and airframe makers. Airbus will further increase its cooperation with Russian contractors and subcontractors. Also, airlines will continue their practice of code-sharing and engaging in alliances – Aeroflot joined SkyTeam in 2006 and S7 Airlines entered oneworld alliance in 2010. We can therefore conclude that although regulators are set to confront the pressures of globalization, commercial sector has already become an integral part of it.

Bibliography

1. Airbus (2011). *Delivering the Future: Global Market Forecast 2011-2030*. Blagnac: Airbus.
2. Alford, E. – Champley, R. (2007). *The Impact of the 2007 U.S.-EU Open Skies Air Transport Agreement*. Washington: ITA.
3. ATAG (2008). *The Economic and Social Benefits of Air Transport 2008*. Geneve: Air Transport Action Group.
4. Aviation Week (2011). *Russia Makes Big Moves as Fatalities Mount*. In: Aviation Week, 16. 9. 2011.
5. Bloomberg (2011). *Medvedev Seeks Aviation Revamp as Hockey Team Crash Kills 43*. In: Bloomberg Businessweek, 8. 9. 2011.
6. Doganis, R. (2007). *Flying off Course*. Abingdon: Routledge.
7. Europa.eu (2011). *Air transport: Commission welcomes agreement on Siberian overflights*. In: EC Press Releases, 1. 12. 2011.
8. Flight International (2011). *World Airliner Census 2011*. Sutton: Reed Business Information.
9. Lipková, Ľ. (2011). *Medzinárodné hospodárske vzťahy*. Bratislava: Sprint dva.

**Институциональные особенности взаимодействия бизнеса и власти
в Кемеровской области**

О.А. Урбан

На примере Кемеровской области исследована проблема преодоления в посткризисный период противоречий между формальными и неформальными институтами, формализации неформальных правил и доминирования нормативно-правового регулирования и контроля в отношениях власти и бизнеса. Сделан вывод, что в реальности деформализация правил является устойчивой характеристикой в отношениях власти и бизнеса, а выход на докризисный уровень объемов производства в базовых отраслях региона создает объективные условия для сохранения «тренда» в отношениях власти и бизнеса в регионе.

Ключевые слова: власть и бизнес, административные механизмы, неформальные соглашения, социальные обязательства бизнеса, корпоративная социальная ответственность, бизнес в регионе, институализация неформальных практик договоренности, региональная особенность, институциональная модель взаимоотношения власти и бизнеса, Кемеровская область.

Институциональную модель взаимоотношений власти и бизнеса формирует совокупность сложившихся в регионе конфигураций формальных и неформальных норм, правил и практик их применения. Учитывая, что неформализованные контакты чаще всего подразумевают наличие у партнера из бизнес-структуры крупных экономических ресурсов [15, с. 45–46], именно собственники угольных и металлургических компаний как бюджетообразующих предприятий, определяющих развитие региона, широко включены в разнообразные практики неформализованных отношений с властью, в основе которых лежат персонифицированные договоренности.

Вместе с тем, как отмечает В.А. Шабашев, социальные связи на персонифицированном уровне между представителями бизнеса и органами власти, имеющие неэкономическую природу, в формах, инициированных властью, способствуют институализации принципов корпоративной социальной ответственности [14, с. 90].

В начале 1990-х гг. для институциональной модели взаимодействия власти и бизнеса были характерны традиционные для советской системы способы администрирования с дифференцированным подходом и разрастание неформальных практик, значительная часть которых, следуя классификации М.А. Курбатовой [8, с. 121–122], сосредоточилась в «черной зоне», характеризующейся коррумпированными отношениями власти и бизнеса. Подобные практики сопровождалось нарушением трудовых прав работников предприятий, ростом социальной напряженности на микро- и мезоуровне.

В конце 1990-х гг. в целях преодоления социального кризиса, повышения социальной ответственности собственников на базе действовавшего за-

конодательства и нормативных документов региональной властью, возглавляемой с 1997 г. губернатором А.Г. Тулеевым, были сформированы административные механизмы перераспределения собственности в пользу конкретных компаний, основанные на неформальных соглашениях о социальных обязательствах бизнеса. Корпоративная социальная ответственность превратилась в необходимое условие ведения бизнеса в регионе, а институализация неформальных практик договоренности (в определении рамочных условий ведения бизнеса на территории области как необходимое условие реализации формальных прав собственности) стала региональной особенностью институциональной модели взаимоотношения власти и бизнеса.

Например, уже через год после приобретения в 2006 г. УК «Прокопьевскуголь» ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (НЛМК) объявил о заключении с администрацией г. Прокопьевска соглашения о продаже компании за 1 долл. США [5]. Были основания предполагать, что В. Лисина не устроили в первую очередь требования социального характера. НЛМК не подписал социально-экономические соглашения с администрациями области и города, а коллективные договоры между профсоюзами и администрациями шахт оказались в социальном плане основательно урезанными [6]. После покупки активов администрация области осуществила поиск новых собственников для предприятий «Прокопьевскуголь».

Другим примером служит приобретение «Евразом» 50% пакета акций компании «Южкузбассуголь». После трагедий на шахтах «Ульяновская» и «Юбилейная» руководством области было принято решение о смене собственника и менеджмента «Южкузбассугля». По заявлению губернатора, «собственниками угольных предприятий должны быть ответственные и серьезные компании, для которых приоритет – не сиюминутная прибыль, а долгосрочное стабильное развитие» [4]. Если не сменится владелец, у компании будет отозвана лицензия на ведение горных работ [2].

«Вхождение» новых экономических субъектов в регион также предполагает социально-ориентированные условия ведения бизнеса. В процессе переговоров о приобретении крупнейшей в мире сталелитейной компании *Arcelor Mittal* угольной компании «Кузбассуголь», принадлежавшей «Северстальресурс», губернатор А.Г. Тулеев на встрече с представителями компании (2008 г.) подчеркнул, что в регионе приоритетными для нового собственника должны стать вопросы безопасности на шахтах, повышения заработной платы, экологии, социальной защиты шахтеров и членов их семей [1].

В соответствии с социальной направленностью политики, проводимой региональной властью, для бизнеса установлены локальные «правила игры», которые во многом носят неформальный характер и отражают своеобразную административную модель управления региональной экономикой, базирующуюся на неформальных взаимодействиях власти с бизнесом в сочетании с рисками административного воздействия.

Неформальные социальные стандарты ведения бизнеса приобретают в регионе обязательный характер и оцениваются бизнесом как нормативные требования. Компании, не придерживающиеся неформально прописанных требований к бизнесу, увеличивают собственные риски. В этом плане дифференциация правил игры и избирательное применение санкций к нарушителям формальных норм и правил (проверки, лишение лицензии, штрафы, привлечение СМИ для публикации различного рода информации и создания негативного образа и др.) стали инструментами принуждения бизнеса к соблюдению установленных неформальных норм.

В условиях мирового кризиса собственники угольных и металлургических предприятий вынуждены были принимать непопулярные в социальном плане решения, что вызывало негативную реакцию со стороны власти и усиление административного давления на собственника. Так, в связи с приостановкой в начале кризиса производства продукции на ОАО «Гурьевский металлургический завод» А.Г. Тулеев обратился к генеральному прокурору Ю. Чайке с просьбой разобраться в ситуации, поскольку руководство предприятия в лице компании «Эстар» умышленно подводило завод к банкротству, действия собственника не были согласованы ни с областными властями, ни с городской администрацией [13]. Уже в июне 2009 г. произошла смена собственника, которым стал «Банк Санкт-Петербург» [3].

В соглашениях о социальных обязательствах конкретного собственника (объемы социальных инвестиций, рост оплаты труда, инвестиции в безопасность и пр.) отражаются общие для всех без исключения бизнес-структур деперсонифицированные нормы неформального характера о социальной нагрузке бизнеса в регионе. Исследователями выделяются три основные группы неформальных норм, действующих в Кемеровской области, это – заключение договоров о сотрудничестве (партнерстве), учреждение фондов для дополнительных отчислений, практика прямого финансирования бизнесом различных инфраструктурных и социальных проектов [7, с. 39].

Ежегодная практика заключения соглашений о социально-экономическом сотрудничестве (партнерстве) с собственниками крупнейших промышленных предприятий с целью повышения эффективности и социальной ответственности бизнеса берет начало с 2002 г. Заключение соглашений в целом отвечает интересам сторон и является дополнительным фактором решения экономических и социальных задач на микро- и мезоуровне.

В этих документах прописаны обязательства собственников по развитию своих предприятий (повышение заработной платы, инвестиции в безопасные условия труда, предоставление разного рода социальных льгот и пр.), по реализации социальных программ городов и поселков (строительство жилья, развитие ЖКХ, оказание спонсорской помощи медицинским и образовательным учреждениям, детским домам, финансирование летнего детского отдыха, дополнительного пенсионного обеспечения и др.), а также по участию в региональных и национальных проектах.

Только в докризисный 2008 г. в нацпроекты собственники должны были инвестировать 6 млрд руб. [12, с. 88]. Исключением не стал период мирового кризиса – несмотря на сложную финансовую ситуацию, компании взяли на себя обязательства широких социальных инвестиции. В 2009 г. администрацией Кемеровской области были заключены соглашения с 32 компаниями, в том числе 31 – из угольной отрасли, 1 – из металлургической. В соглашениях на 2010 г. социальные обязательства крупного бизнеса были запланированы в докризисном объеме.

По сути, благодаря заключению такого рода соглашений произошла частичная формализация неформальных практик, определяющих социальные обязательства бизнеса, – соглашения, превратившись в институализированную практику взаимоотношения власти и бизнеса, определяют сегодня уровень социальной нагрузки на крупный бизнес.

Однако практика соглашений законодательно не отрегулирована, и в этом смысле закрепленные за бизнесом обязательства не имеют нормативного долженствования, но с учетом действия административных механизмов, высокого авторитета регионального лидера пункты договоренностей на неформальном уровне приобретают статус правовой нормы и подлежат обязательному исполнению.

В условиях ограниченности бюджетных ресурсов на местах бизнес активно участвует в разнообразных практиках дофинансирования территории (организация специализированных фондов, различные формы спонсорства, участие в социальных программах и пр.). С 2006 по 2009 г. доля внебюджетного финансирования ряда национальных и региональных проектов выросла с 38 до 46% [14, с. 12].

Институализацию практик дополнительных расходов бизнеса, например – на поддержание территории, по мнению экспертов, можно рассматривать как результат происходящего нового определения прав основных хозяйствующих субъектов в форме восстановления советских схем взаимодействия власти и бизнеса [8, с. 123–124]. Носителями этих схем являются действующие руководители с опытом работы советскими руководителями, когда на предприятиях лежала ответственность за социальные проблемы территории. Региональная и местная власти занимают место организатора и оператора потока ресурсов бизнеса, направляемого на поддержку местного развития.

В обмен на финансирование инфраструктурных и социальных проектов власть создает бизнесу условия, которые и так должны существовать согласно нормативной модели взаимодействия власти и бизнеса. Обоснованием подобного рода практик служат рост «социальной ответственности» бизнеса и развитие «социального партнерства», социально-экономическое содержание которых в данном случае подменяется [7, с. 36–38]. Широкое распространение практик дополнительного социального инвестирования бизнеса основывается как на взаимной заинтересованности сторон, так и на административном давлении власти на бизнес.

Следует отметить, что по мере трансформации угольных и металлургических компаний в компании с международными масштабами деятельности значимость регионального административного ресурса начинает снижаться, поскольку экономический и политический потенциал компаний делает их менее зависимыми от влияния региональной власти. Уже в 2006 г. «Евраз» вышел из системы заключения социально-экономических соглашений с областной администрацией. По заверению действующего в то время президента «Евраз» В. Хорошковского, социальная политика компании оставалась одним из самых сложных и требующих внимания вопросов, а распределять средства на социальные программы планировалось через специально создаваемые фонды [10]. С этой целью в 2007 г. был учрежден «Благотворительный фонд “Сибирь”» [11]. Особенностью корпоративных социальных программ «Евраз» является собственная координация социальных программ в Сибирском регионе и поддержки социальноориентированных инициатив населения взамен предлагаемых региональной властью соглашений о социально-экономическом сотрудничестве.

В настоящее время в регионе сложилась на базе общих интересов партнерская модель взаимоотношений власти бизнеса. Интерес бизнеса связан, во-первых, с доступом к ресурсам региона; во-вторых – с административной и политической поддержкой региональной власти; в-третьих – с формированием репутации социальноответственной компании, что особенно важно при выходе на международные рынки; в-четвертых – при работе на долгосрочную перспективу значимыми для собственника становятся факторы качества жизни населения, влияющие на квалификацию кадров.

Администрация Кемеровской области лоббирует жизненно важные интересы крупного бизнеса. Это – ускорение сроков перевода газовых электростанций на угольное топливо; изменение тарифной политики естественных монополий, в первую очередь железнодорожных тарифов, которые имеют особое значение для базовых отраслей, поскольку регион в значительной степени удален от морских портов, откуда осуществляется экспорт продукции.

В период мирового финансово-экономического кризиса со стороны исполнительной власти крупному бизнесу оказывалась нормативно-правовая, организационная, финансовая поддержка. В свою очередь интерес власти связан с усилением контроля над использованием ресурсов, с дополнительными источниками финансирования социальных программ и достижения социальной стабильности в регионе. По оценке Ю. Фридмана, в докризисное десятилетие интересы бизнеса и власти в Кузбассе совпадали максимально полно. Модель управления регионом, промышленная и социальная политика властей «вполне устраивала бизнес». Жесткое социальное давление региональных властей сглаживалось благоприятным рыночным фоном и лоббистской политикой региональных властей. Уровень согласованности интересов бизнеса и власти в регионе достигал 55–60 % [14, с. 12].

Сказанное свидетельствует, что отношения региональной власти и бизнеса демонстрировали высокий уровень согласованности интересов в рамках сформированной институциональной модели, для которой характерны следующие особенности.

1. Удельный вес региональных законодательных норм, регулирующих социальные аспекты, является существенным. Как отмечает С. Левин, в условиях зависимости, действительности формальных норм от персонифицированных решений руководителей органов власти последние также принимают локальный характер [9, с. 28]. Все это говорит о локализации институциональных основ экономики как фактора усиления регулирующей роли региональной власти.

В новых институциональных условиях, характеризующихся формализацией отношений власти и бизнеса в рыночной экономике, социальные обязательства бизнеса постепенно находят отражение в региональном законодательстве, что свидетельствует о нормативном закреплении дополнительных обязательств бизнеса и о постепенном замещении неформальных договоренностей нормативными документами. В этой связи следует отметить принятие областного закона от 15 июля 2009 г. № 90-ОЗ «О Резервном фонде Кемеровской области». Резервный фонд формируется за счет источников финансирования дефицита областного бюджета, которыми в том числе становятся выделяемые компаниями ресурсы.

2. Отличие от нормативно заданной модели отношений власти и бизнеса с разделением зон ответственности. Политические и экономические ресурсы региональной власти в отношениях с бизнесом обеспечивают сохранение высокого потенциала административного влияния на бизнес, а сложившаяся модель отношений фиксирует в большей степени одностороннюю ответственность бизнеса и отражает сохранение асимметричности отношений власти и бизнеса.

3. Деформализация правил, когда формальные правила замещаются неформальными и встраиваются в неформальные отношения, а сама власть создает неформальные практики и встраивает в них формальные нормы. В отношении власти и бизнеса значительную роль продолжают играть нормы административно-командного управления, а деформализация правил превратилась в устойчивую характеристику взаимодействия власти и крупного бизнеса в регионе.

4. Ядром институциональной модели является региональная власть, возглавляемая авторитетным политическим лидером, поддерживаемым большинством населения области. На выборах губернатора 19 октября 1997 г. и 22 апреля 2001 г. за А.Г. Тулеева проголосовало соответственно 94,56 и 93,54% избирателей, принимавших участие в голосовании. В 2005 и 2010 гг. дважды по представлению Президента РФ Совет народных депутатов области единогласно избирал А.Г. Тулеева губернатором.

Выборы 12 октября 2008 г. в Совет народных депутатов Кемеровской области подтвердили, с одной стороны, устойчивость консенсуса региональной власти и крупного бизнеса, с другой – социальный характер проводимой губернатором политики. Думские выборы 4 декабря 2011 г. стали своеобразным референдумом доверия для губернаторов.

Результаты голосования в Кемеровской области серьезно отличались от средних по РФ в пользу «Единой России» (64,61%). Наличие в региональном партийном списке представителей власти и связанного с ней крупного бизнеса отражает сохранение распределения и влияния сил экономико-управленческой элиты.

Сложившаяся по форме партнерская институциональная модель взаимоотношений власти и бизнеса в условиях благоприятной рыночной конъюнктуры являлась дополнительным фактором решения экономических и социальных задач на микро- и мезоуровне. Однако в условиях кризиса усилилась тенденция направленного (избирательного) административного давления власти на бизнес с использованием формальных и неформальных норм, что свидетельствовало о сохранении преемственности между советской, предшествующей, и современной моделью взаимодействия власти и крупного бизнеса.

Мировой финансово-экономический кризис обострил системные проблемы региональной экономики (монопродуктовый, сырьевой характер, состояние основных фондов, уровень производительности труда, качество и ассортимент продукции, качество персонала и пр.) и вскрыл общие институциональные проблемы в плане устойчивого экономического роста на основе модернизации и инновационного развития в долгосрочной перспективе. Как отмечают эксперты, закрепление административно-командных методов государственного управления препятствует переходу органов госуправления к современным способам управления, снижает доверие между властью и бизнесом. При этом деятельность органов власти серьезно модифицируется по сравнению с «идеально» заданной ролью гаранта «правил игры» и с нормативно установленной ролью [7, с. 31–32].

Сложившаяся институциональная модель взаимодействия власти и бизнеса, доказав эффективность для решения текущих задач, не оказывает достаточного влияния на изменение мотивации предпринимательской деятельности собственников, которая связана с решением структурных задач региональной экономики, и содержит в себе риски для регионального развития (является ограничителем для экономических субъектов – сторонников позиции: «обязанность бизнеса – платить налоги, обязанность власти – решать социальные проблемы региона»); способствует сращиванию крупного бизнеса и власти, утверждению государственно-олигархической модели в регионе.

В посткризисном периоде в отношениях власти и бизнеса актуальной является проблема преодоления противоречий между формальными и не-

формальными институтами, формализации неформальных правил и доминирования нормативно-правового регулирования и контроля.

Социальная ответственность должна регулироваться нормативными правовыми документами, регулирующими отношения и обязательства органов власти и бизнеса на федеральном, региональном и местном уровнях. В этом плане выделяются следующие необходимые условия для эффективного взаимодействия бизнеса и власти в посткризисный период. Во-первых, реализация бизнесом стратегии модернизации и инновационного развития, которая немыслима без инвестиций в развитие кадрового потенциала. Во-вторых, формирование властью благоприятной институциональной среды для устойчивого социально-экономического развития в регионе и секторах экономики.

Однако реальная практика показывает, что деформализация правил является устойчивой характеристикой в отношениях власти и бизнеса, а выход на докризисный уровень объемов производства в базовых отраслях региона создает объективные условия для сохранения «тренда» в отношениях власти и бизнеса в регионе.

Литература

1. Администрация Кемеровской области информирует: О возможном приобретении «Кузбассугля» сталелитейной компанией Arcelor Mittal // Уголь. – 2008. – № 4. – С. 64.
2. Базарова Л. У «Южкузбассугля» должен быть один собственник // Кузбасс. – 2007. – 26 мая.
3. Гурьевский металлургический завод возобновит работу (Кузбасс) // Новости металлургии. – 2009. – 5 июня. URL: www.metaldaily.ru/news/news28332.html (дата обращения 25.08.2011 г.).
4. Денисов А. Дело дошло и до передела // Кузнецкий рабочий. – 2007. – 29 мая.
5. Думенко Т. «Прокопьевскуголь» продан. За 1 доллар // Кузбасс. – 2007. – 3 апреля.
6. Калитина Д. Собственник готов действовать // Кузбасс. – 2007. – 4 апреля.
7. Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // Экономический вестник РГУ. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 27–50. URL: www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2010/03/27/0000336426/journal8.1-3.pdf (дата обращения 01.10.2010 г.).
8. Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформализация правил взаимодействия власти и бизнеса // Вопросы экономики. – 2003. – № 10. – С. 120–128.
9. Левин С.Н. Территориальная локализация и сегментация институциональной среды современной экономики России // Институциональная

- трансформация экономики на постсоветском пространстве: Сборник статей международной научной конференции «Институциональная трансформация: федеральный и региональный уровни». Кемерово. 29–30 октября 2009 г. / Под ред. С.Н. Левина. – Кемерово: КемГУ, 2009. – С. 26–31.
10. *Осипова О., Волченков В.* Инвестор голосует рублем // Кузнецкий рабочий. – 2006. – 6 мая.
 11. Служба новостей // Кузнецкий рабочий. – 2007. – 25 августа.
 12. Соглашение о социально-экономическом сотрудничестве на 2008 год между администрацией Кемеровской области и компанией «МаррТЭК» // Уголь. – 2008. – № 5. – С. 88.
 13. Тулеев предлагает передать Гурьевский МЗ в собственность Кемеровской области // Новости металлургии. – 2009. – 6 января. URL: www.metalinfo.ru/ru/news/35167 (дата обращения 25.03.2009 г.).
 14. *Фридман Ю.* Власть и бизнес: баланс интересов // Деловой Кузбасс. – 2009. – № 12. – С. 12; 2010. – № 1. – С. 10–16.
 15. *Чурикова А.Е.* Российские директора и региональная власть: поиск оптимальных моделей взаимодействия // Социс. – 2001. – № 11. – С. 35–46.
 16. *Шабашев В.А., Яркова Т.А.* Развитие отношений корпоративной собственности в транзитивной экономике России. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 183 с.

Совершенствование управления социально-экономическим развитием региона (на примере Кемеровской области)

**А.В. Копеин,
С.Н. Красильникова**

Рассмотрена региональная система ресурсного типа на примере Кемеровской области. Выявлены и сформулированы общие принципы и технологии управления региональным развитием. Проанализированы инновационные пути развития ключевых отраслей ресурсных регионов, в частности крупной промышленности, сельского хозяйства, энергетики, природных ресурсов, транспортных коммуникаций, малого и среднего бизнеса, а также социальные факторы стабильности.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие региона, Кемеровская область, Кузбасс, Сибирский федеральный округ, Дальний Восток, модернизация, научно-исследовательский потенциал, интеллектуальный потенциал, промышленная собственность, регион ресурсного типа, региональное развитие, региональное управление, инновационно-технологический центр, инновационная среда.

Регионы, являясь компонентами единой политической и социально-экономической системы России, обладают собственной спецификой. Среди факторов, определяющих региональную специфику, выделяются географические и связанные с ними природно-климатические, исторические, хозяйственные, социальные и национальные. С учетом этих факторов должен производиться выбор методов и средств эффективного управления социально-экономической системой с целью обеспечения ее долгосрочного устойчивого функционирования и развития.

Но наряду со специфическими особенностями рассмотрение региональных систем ресурсного типа с различных точек зрения позволяет выявить и их общие свойства. Наличие общих свойств позволяет говорить о возможности разработки общих принципов и технологий управления региональным развитием [2, с. 46].

Основой существования большинства регионов является реализуемая в них хозяйственно-экономическая деятельность. В первую очередь это промышленность и сельское хозяйство. С 1990-х гг. существенно возрастает роль малого и среднего бизнеса. Практически во всех регионах можно выделить небольшое число отраслей, которые играют ключевую роль в развитии региона. Причем чем их меньше, тем более критично состояние каждой отрасли для региона. В общем случае, при рассмотрении хозяйственно-экономической деятельности во внимание принимаются следующие направления: крупная промышленность, сельское хозяйство, энергетика, природные ресурсы, транспортные коммуникации, малый и средний бизнес.

Социальные условия в регионе тесно связаны с экономическими. Уровень доходов населения и его соотношение со стоимостью жизни в регионе – это основные факторы социальной стабильности. Возрастная и квалификаци-

онная структуры населения определяют возможности удовлетворения региональных потребностей в трудовых ресурсах. В некоторых регионах существенными факторами социальной среды могут являться исторические и религиозные традиции [8, с. 84].

При рассмотрении большинства вопросов социально-экономического развития регионы России, как правило, группируются по определенным признакам. В зависимости от решаемых задач в качестве критериев для формирования групп регионов могут использоваться:

- географическое положение;
- природно-климатические условия;
- хозяйственная деятельность (промышленность, сельское хозяйство и т.д.);
- степень освоения и плотность населения;
- экологическая обстановка и др. [6, с. 31].

Выделение однородных групп позволяет использовать в пределах таких групп единые методы решения возникающих задач.

Регионы ресурсного типа Сибирского федерального округа России имеют много общего. Практически все эти регионы стали активно осваиваться только в XX в. как сырьевая база страны, где добывается подавляющий процент многих полезных ископаемых. Вследствие этого промышленность регионов ориентирована в основном на добычу и первичную переработку ресурсов. В целом достаточно суровые климатические условия не позволяют интенсивно развивать здесь сельское хозяйство, природная среда легко ранима и медленно восстанавливается после отрицательных антропогенных воздействий. Население и коммуникации концентрируются в основном в городах и поселках городского типа около добывающих и перерабатывающих предприятий, а также транспортных коммуникаций.

Население является многонациональным, сформировавшимся в результате массовых вынужденных или добровольных миграций в 1930–1970-х гг. Коренное население, в отличие от регионов Юга и средней полосы России, относительно немногочисленно и не играет существенной роли в экономической, социальной и культурной жизни региона.

Типичным представителем регионов ресурсного типа является Кемеровская область. Основу области составляют промышленность и обеспечивающая ее деятельность производственная инфраструктура. Общее состояние всей экономики области и ее социальной сферы определяется состоянием базовых отраслей промышленности. Сырьевая направленность экономики области определила очаговый характер размещения производительных сил, привязанность их к наиболее крупным центрам добычи и переработки природных ресурсов или транспортных коммуникаций. В области возникли «урбанизированные территории» – связанные с градообразующими предприятиями малые города, имеющими свою специфику развития, определяемую

наличием и успешностью функционирования одного или нескольких градообразующих предприятий [3, с. 80].

В настоящее время необходимым условием динамичного развития регионов является осуществление новой региональной политики [7]. Современные исследователи выделяют систему теоретических положений, лежащих в ее основе, и на которых базируются исследование и реализация процесса регионального развития [4, с. 22].

1. Регион – квазигосударство. В этом качестве он представляет собой относительно обособленную подсистему государства и национальной экономики. Во многих странах регионы аккумулируют все больше функций и финансовых ресурсов, ранее принадлежавших «центру» (процессы децентрализации и федерализации). Одна из главных функций региональной власти – регулирование экономики региона. Взаимодействие общегосударственных (федеральных) и региональных властей, а также разные формы межрегиональных экономических отношений (например, в рамках межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия) обеспечивают функционирование региональных экономик в системе национальной экономики.

2. Регион как квазикорпорация представляет собой крупный субъект собственности (региональной и муниципальной) и экономической деятельности. В этом качестве регионы становятся участниками конкурентной борьбы на рынках товаров, услуг, капитала (примерами могут служить защита «торговой марки» местных продуктов, соревнования за более высокий региональный инвестиционный рейтинг).

Регион как экономический субъект взаимодействует с национальными и транснациональными корпорациями. Размещение штаб-квартир и филиалов корпораций, их механизмы ценообразования, распределения рабочих мест и заказов, трансфертов доходов, уплаты налогов и т.д. оказывают сильное влияние на экономическое положение регионов. Регионы, как и современные корпорации, обладают значительным ресурсным потенциалом для саморазвития. Расширение экономической самостоятельности регионов (путем передачи экономических прав от «центра») является одним из главных направлений рыночных реформ.

3. Регион – рынок (рыночный ареал). Подход к региону как рынку, имеющему определенные границы (ареал), акцентирует внимание на общих условиях экономической деятельности (предпринимательский климат) и особенностях региональных рынков различных товаров и услуг, труда, кредитно-финансовых ресурсов, ценных бумаг, информации, знаний и т.д.

4. Регион – социум. Подход к региону как социуму (общности людей, живущих на определенной территории) выдвигает на первый план воспроизводство социальной жизни (населения и трудовых ресурсов, образования, здравоохранения, культуры, окружающей среды) и развитие системы расселения. Изучение ведется в разрезе социальных групп с их особыми функциями и интересами. Данный подход шире экономического. Он включает куль-

турные, образовательные, медицинские, социально-психологические, политические и другие аспекты жизни регионального социума, синтезу которых региональная наука с самого начала уделяла большое внимание [9, с. 113].

В современных условиях социально-экономическое развитие регионов является важной стратегической составляющей муниципального управления, наряду с административно-правовым регулированием и бюджетной (финансовой и инвестиционной) политикой. На практике разработка стратегии социально-экономического развития связана с составлением долгосрочного и краткосрочного плана развития территории [7]. Выработанная стратегия во многом определяет содержание основных направлений деятельности органов местного самоуправления:

- управление социально-экономическим развитием;
- управление бюджетом и финансами;
- управление экономикой и предпринимательством;
- управление имуществом и землепользованием;
- управление внешнеэкономической деятельностью;
- охрану окружающей среды и др. [2, с. 45].

В соответствии с трехуровневой структурой системы управления регионом выделяют три уровня принятия решений в области социально-экономического развития: верхний, средний и нижний [2, с. 28].

На верхнем уровне осуществляются макро моделирование социально-экономического развития региона и формирование стратегии социально-экономического развития региона, выработка программы развития. На среднем уровне идет выработка конкретных управленческих решений по экономическому регулированию рынка. Информационно-аналитическая поддержка деятельности муниципальных органов реализуется на уровне мэрии, администрации, комитетов. Нижний уровень, с точки зрения управления, – информационный, на который стекается информация из районов, органов управления, комитетов, из административно-хозяйственной службы. На этом уровне возможно решение задач анализа и прогнозирования ресурсного потенциала региона с помощью традиционных методов прогнозирования.

Анализ и управление развитием социально-экономических региональных систем необходимо выполнять с учетом следующих характерных особенностей:

- регион рассматривается как сложная слабо структурированная система, методологией исследования которой является системный анализ: наличие большого количества сложных взаимосвязанных причинно-следственных связей между факторами, рассматриваемыми в описании сложной системы, результат действия которых не всегда очевиден при принятии решений (контринтуитивность), необходимость исследования стохастических систем в условиях неопределенности, неоднозначности;

- регион – социальная система, поэтому в ней доминируют и учитываются природные и психологические (связанные с интересами людей и др.) факторы; при принятии решений необходимо учитывать долгосрочные интересы общества; уровень развития региона призван в первую очередь обеспечивать условия воспроизводства человеческой жизни;
- регион – динамическая система, при этом необходимо изучать динамику развития системы, проводить анализ процессов роста с учетом общего жизненного цикла региона и его частей (население, предприятия, жилой фонд и др.), адаптивной эволюции. Последнее связано с тем, что регион является самоуправляющейся системой;
- регион – самоуправляющаяся система. Управление идет через внутриорганизационные процессы саморегулирования и основано на изменении законов и методов внутреннего управления [2, с. 61].

Методологической основой исследования процессов управления социально-экономическим развитием региона является системный анализ, центральной процедурой которого, как известно, является построение обобщенной (единой) модели региона, отражающей все факторы и взаимосвязи реальной системы [2, с. 62]. На практике это связано с созданием комплекса моделей с развитыми динамическими и информационными связями между моделями всех уровней.

Регион как объект управления характеризуется:

- слабостью теоретических знаний, отсутствием теории развития города;
- качественным характером знаний о системе, большой долей экспертных знаний при описании, структуризации объекта управления; задачи управления регионом являются слабоструктурированными;
- высоким уровнем неопределенности исходной информации. Различают внутреннюю и внешнюю неопределенность. Внутренняя неопределенность – это совокупность тех факторов, которые не контролируются лицом, принимающим решение полностью, но он может оказывать на них влияние (например, внутренняя социально-экономическая обстановка, факторы риска и др.). Внешняя неопределенность определяется характером взаимодействия с внешней средой – это те факторы, которые находятся под слабым контролем лица, принимающего решение (экологическая, демографическая, внешнеполитическая ситуация, поставка ресурсов в регион извне и т.п.) [2, с. 63].

Следствием этого является то, что результаты решения часто носят качественный характер и позволяют судить о направлениях развития динамических процессов, выполнять анализ устойчивости динамических процессов.

Региональная социально-экономическая система имеет сложную внутреннюю структуру, в составе которой могут быть декомпозированы подсистемы: население, производство, непродовольственная сфера, экология, про-

странство, финансы, внешняя экономическая сфера, характеризуется иерархичностью управления и активностью отдельных ее подсистем, взаимодействие элементов в рамках которой рассматривается с учетом характера воздействий внешней среды на внутреннюю структуру [1, с. 47].

Регион представляется как целенаправленная и многоцелевая система, имеющая неоднородные внутренние и внешние цели, самостоятельные подцели отдельных подсистем, систему показателей измерения целей, многообразные стратегии их достижения и т.д. Общая цель системы может быть формализована в виде ряда слабоформализованных взаимосвязанных подцелей. При выборе того или иного варианта развития приходится формировать согласованное решение, позволяющее находить компромисс между региональными и общегосударственными целями, с одной стороны, и целями отдельных предприятий и хозяйственных субъектов – с другой [8, с. 72].

Социально-экономическая составляющая уровня развития региона выполняет двоякую роль: всестороннего развития личности и определенного способа удовлетворения потребностей населения района в услугах социальной инфраструктуры [1, с. 48].

Если исходить из всестороннего развития личности, то неизменными условиями выступают достижение определенного уровня жизни (материальный аспект), совокупность форм и видов жизнедеятельности людей [9, с. 115]. Нормальные условия жизнедеятельности в немалой степени обеспечиваются путем удовлетворения суммы материальных, социальных и культурных потребностей в процессе пользования благами и услугами предприятий социальной инфраструктуры региона. Степень удовлетворения этих потребностей должна отражаться соответствующей системой показателей.

Обобщенный подход к оценке уровня развития позволяет сформировать иерархическую структуру показателей, все социально-экономические показатели которой находятся между собой в сложной взаимосвязи, и выполнить построение агрегированных показателей, характеризующий социально-экономический уровень развития региона.

Система показателей социально-экономического развития региона представляет собой сложную иерархическую структуру с множеством частных показателей, в которую в зависимости от задачи управления могут включаться критерии, отражающие социальный, экономический, градостроительный и другие эффекты варианта развития. В общем случае система показателей включает интегрированный критерий, отражающий уровень жизни населения в регионе (например, национальный доход на душу населения). На верхнем уровне этой иерархической структуры выделяют 3 группы агрегированных критериев, включающих обобщающую оценку социальных параметров региона; показатели, характеризующие объективные экономические (производственные) условия региона, а также переменные, отражающие социальные характеристики внепроизводственной сферы, зависящие от развития производства [9, с. 48]. В свою очередь агрегированные показатели дают общую

оценку состояния социально-экономической структуры и включают демографические, социально-профессиональные, трудовые и общественно-политические параметры, а также параметры, отражающие условия жизни, труда и быта населения региона [5, с. 115].

Основными факторами, действующими в рассматриваемой системе, являются: собственный ресурсный потенциал региона (трудовые, природные, производственные, финансовые ресурсы) и привлекаемые в регион ресурсы (как правило, в виде инвестиций и централизованных капитальных вложений), реальные процессы общественного производства.

Основная целевая задача регионального управления: целенаправленный выбор управляющих решений и экономических методов управления должен определять такие пропорции общественного воспроизводства (достижение баланса использования ресурсов в системе), которые в максимальной степени способствуют удовлетворению потребностей населения в регионе и повышению его жизненного уровня [2, с. 60].

Несмотря на значительный природно-ресурсный и промышленный потенциал Кемеровской области, наличие действующих отраслевых концепций и программ развития, очевидны недостаточность предпринимаемых мер и нехватка стратегического ресурса для перехода на новую ступень экономической конкурентоспособности региона.

Структура валового регионального продукта (ВРП) Кемеровской области характеризуется преобладанием сырьевых отраслей и отраслей с низким переделом. Основной «отраслевой» вклад в ВРП области вносят предприятия, осуществляющие такие виды экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства. Среди субъектов Сибирского федерального округа по роли данных видов экономической деятельности в формировании основного макроэкономического индикатора Кемеровская область уступает только Красноярскому краю [10, 11].

Кемеровская область относится к числу экспортно-ориентированных регионов Российской Федерации ресурсного типа, в которых базовый сектор экономики составляют добыча и первичная переработка сырья. Поэтому социально-экономическое развитие области в существенной степени определяется внешними для региона факторами, характеризующими общую динамику социально-экономической ситуации в стране, положением на далеко выходящих за пределы области рынках товаров базового сектора экономики региона – макроэкономическими параметрами российской экономики, особенностями государственной кредитно-денежной политики, ситуацией на мировых товарных рынках и т.п.

Низкий уровень дифференциации экономики и зависимость от конъюнктуры мировых рынков формируют для области долгосрочные риски развития. Ее промышленность узко диверсифицирована. На два вида экономической деятельности – добычу топливно-энергетических полезных ископаемых и металлургическое производство – приходится более 69% от общего объема

отгруженной промышленной продукции [10]. Высокая себестоимость продукции промышленных предприятий и удаленность от рынков сбыта, недостаточность финансового ресурса и энергетический дефицит делают невозможным запуск крупных инвестиционных проектов. Требуется поддержка со стороны как региональных, так и федеральных органов государственной власти. Необходимо формировать комплекс мер по стимулированию роста инновационности промышленных компаний, устранению инфраструктурных барьеров развития и снижению ограничений ресурсной базы области.

Сценарий социально-экономического развития Кузбасса за счет усиления сырьевой специализации региона (наращивание добычи и первичной переработки) является инерционным и потому пока наиболее вероятным. Оценивая внутренние и внешние факторы социально-экономического развития Кемеровской области, уже накопленные инвестиции в экономику региона, а также подготовленные к реализации и анонсированные проекты, можно сделать вывод, что в долгосрочной перспективе основным сценарием развития региона будет рост с сохранением базового сектора экономики, а значит, и всего регионального хозяйства.

В то же время основной сценарий развития Кемеровской области на долгосрочную перспективу имеет другую вероятную версию – достижение конкурентоспособности в опоре на рост технологий и человеческого капитала (добыча, поддержанная ростом глубины переработки и новыми видами производств), диверсификация экономики, расширение ядра базового сектора как в направлении глубины переработки добываемого сырья (движение по цепочке производства добавленной стоимости к конечным переделам), так и в направлении включения в него новых видов (отраслей, секторов) производственной деятельности.

Реализация такой версии основного сценария обеспечивает более высокий уровень жизни населения, большую устойчивость экономики по отношению к циклическим колебаниям рыночной конъюнктуры, а также предполагает возможность сдерживания добычи полезных ископаемых по экологическим соображениям, – при ставке на технологии и рост стоимости человеческого капитала в качестве источников развития могут быть задействованы не только природные ресурсы, большинство которых для Кемеровской области является невозполняемыми. По крайней мере, по этому пути прошли или идут все сырьевые, в том числе угледобывающие, регионы развитых стран мира.

Исходя из вышеизложенного и опираясь на экспертные оценки проблем регионального развития, для Кемеровской области с базовым сектором в виде добычи сырья и его первичной переработки с высокой степенью зависимости от циклической рыночной конъюнктуры на глобальных товарных рынках стратегической целью государственной политики по управлению социально-экономическим развитием на долгосрочную перспективу становится повышение конкурентоспособности региона, рост на этой базе благосостоя-

ния жителей региона за счет формирования и развития наукоемкого и высокотехнологического сектора в промышленности.

Основным фактором развития экономики региона, осуществления процессов воспроизводства на качественно новой основе должно являться повышение прежде всего технического уровня промышленного производства, активное внедрение инновационных и высоких технологий.

Основой перехода региональной экономики к устойчивому развитию, интегрированию в мировой процесс, ее глобализации, вхождению в ВТО и др. являются структурно-инновационные преобразования, которые реализуются в настоящее время как в стране в целом, так и в регионах в форме «вялотекущей пневмонии». Объясняется это, как показывают многочисленные экспертные исследования, невосприимчивостью России (и ее регионов) к инновационному пути развития.

К причинам отторжения достижений НТП от практики хозяйствования относятся:

а) замена административно-командной системы управления внешне новой, но по своему институциональному содержанию аналогичной ей системой управления. Такая система обусловила экономическое и политическое доминирование на экономическом пространстве страны преимущественно естественных монополий со 100-процентным и более (с учетом теневого сектора) уровнем рентабельности. Она же в значительной степени явилась преградой для формирования и функционирования институтов (в том числе норм права), способных изменить сложившуюся практику воспроизводства (развитие сырьевого сектора в ущерб другим отраслям);

б) в силу этого организация инновационных процессов продолжает базироваться исключительно на государственном программном финансировании или адресной финансовой поддержке, а бизнес фактически исключен из инновационных проектов. Причина в том, что превалирование неформальных норм «советского» типа изначально консервирует нерыночные мотивы и, следовательно, методы регулирования инновационного процесса;

в) неэффективно используются кредитные ресурсы. Примерно 2/3 предприятий продолжают проедать капитал в основном вследствие нецелевого использования амортизации и низкого объема инвестиций;

г) слабость заводской науки в развитии инновационной деятельности и ее интегрировании в реальный сектор экономики. В ведущих индустриальных государствах компаниями выполняется основной объем научных исследований и разработок: 65% – в странах ЕС, 71% – в Японии, 75% – в США. В России заводская наука располагает небольшими ресурсами (6–8% затрат идет на исследования и разработки) и ориентирована главным образом на решение краткосрочных технических задач собственного производства;

д) крайне низкой в структуре отечественной науки остается доля высших учебных заведений, выполняющих исследования и разработки (около 5% затрат на науку по сравнению с 21% в странах ЕС и 14–15% в Японии и США).

Поскольку вновь созданные частные вузы практически не ведут исследований, то научная деятельность осуществляется сегодня только в 40% российских вузов. Эта тенденция может привести к необратимым последствиям как для самой науки, так и в деле подготовки специалистов.

Вывод напрашивается один: необходимо максимально поощрять интеграцию науки и производства, неуклонно повышать удельный вес научно-технологической составляющей в иностранных инвестициях в российскую экономику, интегрировать российские компании в международные инновационно-промышленные комплексы, играющие роль «локомотивов» мировой постиндустриальной экономики.

Успешное решение задач ускорения экономического и социального развития и перевода экономики на инновационный путь напрямую зависит от эффективности процессов трансформации объектов интеллектуальной собственности в инновации, их коммерциализации и грамотного управления ими. Следует также изменить существующую в настоящее время ориентацию экономики на доминирующее использование сырьевых ресурсов. Без такой замены невозможны устойчивый экономический рост и решение поставленных задач роста ВВП, перехода России на инновационный путь развития и включения создаваемой конкурентоспособной продукции в мировой торговый оборот.

Литература

1. *Градов А.П.* Региональная экономика / А.П. Градов, Б.И. Кузин, М.Д. Медников и др. – СПб.: Питер, 2003. – 222 с.
2. *Емельянов С.В.* Информационные технологии регионального управления / С.В. Емельянов, А.Г. Олейник, Ю.С. Попков и др. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 400 с.
3. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 264 с.
4. *Копеин В.В.* Новая парадигма регионального развития (теория, методология и практика). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 126 с.
5. *Лексин В.Н.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 368 с.
6. *Межевич Н.М.* Экономический анализ региона: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 169 с.

7. *Тулеев А.* Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2025 года / А. Тулеев, В. Мазикин, А. Микельсон. – Кемерово: Книга, 2008. – 223 с.
8. Управление процессами территориального и хозяйственного развития / Сб. науч. трудов Института системного анализа РАН / Под ред. А.Н. Швецова. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 184 с.
9. *Шабашев В.А.* Качество жизни населения региона: теория и система управления / В.А. Шабашев, А.Д. Леванов, Л.Н. Щербакова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 150 с.
10. Кузбасс в цифрах / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. – Кемерово: Кемеровостат, 2010. URL: www.kemerovostat.ru.
11. Социально-экономическое положение СФО / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. – Новосибирск: Новосибстат, 2010. URL: www.novosibstat.ru

Современное состояние предприятий отрасли общественного питания в России

П.И. Шихатов

Дан историко-экономический обзор развития системы общественного питания, в том числе и ресторанного бизнеса, в постсоветской России.

Ключевые слова: общественное питание, бухгалтерский учет в общественном питании, деятельность ресторанов.

Общественное питание – одна из старейших форм хозяйственной деятельности, обеспечивающая насущные потребности человека. В той или иной форме общественное питание существовало еще в первобытном обществе и продолжает свое развитие в настоящее время. Однако понятие «общественного питания», его функции и особенности не имеют в научной литературе однозначного определения.

В дореволюционной России существовало большое количество разнообразных предприятий общественного питания: трактиры, харчевни, закусочные, рестораны – от ямского трактира до «Яра» и «Славянского базара».

После революции формирование общественного питания как подотрасли торговли относится к 1917 г., когда СНК РСФСР 28 октября 1917 г. принял «Декрет о расширении прав городского самоуправления в продовольственном деле» [1], согласно которому городским управам предоставлялось право организовывать общественные столовые.

В условиях плановой экономики основная часть предприятий общественного питания имела статус государственных предприятий, базирующихся на общенародной собственности; значительная часть предприятий была ведомственной. Общественное питание развивалось по двум направлениям: государственное и кооперативное.

Предприятия общественного питания, предназначенные для оказания услуг непосредственно населению (рестораны, кафе, буфеты, закусочные, столовые, банкетные залы и т.п.), подчинялись трестам ресторанов, госорганизациям. В соответствии с существовавшей тогда в стране системой плановой экономики, ценообразование на предприятиях общественного питания производилось согласно классу заведения – так называемым наценочным категориям.

Основным документом, регулирующим бухгалтерский учет в СССР, была «Инструкция по бухгалтерскому учету (по двойной системе) в учреждениях и организациях, состоящих на государственном бюджете СССР», утвержденная приказом Минфина СССР № 323 от 23 декабря 1973 г. [2]. Бухгалтерский учет велся бухгалтерией, в штате которой обязательно был бухгал-

тер-калькулятор, проводивший расчет цен, учет реализации продукции. Приготовление блюд осуществлялось только согласно утвержденным рецептурам и закладкам, издававшимся в специальных сборниках.

Существовавшие различные ведомственные столовые, буфеты руководствовались в своей работе ГОСТами общественного питания, при этом являясь структурными подразделениями всевозможных предприятий других отраслей.

После принятия 26 мая 1988 г. закона «О кооперации в СССР» ситуация в стране изменилась революционно. Практически мгновенно появились многочисленные кооперативные кафе и рестораны, которые открывали, как правило, работники советского общепита, прекрасно знающие о прибыльности таких предприятий и быстрой оборачиваемости вложенных средств. Почти единственным нормативным документом для таких предприятий долгое время оставался упомянутый закон «О кооперации», имевший много расплывчатых формулировок и устаревавший очень быстро, не успевая за экономическими катаклизмами, происходящими в СССР в период перестройки. В связи с этим ценообразование зачастую осуществлялось, не исходя из экономически обоснованных предпосылок, а исходя из личных запросов и потребностей хозяев заведения. Бухгалтерский учет велся подобным же образом, в тетрадке «на коленке». О рецептурах и закладках вспоминали только специалисты, дорожившие своей репутацией и желающие изначально создать предприятие, поддающееся анализу и прогнозу.

В 1991 г. в связи с распадом СССР усилилась неразбериха в экономике, многие предприятия общественного питания, остававшиеся до этого времени государственными, были приватизированы. Как правило, эти предприятия были приватизированы специалистами общепита старой закалки, сориентированные в непростой ситуации. Имея большой опыт, они в большей степени, нежели предыдущая волна кооператоров, применили на своих предприятиях хорошо отработанную систему бухгалтерского учета.

Анархия не бесконечна. Постепенно в экономике страны наметились стабилизационные процессы, стала формироваться законодательная база, соответствующая всем произошедшим глобальным переменам в стране. К 1996 г. были приняты нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность предприятий общепита, стала применяться специализированная контрольно-кассовая техника, разработанная специально для предприятий общепита.

В этот же период были разработаны и стали применяться специализированные компьютерные программы для калькуляции себестоимости продукции, складского учета предприятий общепита, такая как «Инфин». Программа во многом еще была несовершенна, многое приходилось делать вручную, но все же это был прорыв в применении компьютерных технологий, избавление от многих рутинных операций.

Постепенно стала формироваться концепция современного бухгалтерского учета в общественном питании, обусловленная требованиями времени.

В этой отрасли бухгалтерского учета существует много специфических особенностей, требующих отдельного подхода и решений, что и обусловило ее развитие во 2-й половине 1990-х гг.

Любое предприятие общественного питания, оказывая услуги общественного питания, приобретает сырье и товары в большом количестве, перерабатывает их и реализует готовую продукцию. Сложная технологическая цепочка требует тщательного учета сырья и товаров, поступающих и отпускаемых со склада, учета сырья и товаров, получаемых и реализуемых в производствах, контроля за правильностью калькулирования себестоимости блюд, контроля за правильностью учета затрат, включаемых в издержки обращения.

За 24 года с момента принятия закона «О кооперации» общественное питание в РФ прошло несколько этапов своего развития – от хаотичного броуновского движения до экономически обусловленного *status quo*. Интересно также и то, что бухгалтерский учет на предприятиях общественного питания прошел путь от развала существовавших наработанных десятилетиями устоев, через тетрадную бухгалтерию лавочника до современного уровня. Фактически, история сделала виток, вернувшись к классике бухгалтерского учета на новом уровне.

Бухгалтерский учет в общественном питании сформировался как отдельное отраслевое направление бухгалтерского учета с широким применением узкоспециализированных программно-аппаратных комплексов, наиболее ярким представителем которых являются *R-Keeper* и *StoreHouse*.

На сегодняшний день полностью сформирована нормативно-законодательная база, полностью регламентирующая создание и деятельность предприятий общественного питания.

Предприятия общественного питания претерпели значительные изменения. Появились рестораны класса «люкс», одновременно получили широкое распространение предприятия фастфуда типа «Макдоналдс». Компания *McDonald's* работает в России с 1990 г. В настоящее время около 84% сырья закупается у отечественных поставщиков. В 2008 г. российская сеть *McDonald's* насчитывала 183 ресторана в 37 городах, в ней работало более 17 тыс. человек, ежедневно обслуживали более 500 тыс. посетителей. В среднем за месяц в 2008 г. рестораны продавали: 2 млн напитков «Кока-Кола», «Фанта», «Спрайт», 2,55 млн порций картофеля-фри, 1,1 млн молочных коктейлей, 1,15 млн сэндвичей «Биг Мак», 950 тыс. пирожков.

Помимо ресторанной сети, «Макдоналдсу» принадлежит перерабатывающий и распределительный центр «МакКомплекс» в Москве, в строительство которого было вложено 45 млн долл. В 2007 г. в планах компании стояло увеличение объемов работы на 10–15% своего производственно-распределительного центра, который поставляет продукцию во все российские рестораны сети, а также занимается экспортом в страны СНГ, Польшу и Румынию.

В начале апреля 2005 г. *McDonald's Restaurants of Canada Limited* выкупил у правительства Москвы 20% акций ЗАО «Москва-Макдоналдс» за 22 млн долл. и стал единственным владельцем российского филиала. В 2007 г. *McDonald's* планировал расширить свою сеть в России еще на 20 ресторанов. Все они, по словам представителей компании, должны были быть расположены в тех городах, где рестораны *McDonald's* уже существуют.

Между тем американская сеть ресторанов *McDonald's*, 22 года назад открывавшая свои заведения в России исключительно собственными силами, начала поиск партнеров для дальнейшего развития. В настоящее время в других странах лишь пятая часть ресторанов *McDonald's* развивается за счет собственных сил компании, остальные действуют по системе франчайзинга.

Сегодня «Макдоналдс» в России насчитывает 314 предприятий в 85 городах. В них ежедневно 30 тыс. сотрудников обслуживают более 1 млн посетителей. По сравнению с 2008 г., наблюдается двукратный рост почти по всем показателям, и происходит это в условиях экономического кризиса 2008–2009 гг. [3].

Появилась и российская корпорация – «Ростик групп», холдинг «Росинтер ресторано», торговая марка «Ростик'с», – сочетающая в себе как предприятия быстрого питания, так и рестораны для широкого круга посетителей. Предприятия этой корпорации бурно развиваются. В 2004 г. было открыто 58 предприятий общественного питания, из них 39 – в Москве, 19 – в регионах России и странах СНГ. Общее количество ресторанов к концу 2004 г. достигло 174, из них 119 расположены в Москве и Московской области, доля рынка среди сетевых компаний-рестораторов достигла 14%. К концу 2005 г. холдинг «Росинтер Ресторано» открыл рестораны в Уфе, Тольятти, Краснодаре, Кемерове, Томске, Казани. Общее количество достигло 190. Консолидированный оборот в 2005 г. составил 235 млн долл. США. К 2008 г. количество ресторанов составило уже 280, количество сотрудников около 10 тыс. человек, число посетителей достигло 30 млн в год. В 2012 г. количество ресторанов достигло 382 в 44 городах России, выручка в 2011 г. составила 10 340 млн руб. [5].

Широко распространились по стране сети общественного питания, такие, как «Елки-Палки», «Габли», «Сбарро», «Шоколадница», имеющие унифицированное меню, схожий интерьер, единую униформу персонала, расположенные в многолюдных местах, что обеспечивает узнаваемость и большую проходимость.

Общее количество ресторанов в Москве в 2006 г. превысило 2 тыс., приблизительно столько же других стационарных предприятий общепита – кафе, буфетов, закусочных, баров. То есть примерно 4 тыс. предприятий общественного питания на 15 млн человек, проживающих в Москве, тогда как в городах Испании, например, на 100 человек населения приходится в среднем одно предприятие общепита.

Для сравнения, по данным городской администрации, в Иванове в 2005 г. было 310 предприятий общественного питания: 9 ресторанов, 225 кафе и 76 столовых закрытого типа на 441 тыс. населения. Товарооборот крупных и средних предприятий общепита Иванова за 2004 г. составил 224 млн руб. В Ростове Ярославской области в 2011 г. на 31,8 тыс. человек населения насчитывается 121 предприятие общественного питания.

К 2012 г. количество стационарных предприятий общественного питания в Москве составляет около 2500. Ежегодно в Москве закрывается около 250 ресторанов, приблизительно столько же открывается [4]. К сожалению, статистика не указывает количества посадочных мест, а оно может очень сильно различаться – от 15–20 в ресторанах «домашней кухни» до 200–300 в банкетных залах.

Эксперты отмечают, что среднедушевые затраты на ресторанные услуги в России значительно ниже аналогичных показателей других стран. К примеру, в 2007 г. в России среднедушевые затраты на питание вне дома составили чуть менее 4 тыс. руб. на одного человека в год. Это значительно меньше, чем в США (38 тыс. руб. в 2005 г.), Франции (25 тыс. руб.) и Германии (12 тыс. руб.). Такое отставание показателей России свидетельствует о высоком потенциале ресторанного рынка и его недостаточной насыщенности.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что на сегодняшний день рынок ресторанов в России нельзя назвать насыщенным, в результате чего ведется конкурентная борьба в большей степени за клиентов, нежели между отдельными игроками рынка. Определить точное количество ресторанов непросто, еще сложнее определить фактическое количество клиентов. Ресторанный бизнес в России занимает три ниши, которые не равны ни по объему игроков, ни по количеству. Приблизительную, условную, характеристику можно дать следующую.

Рестораны, относящиеся к относительно среднему ценовому уровню, нижнему его пределу, но при этом предлагающие кухню достаточно высокого уровня, носят название – *fast food*, предприятия быстрого питания. Доминирующим среди сегментов быстрого питания является «Макдоналдс», далее следует «Ростик'с», сети *Sbarro* и т.д. В последнее время в эту сферу наблюдается частое вторжение самых разнообразных сетей в виде передвижных вагончиков или киосков: «Народная кухня», «Крошка картошка», «Русские блины», «Стардогс» и другие, которые сочетают в себе сравнительно низкие цены, минимум сервиса и мобильность.

Авторские рестораны высокой кухни относятся к классу дорогих *haute cuisine*. Это рестораны известных рестораторов Андрея Деллоса, Аркадия Новикова и других мэтров ресторанного бизнеса. По мнению некоторых рестораторов, эта ценовая ниша в России является уже заполненной, – имеется в виду то, что существует довольно небольшое количество богатых людей, посетителей таких ресторанов.

Что касается средней ценовой ниши в России, то она не только еще полностью до конца не перенаселена, но и не является полностью сформированной. С каждым новым днем все выше и выше поднимается порог входа в эту нишу. Главенствующим игроком сегмента можно отметить рестораны «Росинтер Ресторанс»: «Иль-Патио», «Планета суши» и некоторые другие. Следует отметить, что средний ценовой сегмент продолжает свое развитие и достаточно интенсивно. Преимущества этой ценовой ниши вполне очевидны: работать гораздо проще, так как уровень гастрономических требований посетителей сравнительно низкий, следовательно, снижаются требования к мастерству персонала, отсутствуют затраты на эксклюзивные продукты, но прибыльность заведения достаточно высокая.

Именно на этой арене и разворачивается самая главная конкурентная борьба рестораторов за клиентов. С момента зарождения ресторанного бизнеса в России не зафиксировано ни единого слияния. Случаи поглощения или покупки одного ресторана другим были единичны. Несмотря на то, что отсутствуют подобные классические проявления конкуренции, происходит компенсация борьбой за объекты недвижимости под рестораны, но эти случаи не придаются широкой огласке.

Вопрос о местонахождении ресторана является одним из ключевых. Если ресторан расположен удачно, то можно не тратить огромные суммы на раскрутку и рекламу, он будет рекламировать себя сам, находясь у всех на виду. Поэтому все рестораторы заинтересованы в том, чтобы их ресторан располагался если не в центре, то хотя бы недалеко от станций метро, офисных, торговых центров – мест скопления большого количества людей.

На настоящий момент места на рынке хватает всем, вне зависимости от того, что для большей части населения посещение ресторана остается целым событием и праздником. Можно проследить, что на одной улице могут уживаться самые разнообразные концепции, которые, в некотором смысле, даже помогают друг другу, подстрекая желание постоянно улучшать уровень качества для того, чтобы привлечь еще большее количество посетителей.

Путем естественного отбора отсеиваются «неграмотные» рестораны, и на их место заступают более модернизированные и новые. Идет массовое состязание различных сетей и брендов. У столичного среднего класса стала появляться привычка ужинать вне дома. В результате чего рестораны среднего ценового сегмента по мере сил пытаются работать в соответствии с новыми потребностями *middle class*. К одному из основных способов борьбы за клиентуру относится снижение цен, которое является вынужденной мерой, спровоцированной появлением новых ресторанов. Многие рестораны стараются проводить самые разнообразные мероприятия, рекламные по своей сути.

Упростилась также процедура снижения цены на блюда, которые готовятся из довольно редких продуктов. Понятно, что ввиду общей инфляции, посткризисных явлений эта тенденция не является столь ощутимой, как хо-

телось бы, но это факт. Купить экзотические продукты в столице уже не является особенной проблемой – появилось множество специализированных компаний, занимающихся поставкой «экзотики», тогда как раньше рестораторы завозили редкие продукты сами.

И, как известно, совершенно в любой сфере услуг конкурентоспособность предприятия во многом зависит от профессионального уровня сотрудников. Поэтому первоклассный специалист в этой области является самым острым орудием конкуренции в ресторанном бизнесе. Даже в том случае, если ресторан осознает и понимает, для кого он работает, т.е. имеет определенную концепцию и (или) находится в самом центре столицы, это совершенно не значит, что прибыль будет колоссальной. Поэтому все-таки приходится прибегать к некоторым методам по привлечению клиентуры: объявления о «подарках», интересные акции, проводимые в присутствии прессы, специальные промоушн-акции, создание при ресторанах детских клубов или игровых площадок, телетрансляции спортивных передач.

Развитие предприятий общественного питания в РФ бурно продолжается. Несмотря на то, что в столице имеются практически все виды предприятий общественного питания, любой направленности, ценовой категории, представлены почти все кухни мира, продолжают появляться новые предприятия, предлагающие все новые и новые блюда.

В последние годы концепция сетевых ресторанов, открытых ранее в Москве, также получила широкое распространение по России. Рестораны «Евразия» открыты во многих городах России. Появились и местные, локальные сети, такие, как, например, «Сибирские пельмени» в Омске. Во многих городах России стали открываться рестораны национальных кухонь, стала обычной практикой доставка готовых блюд на дом.

Это, безусловно, положительные тенденции, так как появляются новые рабочие места, привлекаются инвестиции, получает стимул для развития сельское хозяйство, реформируется инфраструктура городов, удовлетворяется потребность населения в питании и проведении досуга. Но насыщенность предприятиями общественного питания все же не такая высокая, как в европейских странах. Связано это с отсутствием традиции питаться вне дома и невысокими доходами большей части населения страны.

Экономический кризис 2008–2009 гг. не обошел стороной и ресторанный бизнес. Произошло перемещение клиентуры из заведений высокой ценовой категории в заведения с меньшими ценами. Однако практически все предприятия общественного питания остались на плаву.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в настоящее время общественное питание в Российской Федерации достаточно широко развито, в большинстве крупных населенных пунктов представлены предприятия общественного питания разного уровня, направления, разных концепций, кухонь, ценовых категорий. Широкое развитие получили так называемые сетевые рестораны, имеющие единую концепцию: запоминающийся бренд, унифици-

рованное меню, схожий интерьер, единую униформу персонала, расположенные в многолюдных местах, что обеспечивает известность, узнаваемость и большую проходимость.

Развитие предприятий общепита продолжается, что объясняется востребованностью услуг и высокой инвестиционной привлекательностью, быстрой оборачиваемостью вложенных средств.

Литература

1. Декрет СНК РСФСР от 28.10.1917 г. «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле».
2. Приказ Минфина СССР от 27.12.1973 г. № 323 «Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету (по двойной системе) в учреждениях и организациях, состоящих на Государственном бюджете СССР».
3. <http://www.mcdonalds.ru>
4. <http://shoko.ru>
5. <http://www.rosinter.ru>

**Проблемы современного российского образования
через призму философских идей**

А.И. Турнаева

Рассмотрены и обозначены проблемы, порожденные неудачными реформами в сфере российского высшего образования. В институты пришли студенты, не владеющие элементарными навыками учебной деятельности, вплоть до неумения читать, грамотно писать и сносно изъясняться. Особо отмечается неподготовленность студентов к индивидуальной самостоятельной работе, неумение их размышлять, осмыслять, сопоставлять и т.д. Сделаны выводы: чтобы «учить мыслить», педагог должен использовать диалектический метод познания.

Ключевые слова: современное российское образование, девальвация высшего образования, проплаченное образование, самостоятельная работа, размышлять, осмыслять, сопоставлять, диалектический метод познания, инновационные методы образования, процесс обучения.

Обращение к данной теме предопределено следующими обстоятельствами. Первое продиктовано сугубо профессиональным интересом, лежащим в области практической педагогики, – в этой области довольно остро обозначились проблемы, порожденные расхождением инновационных путей развития и традиций, присущих российскому образованию.

Бесспорно, что современная школа должна двигаться в ногу со временем и что надо ставить новые задачи, связанные, в том числе, с проблемой интеграции отечественного и западного образования. Но затянувшийся на долгие годы, изматывающий процесс реформирования системы российского образования привел к забвению лучших традиций российской школы и к формальному, подчас оголтелому следованию предлагаемым реформой обстоятельствам – видимо, революционный ген прошлой эпохи прочно поселился в стенах российской школы.

Умом осознали, что революция – это когда «до основания», когда больно, беспокойно и затратно, и казалось, что наконец-то почувствовали ценность политической стабильности. Но благодаря такой генетической предрасположенности происходит выталкивание на поверхность той системы, которую называют образовательной, одной за другой волн радикальных реформ.

Результаты не могут не тревожить: за годы реформ наметились тенденции девальвации высшего образования. Массовый поток «проплаченного обучения» привел к тому, что в институты пришел студент, не владеющий элементарными навыками учебной деятельности, вплоть до неумения читать, грамотно писать и сносно изъясняться.

Высшая школа, получив свой нокдаун от проводимых реформ, чтобы выжить и переварить наступление «агрессивной посредственности», устоять от «девятого вала» реформ, стала приспособливаться. В угоду аудитории, не владеющей элементарными приемами самозаписи (не говоря уже о культуре мышления), начинают надиктовываться лекции; выставляется зачетная оценка за ответ или работу ниже допустимого уровня или имеющую явно комплятивный характер. В погоне за новизной атрибутивно меняется учебная аудитория, используются медиасредства, но для многих они служат лишь новомодным способом, облегчающим преподавателю чтение («чтение» в буквальном смысле этого слова!) лекции, а для студентов – достаточно комфортным способом ее записи (вспомним А.С. Пушкина: «...Глаза его читали, а мысли были далеко»).

Таким образом, с одной стороны, пытаемся соответствовать времени, переводим работу в режим инноваций, с другой – утрачиваем традиционные, апробированные, «заточенные на успех» и им же проверенные формы преподавательской деятельности. Во всяком случае, основные критерии ее качества начинаем представлять весьма смутно.

Второе обстоятельство может быть определено словами Х. Ортега-и-Гассета (высказанными по другому случаю, но вполне уместными здесь): «...Об этих проблемах говорят и говорят, однако разговоры не вносят в них ни малейшей ясности, без которой сам процесс говорения оказывается вредным... Одно из величайших несчастий нашего времени – в разительном несоответствии между важностью, которую имеют эти проблемы, и грубой понятийной путаницей во всем, что с ними связано» [12, с. 105].

На какие проблемы и важнейшие понятия современного образования следует обратить внимание?

Не боясь прослыть ретроградом, отдавая дань интересу педагогического сообщества к таким понятиям, как компьютерные технологии, «повсеместный компьютеринг», «медийное обеспечение», «компетентностный подход» и др., остановлюсь на ином – понятиях, которые *традиционно* почитались важными в процессе обучения в России.

Принято считать, что одной из оптимальных форм деятельности в решении образовательных задач является *самостоятельная работа* школьника или студента [1, с. 6]. Кстати, следует отметить в этой связи, что понятие «самостоятельная работа» сегодня фактически замещено понятиями «активные и интерактивные формы работы». В отдельных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования эти формы конкретизируются – к ним относят «компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, психологические и иные тренинги». Ученые, дидакты, методологи отмечают, что в науке нет четких критериев самостоятельной работы, тем более нет четкой классификации ее форм. Существуют десятки определений с достаточно размытыми критериями в их основе. Результат (и в то же время причина) этой теоретической

неразберихи закономерен: сущность и назначение самостоятельной работы остаются за границей понимания. Ее начинают искусственно насаждать и приветствовать там, где она формальна и мало результативна, и не замечать там, где она есть фактически и работает на результат.

Актуализация этой «старомодно звучащей» проблемы может, на наш взгляд, принести несомненную пользу. Достаточно сказать, что организация самостоятельной работы есть едва ли не единственный способ увести от начетничества, формализации в системе обучения, решить такую сложнейшую проблему, как *отчуждение*.

К одной из важнейших философских проблем – проблеме отчуждения – обращались многие философы – от Августина до Гегеля, Маркса, Фромма. Смысл этого понятия, по словам Э. Фромма, равнозначен понятию «обесчеловечивание». Процесс отчуждения запускает явление самораспада, ведет к утрате человеком его глубинной сущности [13, с. 396]. Правильно понятая и правильно организованная самостоятельная работа запускает процесс мышления, возвращает человека к его глубинной сущности. Процесс преодоления отчуждения замещается процессом гуманизации.

Проблема гуманизации образования, не так давно поставленная перед школой и ныне забытая, также находит решение благодаря найденному выше ответу. Гуманизация системы образования, на наш взгляд, означает раскрытие и сохранение одной из сущностных характеристик человека – способности мыслить.

И третье. Опыт свидетельствует, что в сложных, запутанных ситуациях на помощь следует призвать философию. По мнению Э.В. Ильенкова, «философия концентрирует в себе известный способ мышления, известную логику и поясняет ее для самого мыслящего человека. Поэтому с ней не сталкивается только тот, кто вообще не мыслит, вообще не думает над тем, что делает он сам, что делают все окружающие его и далекие и близкие люди» [6, с. 54].

Все обозначенные выше проблемы не могут быть решены без ответа на вопрос, который относится к разряду «вечных»: каково главное предназначение школы?

Можно наговорить кучу слов, обращаться к мудрости дидактов, привести множество цитат. Но только философия с ее пониманием (ни много ни мало!) *сущности человека* может дать ответ на него.

Отдавая себе отчет в том, сколь емкое и важное место занимает эта проблема в теории философии, ограничимся лишь рассмотрением понимания сущности человека отдельными философами. У Г. Гегеля, который, в свою очередь, испытал влияние Спинозы, мы находим обоснование следующей мысли: творческий человек является таковым лишь тогда, когда он ведет себя не как пассивный реципиент, а как активный производитель, как личность.

К. Маркс, будучи, как известно, гегельянцем, видит проявление сущности человека в творческом акте, в самовыражении, в самореализации, в деятельности. В труде человек выражает себя, свою индивидуальность, свои фи-

зические и психические силы. Труд не только средство достижения цели (продукта), но и самоцель, это *осмысленное* приложение человеческой энергии, считает К. Маркс [10, с. 89].

И. Гёте превратил мысль о человеческом творчестве в центральный момент своей философии. В «Фаусте» в поэтической форме он говорит о творческом характере человека. Только оно наполняет жизнь человека особым смыслом и позволяет ему радоваться жизни.

Не вдаваясь в тонкости «экзистенциальной дихотомии» в понимании сущности человека в концепции Э. Фромма, отметим, что главное в человеке по Фромму – «способность к совершенствованию; утрата самости есть утрата жизненности, превращение человека в разрушителя, в живой труп» [13, с. 371].

Предельно ясно, как подобает истинному философу, определил сущность человека Х. Ортега-и-Гассет: «...самое существенное качество человека, самое удивительное его свойство – способность тайно, на время, покидать мир и уходить в себя или ... – самоуглубляться». Для обозначения этой операции, отмечает философ, «мы пользуемся словами “думать”, “размышлять”, которые, как старые, стершиеся в слишком долгом обращении монеты, уже не могут ярко выразить заключенную в них мысль» [12, с. 371].

Что сближает всех названных философов в понимании сущности человека? *Понимание необходимости внутренней творческой мыслительной преобразующей работы (деятельности) как основного условия существования человека и сохранения его как биологического вида в том числе.*

Вернемся к основному вопросу поставленной темы: каково же главное предназначение школы?

Обратимся к работам Э.В. Ильенкова – человеку, завоевавшему высокий научный авторитет не только своими исследованиями по классической философской проблематике, но и в тесно связанных с философией областях – эстетике, психологии, педагогике. Первая крупная работа Ильенкова этого цикла, вышедшая в 1964 г., – «К вопросу об “умных” и “дураках” или об умении мыслить». В 1977 г. выходит брошюра, включающая статьи, объединенные общим замыслом, под названием: «Учитесь мыслить смолоду». Эти работы определяют эпицентр всего творческого наследия Э.В. Ильенкова: раскрытие природы человеческого мышления, оснований творческой деятельности, представляющей необходимое условие личностного развития индивида. «Школа должна учить мыслить!» – вот ответ философа.

По мнению философа, вопрос: «Как научить мыслить?» – является вопросом, которому философия посвятила основные усилия всех своих выдающихся представителей. Он рассматривает, как может показаться, простые категории – что такое ум, чем «умный» отличается от «глупого»: «...на необходимость этого наталкивает сама жизнь, кажущиеся парадоксы реальной жизни: мы часто встречаем весьма умных людей, не получивших образования в учебных заведениях... Также не редкостью во все времена, в том числе

и наше, был и остается “ученый дурак”. (...) Главное, понять простую мудрость – “многознание уму не научает”, высказанную еще на заре философии Гераклитом. (...) Умный человек – это человек, *умеющий думать, самостоятельно судить о вещах, о людях, событиях, фактах*. “Ум” (“мудрость”) – это не знание само по себе, ...не информация, заложенные образованием в память. (...) Это – умение правильно этими знаниями распоряжаться... И потому простое усвоение знаний – их заучивание – вовсе не обязательно ведет к образованию ума, мышлению» [6, с. 21].

Э. Ильенков утверждает, что преимущественное большинство людей могут рассчитывать на развитие своего ума, своих интеллектуальных способностей (это касается даже категории детей с одновременным отсутствием зрения и слуха). Единственное ограничение и обреченность в той ситуации, когда «в руки педагога-воспитателя попадает существо, по всем показателям принадлежащее к виду “*homo sapiens*”, но не обнаруживающее никаких признаков не только разума, но и какой бы то ни было человеческой психики: ни речи, ни сознания, ни самых примитивных проявлений целесообразного поведения. Такие “обездоленные существа” встречаются крайне редко. Всех остальных надо правильно учить – учить мыслить, учить умению мыслить» [6, с. 30].

Будучи философом-теоретиком, Э.В. Ильенков фактически разработал технологию обучения мышлению: «Все дело в условиях, внутри которых развивается человек. В одних условиях он обретает способность самостоятельно мыслить, (...) а в других эта способность остается недоразвитой... Тем более *важно очертить те условия, которые приводят к образованию ума, ограничив их от условий, которые образованию ума мешают*. Обыкновенно те и другие условия существуют, хитро переплетаясь, одновременно в одном и том же месте. Однако педагог, стремящийся целенаправленно воспитывать в человеке эту способность, должен четко эти две категории условий различать, чтобы непременно организовать такие педагогические ситуации, которые требуют от воспитанника ума... В этом, собственно, и состоит весь секрет педагогического искусства» [6, с. 15].

С точки зрения практической педагогики этот раздел его наследия представляется наиболее важным, так как он не только выявил конкретные условия, способы, приемы педагогической деятельности по формированию мыслительных способностей, но и дал их философское обоснование. Каковы же эти условия или искомые желаемые «ситуации»? Эти условия таковы...

Шаг первый: надо исключить из преподавания «смакование и поедание любимых блюд», надо дать возможность заглянуть в «кухню науки», надо обратиться к тем источникам, к тем вопросам, решение которых превращало пытливых людей в ученых, а ответы на них – в науку. «Наука – и в ее реальном историческом развитии, и в ходе ее индивидуального усвоения – всегда начинается с вопроса, обращенного к природе или к людям. Поэтому учиться

(и учить) мыслить надо начинать с умения грамотно задавать вопросы» [6, с. 48].

Шаг второй: «не всякий вопрос годится для такой цели – серьезный вопрос всегда вырастает перед сознанием в виде противоречия в составе наличного, уже имеющегося в голове знания». Запомним мысль: «Вообще отношение к противоречию является самым точным критерием культуры ума, умений мыслить. Даже просто показателем его наличия или отсутствия». «Ум человека пробуждается, открывается лишь тогда, когда его касается магический ключ противоречия!» [6, с. 48].

Шаг третий: «известно давно, что всякая мудрость начинается с удивления, со способности удивляться, обнаруживая, что вещи, которые казались раньше и тебе, и другим самоочевидными, общеизвестными и потому не требующими размышлений, вдруг оборачиваются загадочно-непонятными, диалектически-коварными» (сравним: у Х. Ортега-и-Гассета – «удивляться, изумляться – значит начинать понимать» [12, с. 102]).

Шаг четвертый: «думать» означает «проявлять силу суждения» (сравним: у Канта – «Недостаток способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, против этого недостатка нет лекарства»).

Шаг пятый: «Ситуация несогласия с оппонентом спора (в том числе и в обществе равных себе), несогласия с самим собой – вот искомая животворящая форма педагогической деятельности. Умение полемизировать с самим собой признак высшей диалектической культуры ума, а самокритичность – это синоним самостоятельности мышления» [6, с. 51].

Шаг шестой: уметь предвидеть все коварство так называемых абстрактных истин, абсолютных истин. «Чем абсолютнее, чем самоочевиднее та или другая абстрактная истина, тем более серьезного подвоха надо ждать с ее стороны, тем осторожнее надо к ней относиться, тем более осмотрительно и умно следует с нею обращаться». «Сомнение, известная доля скептицизма – вот средство против этого коварства» [6, с. 52]. (Сравним с тем, что читаем у Х. Ортега-и-Гассета: «Интеллектуальная сила и человека, и науки измеряется долей того скептицизма и сомнения, которые они способны переварить и усвоить» [12 с. 104]. И как тут не вспомнить девиз легендарного ныне Стива Джобса: «Думай иначе!»)

Таким образом, чтобы «учить мыслить», педагог должен организовывать такие педагогические ситуации, в которых вырабатываются умения рассуждать, удивляться, сомневаться, ставить вопросы на основе увиденных (обнаруженных) противоречий, видеть «переливы» абстрактного и конкретного, абсолютного и относительного. Совокупность этих умений имеет свое название в философии – диалектический метод познания.

Только оттачивая, совершенствуя свой ум (с помощью диалектического метода), человек способен сохранить и придать оригинальную, неповторимую огранку этому уникальному дару природы и тем самым сохранить в себе Человека. «Диалектическое мышление – это не мистически-таинственное ис-

кусство, доступное лишь избранным. Это просто-напросто действительная логика специфически человеческого мышления, и воспитываться она должна уже с детства. Иначе будет поздно», – заключает философ [6, с. 54].

Выводы очевидны. Однако следует сделать одно замечание, важное для определения искомого понятия – «самостоятельная работа».

Диалектическое мышление, если оно является таковым, не может не быть неотъемлемой самостоятельной функцией человека. Оно самостоятельно по своей органике, оно «суперинтимно», имманентно. Оно не требовательно к «внешним стенам», не приемлет жестко закрепленных форм (мышление неприсотливо, индифферентно к внешним формам вообще – кому-то, например, вообще легче думается «вверх тормашками»). Можно создавать условия, пригодные для мыслительной деятельности по медицинским показаниям, но напрасный труд искать материальную форму (в том числе и организационную) для того, что существует как идеальное [6, с. 381].

В статье «Деятельность и знание» (1974) Э.В. Ильенков подчеркивает: «В педагогике существует большая и, если вдуматься, странная проблема, формулируемая обыкновенно как проблема “применения знаний в жизни”, ”в практике”. В дидактической литературе не замечается очевидное – *основных* видов самостоятельной работы два. Это работа умственная и работа непосредственно-предметная как “совершающаяся работа руки, ... как деятельность”, непосредственно осваивающая предмет. (...) Это противоположные виды деятельности, но находящиеся в единстве» [6, с. 382]. В отношении сущности самостоятельной работы, по нашему убеждению, надо исходить не из различий ее форм, видов, а из их общности в главном. Главный сущностный признак самостоятельной работы (который в силу этого может быть положен в определение этого понятия) заключается для ученика (студента) в умении *находить* ответы («не давать», а именно отыскивать в процессе мышления) на простые и сложные вопросы, поставленные жизнью и знанием как ее отражением. Долг учителя, педагога – в умении создавать ситуации, в которых эти вопросы обнаруживают себя.

Эти вопросы бывают самой разной степени сложности. Одни можно решить с помощью простого здравого смысла, то есть с помощью довольно простого способа мышления, а другие требуют способа (метода) мышления более развитого – научно-теоретического. И ситуаций вокруг вопроса, конкретных форм учебной деятельности может быть превеликое множество. Важен только один запрет для педагога – *нельзя давать «готовых ответов»* (формул, правил, законов) без понимания тех вопросов (задач, трудностей, проблем, противоречий), которые и натолкнули на их поиск [6, с. 382].

Для подтверждения сказанного обратимся к другим мнениям, рожденным опять-таки не сегодня: одно из них – мнение философа, другое – педагога-теоретика и третье – взгляд на проблему педагога-практика.

К. Маркс: «Даже если бы педант, который по своей натуре никогда не может выйти за рамки ученья и преподавания заученного,.. был бы, по край-

ней мере, честен и совестлив, то он мог быть полезен своим ученикам. ...сказав напрямик: здесь противоречие; одни говорят так, другие этак; у меня же, по существу вопроса, нет никакого мнения; посмотрите, не можете ли вы разобраться сами! При таком подходе ученики получили бы известный материал, а с другой – был бы дан толчок их самостоятельной работе» [11, с. 166].

Ян Амос Коменский: «В самом деле, учить – это значит вводить в науку не знающих науки... Учить и учиться... значит во всяком случае идти, а кто идет, тот не стоит, не лежит, не позевывает, но бодрствует, напрягает свои нервы, находится в движении всем своим существом... Словом все свои природные силы направляет на более сильную умственную работу» [9, с. 56].

И.Е. Забелин: «Что такое самостоятельность, в чем ее природа? Она возникает в отдельном человеке из чувства независимости, которое развивается работою. Наша независимость находится только в нашем труде, в моих руках и в моей голове. Свободен, независим тот, у кого есть крепкие руки да царь в голове» [2, с. 15].

Небезынтересно в этой связи обратиться к педагогическому опыту, например, историков прошлого, к их педагогической «кухне» и проверить философские суждения «на правоту». Жаль, но сегодня серьезных исследований об основах педагогического мастерства на таком уровне, как это делали С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.П. Грацианский, Е.В. Тарле и многие другие, попросту нет. В чем их феномен? В чем их сила?

Известно, что их лекции собирали полные залы, к ним стекались слушатели со всей Москвы, им устраивали овации (следует отметить: большинство воспоминаний касается именно лекторского мастерства ученых, лекции всегда считались одной из важных и ответственных форм работы преподавателя высшей школы). Как «читались» эти лекции? «Читались» – слово условное. Эти лекции говорились. Они не были пафосными, не были громкими, трибунными. *Они были лекциями-размышлениями.*

Очень яркие, мастерски написанные воспоминания оставил В.О. Ключевский о С.М. Соловьеве: «Он именно говорил, а не читал, и говорил отрывисто, точно резал свою мысль тонкими, удобоваримыми ломтиками, и его было легко записывать... (Соловьев говорил с закрытыми глазами, слегка раскачиваясь на кафедре, не спеша и в продолжение 40 минут редко поднимая тон)... Чтение Соловьева не трогало, не пленяло, не било ни на чувство, ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете. Вслушиваясь в “говорящие” размышления, мы старались ухватиться за нить развиваемых перед нами мыслей и не замечали слов. Я бы назвал такое изложение прозрачным. Оттого, вероятно, и слушалось так легко; лекция Соловьева далеко не была для нас развлечением, но мы выходили из аудитории без чувства утомления» [8, с. 323].

В.О. Ключевский находит главное в лекторском мастерстве С.М. Соловьева: «У Соловьева легкость речи происходила от ясности мысли.

Гармония мысли и слова – это очень важный и даже нередко роковой вопрос для нашего брата преподавателя» [8, с. 323].

Той же мыслью отмечены воспоминания В.О. Ключевского о Ф.И. Бусллаеве, читавшем лекции по истории словесности в Московском университете: «В моей памяти, как и в студенческих заметках, уцелели следы того диалектического процесса, какой задавал Бусллаев нашему мышлению и которым мы усвоили столь новые для нас воззрения» [7, с. 347]. Созвучны сказанному воспоминания ленинградского историка Н.Я. Иванова об учителе – Е.В. Тарле, профессоре Ленинградского университета, ученом с мировым именем: «Чаще запечатлевались ведущие идеи этого мастера, слова, образы, которые он вызывал в воображении слушателей... Я не могу припомнить случая, когда бы Евгений Викторович пользовался заготовленными конспектами. Чаще всего это была талантливая импровизация, плоды раздумий...» [4, с. 15].

Интересен опыт Н.П. Грацианского, историка-медиевиста. Многие вспоминают о нем как о незаурядном вузовском педагоге. «Главное для него, – вспоминает В.Ф. Семенов, – чтобы практические занятия не превращались в простые репетитории, когда преподаватель задает вопросы, а студент отвечает заученное без самостоятельного анализа. Практические семинарские занятия составляли для нас истинное удовольствие, только там я почувствовал, что такое источник, как к нему подходить» [5, с. 10].

Примеры можно множить. Но выводы, полагаем, очевидны.

Студент должен, прежде всего, слушать лекцию, видеть перед собой образец развития мысли, соучаствовать своею параллельной мыслью этому процессу. Он должен научиться улавливать суть, смысл предмета, «не замечая слов». И со временем, с опытом становиться «борзописцем» (по словам Ключевского), записывающим лекцию «слово в слово» (как за лаконичным Соловьевым) либо пойманный, обнаруженный смысл услышанного и понятого. Только мысль способна оживить лекцию (как и любой вид деятельности), только она наполняет ее «энергетикой притяжения», придает ей нравственный и духовный смысл.

Сделаем некоторые выводы.

1. Все те формы, способы обучения (а они многогранны!), которые дают возможность думать, размышлять, сопоставлять, представляют «пищу для ума» и есть искомые формы самостоятельной работы.

2. Размышление, обнаружение смысла, сопоставление, протекающие либо тайно, либо явно, посредством делания, есть универсальные общие формы индивидуальной самостоятельной работы человеческого ума.

3. Выше сказанное делает вполне решаемой проблему о признаках (критериях) самостоятельной работы. Вместо ряда признаков, отмеченных ранее, мы выделяем один – наличие проблемной ситуации вокруг сложного, содержащего противоречия вопроса: «Что сегодня, на западный манер, называется условием применения метода case-study?».

4. Однако все новомодные формы или «педагогические ситуации» относительно индифферентны к такому критерию, как делание. Нельзя разделить имеющиеся способы учебного труда, или каждый из них в отдельности – на форму самостоятельной и несамостоятельной работы по сугубо *внешним признакам*. Каждый из них может быть работой творческой либо лишенной этого содержания (например, слушание лекций по математике может быть более творческим процессом, чем решение математических задач на основе хорошо усвоенного алгоритма).

5. Главными результатами творческих усилий могут быть признаки, отлитые в самые «мыслимые и немислимые» формы в буквальном понимании сказанного, то есть как в предметной, овеществленной форме (в форме слов, жестов и т.д.), так и в форме идеальных конструкций. Главное в их содержании – все они должны быть сутью ответами, решениями вчерашних или сегодняшних вопросов науки и жизни. Хотя и в этом случае следует помнить, что цель важна, но дорога, ведущая к ней, – не менее.

Литература

1. *Алексашикина Л.Н.* Самостоятельная работа школьников при изучении Новейшей истории. – М.: Просвещение, 2008.
2. *Забелин И.В.* Из записных книжек. – М.: Мысль, 2007.
3. *Зиновьев А.* Запад. Феномен западнизма. – М.: Центрполиграф, 1995.
4. *Иванов Н.Я.* Из воспоминаний об академике Е.В. Тарле и его лекторском искусстве // Вестник Ленинградского университета. – 1984. – Вып. 3. – № 14.
5. *Иванов Ю.Ф.* Николай Павлович Грацианский // Вопросы истории. – 1995. – № 4.
6. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. – М.: Изд-во политической литературы, 2010.
7. *Ключевский В.О.* Ф.И. Буслаев как преподаватель и исследователь // Соч. в 9 т. – Т. 7. – М.: Мысль, 1989.
8. *Ключевский В.О.* С.М. Соловьев как преподаватель // Соч. в 9 томах. – Т. 7. – М.: Мысль, 1989.
9. *Коменский Я.А.* Воскресший Форций, или Об изгнании из школ косности: Избранные педагогические сочинения. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982.
10. *Маркс К.* Капитал // Соч. – Т. 23.
11. *Маркс К.* Письмо Фердинанду Лассалю. 1 июня 1862 г. // Соч. – Т. 30.
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Почему мы вновь пришли к философии? // Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991.
13. *Фромм Э.* Концепция человека у К. Маркса // Душа человека. – М.: Республика, 1992.

Образование как фактор формирования личности в информационном обществе

**М.А. Лощина,
Е.В. Петрова**

Рассмотрены актуальные проблемы качества, интенсивности и доступности образования в современном информационном обществе с учетом перманентной потребности современного человека получать новые знания, необходимости частого пересмотра учебных программ, активного использования медиаобразования для подготовки специалиста, квалификация которого соответствовала бы быстро меняющимся реалиям жизни.

Ключевые слова: информационное общество, дистанционное обучение, доступ к информации, новая форма обучения, создавать знания, качество образования.

На рубеже XX–XXI вв. в общественной жизни произошли существенные изменения, связанные с формированием нового типа общественного устройства – информационного общества. Создание нового научного и технического направления в виде методов и средств сначала кибернетики, а затем и информатики существенно изменило образ мира. Теперь не столько объемы промышленного производства и темпы его роста стали определять могущество и рейтинг страны в мировом сообществе, а ее информационные возможности. На смену ценностям, характерным для индустриального общества, приходят другие, которые определяются информационными ресурсами государства и стратегией их включения в жизнь общества.

В последнее десятилетие дистанционное, виртуальное обучение все глубже проникает в образовательную систему. Для успешной социальной и профессиональной адаптации школьник, студент, специалист в обязательном порядке должны отвечать новым требованиям, которые предъявляет к ним современное общество, компьютеризированное и опутанное сетью Интернет. Но вместе с требованиями это общество предоставляет и массу возможностей для человека, который хочет получать новые знания:

- быстрый и своевременный доступ к информации где угодно: дома, в поездке, в учебном заведении, на работе;
- неограниченные возможности для накопления и хранения информации;
- скорость обмена между учащимися или работниками новыми, в том числе учебными, материалами;
- возможность создания базы таких материалов и доступа к ней.

Современные информационные технологии позволяют как учащемуся, так и преподавателю участвовать в образовательном процессе, не выходя из дому. Поэтому, как справедливо замечают О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер, «потребуется некоторая адаптация учебного процесса к новой форме обучения» [1].

С процессом развития информационного общества связаны интенсивные процессы становления новой образовательной парадигмы, идущей на смену классической. В основе новой парадигмы лежит изменение фундаментальных представлений о человеке и его развитии через образование.

Прежде всего, меняется основная образовательная цель, которая теперь заключается не столько в усвоении определенного массива знаний, сколько в обеспечении условий для самоопределения и самореализации личности. Это утверждение базируется на изменении отношения к человеку как сложной системе и к знанию, которое должно быть обращено в будущее, а не в прошлое. Критерием реализации новой образовательной модели становится опережающее отражение или степень «познания будущего».

В новой образовательной парадигме учащийся становится субъектом познавательной деятельности, а не объектом педагогического воздействия. Диалогические отношения преподавателя и обучающегося определяют основные формы организации учебного процесса. Результатом становится активная творческая деятельность обучающегося, далекая от простой репродукции.

Современный человек должен не только обладать неким объемом знаний, но и уметь учиться: искать и находить необходимую информацию, чтобы решить те или иные проблемы, использовать разнообразные источники информации для решения этих проблем, постоянно приобретать дополнительные знания.

По мнению В.П. Тихомирова, первое, что должен уметь человек информационного общества, – это создавать новые знания. «Задача университетов все более состоит в том, чтобы не просто передавать своим студентам имеющийся набор знаний, пусть самых современных и востребованных, не только выпускать специалистов в какой-либо области, которые хорошо подготовлены и много знают. Нужно не только научить студентов извлекать знания из моря данных и информации, которая находится сегодня в Интернете, в других хранилищах и библиотеках. В рамках информационного общества этого недостаточно. Университет должен *научить знания создавать*. А для этого необходимо все большее сращивание учебной и научной сторон деятельности университетов, усиленный поиск творчески одаренной молодежи, стимулирование ее интереса к науке и творчеству, развитие ее способностей. Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) создают для такого поиска неограниченные, ранее небывалые возможности. Сегодня новому Ломоносову не нужно с рыбным обозом идти в Москву – достаточно войти в Интернет!» [2].

Электронное обучение – это технология, ориентирующая учащегося на новый стиль образования для жизни и на образование в течение всей жизни, то есть технология для достойной и красивой жизни в информационном обществе, технология, развивающая умения и навыки для устойчивой жизни и непрерывного самосовершенствования.

Наблюдения экспертов говорят о том, что, улучшая качество образования традиционными методами, без использования электронного обучения, можно получить эффект в 5%, а 95% потенциала повышения качества заложены в информационных технологиях образования, в электронном обучении, в его возможностях, не все из которых, может быть, еще раскрыты. Необходимое качество образования в информационном обществе не может быть достигнуто старыми методами. Расширение доступа к образованию благотворно скажется на развитии каждого человека, общества и государства в том случае, *если образование будет качественным.*

Широкое использование электронного обучения позволяет:

- обеспечить равные возможности для получения образования и непрерывного повышения квалификации всем людям независимо от их места жительства и социально-экономического положения;
- кардинально поднять качество образования за счет обеспечения индивидуальности темпа и графика изучения материала, предоставления возможности сочетать обучение с трудовой деятельностью, оперативности включения в учебный процесс самых свежих знаний, привлечения к разработке общедоступных учебных материалов наиболее квалифицированных педагогов и ученых, вне зависимости от их места работы и проживания;
- существенно повысить эффективность использования знаний в экономике за счет раннего овладения населением навыками применения информационно-коммуникационных технологий;
- удешевить образование за счет распределения затрат на создание технологических сред и дорогостоящего контента, уменьшения потребности в специально выделенных учебных площадях в связи с переносом центра тяжести на самостоятельную работу дома, на работе и в дороге;
- обеспечить непрерывность образования, вести сопровождение выпускников после окончания учебного заведения, обеспечивая постоянную актуализацию полученных знаний.

Положительная тенденция использования информационных технологий в образовании – это расширение образовательных возможностей за счет дистанционного обучения (через Интернет), доступность в том же Интернете огромного массива информации практически по любой теме и наличие поисковых серверов, позволяющих эту информацию отыскать.

Также среди несомненных плюсов – эффективность компьютера при изучении языков (его система автоматического исправления ошибок помогает избавить ребенка от чувства вины) и образовательные возможности, которые Интернет и дистанционное обучение предоставляют детям-инвалидам. Минус, знакомый каждому преподавателю, – уменьшение доли самостоятельной работы учащегося: зачем сидеть в библиотеке, изучать первоисточники, собирать нужную информацию по крупицам, когда все можно полу-

читать за считанные минуты в готовом виде – в виде скачанного из Интернета реферата, доклада или даже курсовой?

Вместо глубоких знаний по той иной проблеме – разрозненное, мозаичное, «понемногу обо всем». Множество учащихся убеждены в том, что им не нужно запоминать многочисленную информацию из школьного или институтского курса, ведь все необходимое можно с легкостью отыскать в Интернете. Эта тенденция не может не отразиться на формировании картины мира современного человека, на его способности к самостоятельному мышлению.

Еще один момент: с одной стороны, память не перегружена лишней информацией, с другой – не используются возможности ее тренировки. Остается открытым вопрос и о качестве дистанционного обучения – ведь теряется очень важная составляющая – непосредственный контакт между преподавателем и учащимся.

В последнее время в литературе по проблемам информационного общества появился новый интересный термин – «медиаобразование». Различные исследователи этой проблематики вкладывают в него разный смысл. Вопрос о том, что такое медиаобразование, в чем его сущность и характерные особенности, стал в последнее время одним из самых дискуссионных в социологии, педагогике, журналистике, психологии и философии.

Медиаобразование сегодня можно разделить на следующие основные направления:

- 1) медиаобразование будущих профессионалов (журналистов, сценаристов, режиссеров, операторов, редакторов, кинокритиков, продюсеров);
- 2) медиаобразование будущих педагогов в университетах и педвузах;
- 3) медиаобразование как составная часть общего образования школьников и студентов, обучающихся в обычных школах, средних специальных учебных заведениях, вузах;
- 4) медиаобразование в культурно-досуговых центрах;
- 5) дистанционное образование с помощью ТВ и Интернета;
- 6) самостоятельное (непрерывное) медиаобразование, которое может осуществляться в течение всей жизни.

ЮНЕСКО рассматривает медиаобразование как приоритетное направление педагогики XXI в., а информационный фактор – как ведущий в процессе обучения. В материалах ЮНЕСКО есть такое определение медиаобразования: «Под медиаобразованием (media education) следует понимать обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации, рассматриваемыми как часть специфической, автономной области знаний в педагогической теории и практике; его следует отличать от использования медиа как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний, таких как, например, математика, физика или география» [3].

«Центральная и объединяющая концепция медиаобразования – репрезентация (representation). Медиа не отражает реальность, а репрезентует, то

есть представляет ее. Главная цель медиаобразования – “денатурализация” медиа. Медиаобразование в первую очередь – исследовательский процесс. Медиаобразование базируется на ключевых концепциях, которые в большей степени являются аналитическими инструментами, чем альтернативным содержанием. Медиаобразование – это процесс, продолжающийся всю жизнь. Медиаобразование имеет целью не просто критическое понимание (*critical understanding*), но и критическую автономию (*critical autonomy*)». Такую концепцию медиаобразования дает известный британский исследователь Л. Мастерман [4].

В контексте теории социальной модернизации интересна и точка зрения С. Фейлитзена, согласно которой медиаобразование означает критическое мышление, существенным элементом которого является создание учащимися собственной медиапродукции. Медиаобразование необходимо для активного участия как в демократическом процессе, так и в процессе глобализации (*globalization*) и должно основываться на изучении всех видов медиа [5].

А вот еще одна точка зрения, энциклопедическая: «Медиаобразование – это изучение медиа, которое отличается от обучения с помощью медиа. Медиаобразование связано одновременно с познанием того, как создаются и распространяются медиатексты, так и с развитием аналитических способностей для интерпретации и оценки их содержания, тогда как изучение медиа (*media studies*) обычно связывается с практической работой по созданию медиатекстов. Как медиаобразование (*media education*), так и изучение медиа (*media studies*) направлены на достижение целей медиаграмотности (*media literacy*) [6].

С помощью массовой коммуникации человек может расширять свои знания, воспринимать данные, факты, информацию, устанавливая взаимосвязи. То есть человек может обучаться с помощью СМИ. Обучающую функцию выполняют прежде всего детские и юношеские передачи. Взрослые, как правило, обучаются через информационные программы, а также приобретают знания, просматривая теленовости.

Но с помощью СМИ человек может получать не только данные, факты и информацию. Массмедиа формируют и некие установки, то есть когнитивно-эмоциональные оценки людей, содержаний и предметов. Образовательные передачи для детей должны стимулировать когнитивное развитие юных зрителей. Чтобы представить, какой компетенцией обладают дети и каких знаний им недостаточно, обратимся к теории Пиаже.

Согласно этой теории, умственное развитие ребенка можно разделить на четыре стадии:

- 1) сенсомоторное развитие (от рождения до 18 месяцев);
- 2) дооперациональное, наглядное мышление (от 18 месяцев до 7 лет);
- 3) формирование конкретно-операциональных структур (от 7 до 12 лет);
- 4) формально-операциональная стадия (от 12 лет).

В первой, довербальной, фазе ребенок испытывает и тренирует свои врожденные способы поведения по отношению к объектам своего окружения. Он включает новые объекты в имеющиеся схемы и приспособливает свои схемы к новым объектам (процесс аккомодации). В конце этой фазы он может совершать действия внутренне, у него есть представление об окружающем мире, он начинает мыслить.

На фазе дооперационального, наглядного мышления когнитивные процессы характеризуются эгоцентризмом. Хотя ребенок и начинает рассматривать стимулы как репрезентации предметов и взаимодействовать с ними в символической игре, тем не менее он еще не может применять свои концепции автономно и без связи с самим собой и ситуацией. Мышление очень сильно сконцентрировано на одном или нескольких аспектах его непосредственного поля деятельности, он еще неправильно понимает изменения и последовательность действий.

На конкретно-операциональной стадии ребенок осваивает систему классификации. Он может ментально представить более длительную последовательность действий, он правильно группирует объекты в классы, правильно оценивает постоянство количества, длины, веса и численности и, как следствие, может сравнивать.

На формально-операциональной стадии ребенок мыслит не только наглядно, но и может строить гипотезы, проверять их правильность на практике и понимать пропорции. Мышление становится рациональным и систематическим. Каждая новая стадия развития основывается на уже имеющихся навыках и развивает их дальше.

Чтобы правильно понимать телепередачи, ребенок должен развить определенные когнитивные способности, то есть необходимые для этого мыслительные операции. П. Винтерхофф-Шпурк соотносит стадии умственного развития ребенка с его способностью восприятия различного рода телепередач [7].

Уже в сенсомоторной фазе, в возрасте 6–12 месяцев, дети реагируют на акустические телевизионные стимулы. На стадии дооперационального, наглядного мышления внимание детей сильно зависит от заметности объекта восприятия: интенсивность, движение, контраст, изменение, необычность, неожиданность и противоречивость – именно это привлекает внимание детей. Очевидно, что именно эти признаки отличают телепередачи и неудивительно, что внимание дошкольников привлекают и удерживают преимущественно формальные признаки, например, громкая музыка, необычные голоса и акустические эффекты, а также активность людей, быстрый темп действия и монтажа, частая смена сцен и визуальные спецэффекты.

Необычные, бросающиеся в глаза формальные признаки не только привлекают внимание детей. Они помогают детям понять и структурировать происходящее, так как часто они выполняют драматургическую функцию

(например, маркируют смену сцен, связывают на первый взгляд формально не связанные сцены).

Дошкольники на фазе дооперационального, наглядного мышления, как правило, не в состоянии полностью воспроизвести телевизионную историю. Они еще не могут вычленять важную информацию и поэтому для восстановления смысла используют особенно яркие, бросающиеся в глаза признаки.

Впечатление на детей этой возрастной группы производят только яркие персонажи, они запоминают их имена и характерные особенности. Вероятно, это и объясняет то, почему среди детей этой возрастной группы такой популярностью пользуются мультфильмы или детские сериалы с постоянными действующими персонажами. Дети часто не могут связать мотивы и последующее агрессивное поведение, у них возникают трудности с так называемыми «двуличниками», то есть героями со злыми намерениями, но просоциальным поведением. К тому же они с трудом отличают программы от рекламных пауз, если в этом им не помогают так называемые «разделители».

Результаты исследований, проведенных с детьми 5–10 лет, показывают, что самые младшие во время рекламных пауз смотрят на экран с таким же интересом, как и в ходе предшествующей программы. В этом возрасте дети с трудом отличают вымысел от реальности. Например, они считают содержания программ реальными, если действующие лица – как в новостях – выглядят реально. Проще говоря, они считают реальностью то, что выглядит реально.

Дети на стадии конкретно-операционального мышления, то есть в возрасте 7–12 лет, имеют более гибкое мышление. Они часто выступают со своей информацией и выводами, могут установить взаимосвязь отдельных элементов ситуаций или событий. Так, во время рекламных пауз они проявляют значительно меньше внимания, чем дошкольники, и более гибко и опытно выбирают программу из массы предложений. Второклассники часто могут реконструировать содержание телевизионных историй только на основе своих имеющихся знаний, а не на основе увиденного.

Начиная с 10–12 лет – фаза формально-операционального мышления – ребенок или подросток может улавливать общие закономерности и мыслить теоретически. Подросток мыслит дедуктивно, он формирует гипотезы и проверяет их, учитывает одновременно многие особенности ситуаций и содержание и одновременно отображает собственные процессы мышления. Благодаря этому результату восприятия конкретных объектов развивается способность оценивать то, что предлагают СМИ: юные зрители могут пропускать несущественную информацию и концентрироваться на важных элементах. В этом возрасте они правильно реконструируют телевизионные истории и могут отличить реальность от вымысла на основе формальных и содержательных признаков.

П. Винтерхофф-Шпурк выдвинул пять гипотез о том, как ТВ влияет на воображение [8]:

1) гипотеза «вытеснения»: просмотр телевизора забирает время у игр, стимулирующих развитие воображения;

2) гипотеза «пассивности»: телевидение, как легкое СМИ, является пассивным развлечением;

3) гипотеза «потока информации»: количество информации, которое обрушивается на ребенка, настолько велико, что на ее обработку с привлечением воображения не остается времени;

4) гипотеза «возбуждения»: телевидение провоцирует возбуждение, которое потом проявляется в гиперактивной игре, а не в процессах планирования, полных воображения;

5) гипотеза страха: телевидение стимулирует развитие чувства страха, который препятствует работе воображения.

Некоторые зарубежные исследователи приходят к выводу, что с помощью телевидения можно добиться увеличения количества и глубины знаний у зрителей детского и юношеского возраста. Этот результат наиболее вероятен при просмотре передач, которые специально разработаны для этой цели и прошли проверку с помощью суммарного и формативного оценивания.

Конечно, передачи такого рода едва ли позволяют сократить пробел в знаниях у детей из разных социальных слоев, так как очевидно, что дети из высокообеспеченных семей и семей среднего достатка получают от них большую пользу, чем дети из малообеспеченных слоев населения. На овладение речью, приобретение навыков чтения, работу воображения и общие школьные успехи влияние телевидения одинаково и не зависит от социального происхождения ребенка.

Комсток обобщает это следующим образом: «Просмотр телевизора отрицательно коррелирует с развитием ребенка, когда вытесняет интеллектуально и практически более богатую среду, предоставляющую лучшие возможности для получения опыта. Положительное влияние телевидения возможно только в том случае, если оно дополняет эту среду» [9].

Подводя итоги, нужно отметить, что в современном информационном обществе проблема качества, интенсивности и доступности образования стоит очень остро. Современные темпы развития таковы, что знания устаревают очень быстро, а потребность в новых знаниях колоссальна. Если раньше учебные программы не менялись десятилетиями, то сейчас они пересматриваются чуть ли не каждый год. Необходимо максимально интенсифицировать процессы обучения, не упуская при этом ни одной возможности, будь то дистанционное обучение или создание обучающих телепрограмм для детей.

Важное значение имеет медиаобразование как овладение современными средствами массовой коммуникации и как развитие аналитических способностей и критического мышления для адекватной оценки предоставляемой ими информации. Без использования всех образовательных возможностей, кото-

рые предоставляют нам современные информационно-коммуникативные технологии, нельзя подготовить специалиста, квалификация которого соответствовала бы быстро меняющимся реалиям жизни.

Являясь необходимым условием развития человека и общества, образование выступает сознательно направляемым процессом, в ходе которого происходит освоение ценностей культуры, передача опыта овладения и преобразования действительности. Нельзя не согласиться с В.С. Грехневым в том, что «образование – это и творение, формирование личности человека как меры гармонии социального и индивидуального в каждом из людей. Передавая социально значимый опыт, накопленный человечеством, образование учит людей жизни в обществе здесь и сейчас, но оно призвано готовить их и к будущему, тенденции которого закладываются сегодня».

P.S. Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (грант № МК-4543.2010.6).

Литература

1. *Баксанский О.Е., Кучер Е.Н.* Дистанционное обучение как виртуальная образовательная реальность // Теоретическая виртуалистика: новые проблемы, подходы и решения. – М.: Наука, 2008. – С. 263.
2. *Тихомиров В.П.* Качественное образование в информационном обществе, основанном на знаниях. Стратегическая программа развития для России. URL: expert.ustu.ru/doc/seminarmesi/Downloads_GetFile.aspx?id=212.
3. Media education. – Paris: UNESCO. – P. 8.
4. *Мастеран Л.* Обучение языку средств массовой информации // Специалист. – 1993. – № 4. – С. 22–23.
5. *Feilitzen C.* Media Education. Children and Media // UNESCO&NORDICOM, 1999. – P. 24–26.
6. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2001. – P. 94.
7. *Винтерхофф-Шнурк П.* Медиапсихология. Основные принципы. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – С. 131–136.
8. Там же. С. 154.
9. Там же. С. 156.

Я.С. Артамонова

Рассмотрен вопрос противодействия растущим информационным угрозам, способным дестабилизировать жизнь любой системы. Сделан акцент на осознании обществом роли правового воспитания и необходимости формирования правовых установок как для общества в целом, так и для каждой личности в отдельности. Проанализированы пути и механизмы формирования правовых установок личности. Подчеркнуто, что важнейшим условием правильной социализации становится формирование у человека представлений о неразрывной связи возможностей удовлетворения разнообразных индивидуальных потребностей с соблюдением правовых норм.

Ключевые слова: правовая установка, правовое поле, общественные стандарты, социальная установка личности, потребность в правовом регулировании, социальные условия, правовая потребность общества, правовая ориентация, стабильность общественных отношений, очаг социальных конфликтов.

Спектр информационных угроз, реализуемых с целью дестабилизации социально-политической ситуации и создания различных социальных конфликтов в обществе, достаточно обширен. Полностью исключить или перекрыть каналы деструктивных информационных потоков невозможно. Различные правонарушения совершались и будут совершаться. Государство регулирует, блокирует и нейтрализует подобные процессы путем введения законодательных мер, административными и силовыми ресурсами. В то же время только силовыми методами данную проблему не решить. Задача правоохранительных органов состоит не в том, чтобы пересажать как можно больше людей, а в том, чтобы вести профилактическую работу: предотвратить преступление важнее, чем посадить человека. Следовательно, населению необходимо прививать информационную культуру.

Для профилактики правонарушений в информационной сфере нужно развивать правовые установки как для общества в целом, так и для каждого конкретного человека. Что представляет собой «феномен правовых установок»?

Проблема правовых установок личности имеет свою специфику: она является пограничной областью исследования нескольких научных дисциплин и прежде всего права, социальной психологии и социологии.

Что такое установка личности? В Социологическом энциклопедическом словаре категория «установка» определяется следующим образом: «Готовность, предрасположенность субъекта к определенной активности и действиям по отношению к какому-либо объекту» [1].

Формирование правовых установок личности происходит в двух аспектах. Во-первых, этот процесс анализируется как результат социального влияния: от правовой потребности общества через систему правовых норм к правовой потребности личности. Одним из главных факторов в этой системе вы-

ступают малые группы, в которые включена личность. Если малая группа, членом которой является тот или иной индивид, достигает в своем развитии уровня коллектива, то такая группа уже является как бы катализатором усвоения личностью правовых норм. Такие группы, как корпорации, наоборот, блокируют общесоциальное влияние или искажают его через свои групповые (корпоративные) нормы.

Во-вторых, формирование правовых установок рассматривается в аспекте онтогенеза личности. Механизм формирования правовой установки у личности основан на общих закономерностях развития ориентаций индивида в процессе социализации и индивидуализации. Важнейшим условием правильной социализации становится формирование у человека представлений о неразрывной связи возможностей удовлетворения разнообразных индивидуальных потребностей с соблюдением правовых норм. Вне права невозможно гармоничное функционирование и развитие гармоничной личности и, следовательно, общества в целом.

На этапе саморазвития происходит соединение процесса выработки цели, выявления и совершенствования способностей с усвоением личностью смысла правовых требований. Происходит наиболее полная интернализация правовых потребностей.

Механизм выработки новых правовых установок у зрелой личности включает в себя следующие элементы. Правовая потребность общества через систему соответствующих знаний включается в совокупность ценностных ориентаций индивида. При этом важным условием эффективной идеологической (в рамках официальной государственной доктрины) пропаганды правовых знаний является их содержание, которое определяет нравственное развитие личности. Тогда новое знание будет соединено с системой ведущих жизненных целей и ориентаций личности. Если же таковые не развиты, носят узкоэгоистический характер, то выработать необходимую правовую установку будет крайне сложно, а иногда и невозможно.

Закреплению правовой нормы в системе ориентаций индивида способствуют наглядный пример ее применения в жизни и активная поддержка коллективом тех, кто не только честно выполняет свои обязанности, но и требует этого от других. Активная жизненная позиция выступает как важнейшая предпосылка и как итог формирования у индивида устойчивых правовых установок.

Таким образом, правовые установки по своей сущности являются интернализованной личностью правовой нормой и имеют сложное строение. Для анализа роли и места формирования правовой установки личности необходимо наличие трех компонентов:

- когнитивного (восприятие личностью информация, содержащейся в правовой норме);
- эмоционального (отношение к этой информации);

- поведенческого (готовность действовать в соответствии с правовой нормой).

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, усвоение личностью правовой установки подразумевает, что действия человека реализуются в рамках правового поля и полностью соотносятся с ценностно-нормативными стандартами, принятыми в конкретном обществе.

Во-вторых, в результате анализа роли и места правовых отношений в системе общественной деятельности и понимания правовой установки как разновидности индивидуально-личностной формы этих отношений можно сделать вывод о том, что правовые установки всегда выступают в качестве стороны, момента других социальных установок личности. Правовые установки существуют только при том условии, если в обществе есть потребность в правовом регулировании деятельности на всех уровнях: общесоциальном, групповом, индивидуальном. Это означает, что изучение правовых установок, их регулятивной силы и т.п. должно вестись в контексте социальных условий.

В-третьих, особенностью правовых установок, как и правовых диспозиций вообще, является то, что они возникают под воздействием правовой потребности общества. Причем правовые установки, складывающиеся при участии личностной правовой потребности, более стабильны и регулятивны.

В-четвертых, правовые установки функционируют в тесной связи с правовыми диспозициями других уровней саморегуляции поведения личности – правовыми ориентациями и направленностью.

В-пятых, сформированность правовой установки личности является залогом стабильности общественных отношений. В то время как ее отсутствие – это один из факторов возникновения очагов социальных конфликтов. Это один из индикаторов процессов дезинтеграции социума.

Литература

1. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – С. 383.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Исторический опыт и современные проблемы противодействия преступности гражданами

В.П. Тимохов

Рассмотрен вопрос о состоянии массового общественного правосознания в современной России с учетом исторического опыта, о том, насколько сами граждане соблюдают правила общежития и проявляют активность в недопущении и пресечении правонарушений. Отмечено, что государство обязано создать организационно-правовую форму оформления этой деятельности с целью обеспечения ее максимальной результативности и защиты интересов людей, выполняющих правоохранительные функции. Подчеркнуто, что необходимо скорейшее принятие федерального закона, который точно бы определил статус объединений граждан в сфере охраны правопорядка и общие принципы их функционирования.

Ключевые слова: добровольная народная дружина, народная дружина, рабочая милиция, общество содействия милиции, участие общественности в охране правопорядка, профилактика правонарушений, охрана правопорядка, муниципальная милиция.

В 2010–2011 гг. более чем на 20% была сокращена численность сотрудников МВД России, что повлекло за собой снижение плотности полицейских нарядов в общественных местах. Негативные последствия проявились немедленно: в 2011 г. на улицах и площадях, в парках и скверах было совершено на 3,7% больше преступлений, чем в 2010 г. Небезопасность этих общественных мест становится все очевиднее: уже в январе–феврале 2012 г. количество совершенных там преступлений увеличилось на 14,8% (54,4 тыс.), а количество краж по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – на 29,8% [20].

Объективно прогнозируемая социально-экономическая обстановка в стране в ближайшем будущем не способствует сокращению правонарушений, что требует изыскания дополнительных организационных ресурсов в борьбе с преступностью. Одним из действенных инструментов этой борьбы, особенно в отношении преступлений, совершаемых в общественных местах, являются негосударственные общественные формирования, богатый опыт деятельности которых был накоплен в России в XIX–XX веках.

Первые сведения об участии общественности в профилактике правонарушений и борьбе с преступностью относят к 1881 г., когда в Москве появились народные дружины, ставившие своей целью поддержание правопорядка при проезде высочайших особ по улицам столицы, во время коронаций и связанных с ними массовых мероприятий [17, с. 30]. Численность этого общественного формирования постепенно увеличивалась и к 1905 г. достигла 80 тыс. человек. Постепенно московский опыт при активном участии Департамента полиции стал распространяться на другие российские города, и на-

родные дружины стали превращаться в постоянно действующую организацию.

В 1913 г. была разработана и принята Инструкция по организации добровольных народных дружин, в которой были зафиксированы основные принципы ее создания и построения:

- принцип добровольности вступления, фиксированного членства и строгого отбора;
- принцип подотчетности и подчиненности органам государственной власти, государственного руководства и контроля за ее деятельностью [15, с. 82].

С первых дней существования советской власти в России вместе с красной гвардией и только еще организуемой рабочей милицией¹ новый революционный порядок утверждали и охраняли различные самодеятельные организации, создаваемые по инициативе самих граждан, принадлежащих, как тогда говорили, к трудовому сословию. Они имели различные наименования: «Друзья общественного порядка» (ДОП), летучие рабочие отряды, комитеты по поддержанию правопорядка; чуть позже – Дружины содействия милиции, Комиссии общественной помощи милиции и т.п.

Позже общественная самодеятельность подсказала еще одну форму помощи милиции – Общество содействия милиции (Осодмил), которая была законодательно закреплена постановлением СНК РСФСР от 25 мая 1930 г. «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» [11]. Известен, например, факт, что основную роль в раскрытии убийства Павлика Морозова² сыграл член этого общества Иван Потупчик, который до прибытия на место преступления официальных лиц умело определил круг подозреваемых, провел допросы и очные ставки. К приезду сотрудников ОГПУ³ им уже был собран весь необходимый материал для дальнейшего расследования [16, с. 50].

В 1959 г., после обобщения передового опыта охраны правопорядка рабочими ленинградских предприятий, была официально закреплена такая форма общественных организаций правоохранительной направленности, как добровольная народная дружина (ДНД) [12]. За долгие годы своего существования члены ДНД внесли существенный вклад в поддержание правопорядка, борьбу с преступностью и ее профилактику. За мужество и героизм при пресечении преступлений, задержании преступников в период 1970–1985 гг. Президиум Верховного Совета СССР наградил орденами свыше 800 дружин-

¹ Наряду в «рабочей милицией» в 1917 г. существовала «народная милиция», которую формировала эсеро-меньшевистская фракция Петроградского совета, пытавшаяся подчинить себе и «рабочую милицию». Соответствующий приказ Петроградского совета был издан 7 (20) марта 1917 г.

² Павлик Морозов – школьник, широко распропагандированный в СССР как пионер-герой, погибший в борьбе с кулачеством 3 сентября 1932 г.

³ ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР) – государственный орган, осуществляющий борьбу с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом, обеспечивающий государственную безопасность.

ников, а медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» только по РСФСР около 6 тыс. человек [14, с. 312–313].

В 1989 г. в СССР насчитывалось 298 тыс. дружин, в которых состояло 11,7 млн человек [17, с. 56]. В связи с ликвидацией СССР и отменой соответствующей нормативной базы эти общественные формирования прекратили свое существование.

Тем не менее в настоящее время в стране уже вновь действует около 36 тыс. добровольных организаций, уставной целью которых является участие в охране общественного порядка. В Ульяновске 8–9 ноября 2011 г. прошел первый Всероссийский форум добровольных дружин «Симбирский диалог-2011», собравший более 300 народных дружинников из 35 регионов. Делегаты съезда и представители государственных структур были единодушны во мнении: без активной помощи и поддержки населения об эффективной борьбе с преступностью не может быть и речи. Это подтверждает и официальная статистика. Более 27 тыс. раскрытых преступлений, почти 340 тыс. выявленных административных правонарушений, 276 тыс. задержанных правонарушителей – такую помощь оказали формирования за девять месяцев 2011 г. В Ульяновской области, по словам ее губернатора Сергея Морозова, в 24 муниципальных районах и городских округах созданы и действуют 235 добровольных дружин общей численностью 4065 человек, и практика показала, что они представляют серьезную силу, способную оказать значительную помощь в борьбе с преступностью [13].

Так как федеральное законодательство по регулированию такой деятельности отсутствует, эти формирования граждан создаются и осуществляют свою деятельность на основании законов субъектов РФ, а в ряде случаев – даже на основании распорядительных документов глав местных администраций или нормативных актов представительных органов местного самоуправления. Муниципальные образования руководствуются в этом случае ст. 132 Конституции РФ, которая наделяет органы местного самоуправления правом и обязанностью осуществлять охрану общественного порядка.

Региональные законы, успешно регулирующие деятельность граждан в сфере обеспечения правопорядка, давно уже действуют во многих субъектах РФ. Так, в городах Москве и Санкт-Петербурге такие законы были приняты еще в 2001 г. [5; 6]. Заметим, что в столице, помимо указанного закона, устанавливающего общие принципы и правила участия жителей в охране общественного порядка, действуют и специальные законы, в которых конкретизированы формы такой деятельности. Так, Закон г. Москвы от 26 июня 2002 г. № 36 «О Московской городской народной дружине» устанавливает правовые основы и принципы деятельности Московской городской народной дружины, определяет ее организационную структуру и систему управления, обязанности, права и ответственность народных дружинников, а также гарантии их правовой и социальной защиты.

Согласно этому закону, Московская городская народная дружина является государственно-общественным объединением, которое создается в целях оказания содействия органам государственной власти Москвы и правоохранительным органам в обеспечении общественного порядка и состоит из граждан Российской Федерации, принятых в ее состав в установленном порядке. Непосредственное руководство деятельностью дружины осуществляет городской штаб, который создается правительством Москвы в форме государственного учреждения [4, ст. 1, 3, 6].

Социальные, правовые, организационные, педагогические и другие ресурсы некоммерческих организаций и граждан также включены в единую систему профилактики правонарушений в Москве [1, ст. 1].

В отличие от Москвы, определяющей ДНД как государственно-общественное объединение, Рязанская область считает народные дружины только добровольными объединениями граждан [3, ст. 1]. В некоторых субъектах РФ правоохранительные общественные формирования законодательно разделены на несколько категорий: добровольные народные дружины, муниципальные казачьи дружины, добровольные студенческие дружины [2, ст. 4]. Таким образом, единообразного подхода к определению статуса добровольных дружин пока нет, а неоднократные попытки урегулировать эту общественную инициативу на федеральном уровне успехом не увенчались.

Еще 3 декабря 1996 г. в Государственную думу был внесен проект Федерального закона «Об участии граждан РФ в обеспечении правопорядка», который после длительных согласований и изучений 27 января 1999 г. был принят Государственной думой и 18 февраля 1999 г. одобрен Советом Федерации. Однако Президент РФ отклонил этот закон и Государственная дума, согласившись с доводами президента, 14 марта 2001 г. постановлением № 1221-III сняла закон с рассмотрения.

Следующая попытка создать специализированную нормативную базу для участия общественности в охране правопорядка началась 11 декабря 2002 г., когда в Государственную думу группой депутатов был внесен законопроект «Об участии граждан РФ, общественных и государственно-общественных объединений и организаций в обеспечении правопорядка». 14 февраля 2005 г. этот законопроект был внесен повторно с другим названием: «Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка». Этот законопроект не предусматривал обязательного создания соответствующих государственно-общественных объединений в субъектах РФ и муниципальных образованиях. По концепции разработчиков, реализация законопроекта не потребовала бы никаких расходов из федерального бюджета. Внесенный документ был включен в примерную программу законопроектной работы Государственной думы; на него поступили многочисленные критические отзывы, предложения и замечания из комитетов и комиссий, поэтому авторы законопроекта отзывали его. Позднее, 6 сентября 2005 г. Государст-

венная дума согласилась с предложением Комитета Госдумы по безопасности вообще снять этот проект с рассмотрения по указанному основанию [7, п. 53].

Несколькими днями позже был отклонен одноименный проект Федерального закона № 248699-3, внесенный в Государственную думу Законодательным собранием Краснодарского края, на который также поступил отрицательный отзыв Комитета Госдумы по безопасности [10].

30 декабря 2008 г. группой депутатов Государственной думы был предложен очередной проект Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка». Как указывалось в пояснительной записке к нему, на территории Российской Федерации действует более 34 тыс. общественных формирований правоохранительной направленности, численность которых составляет более 363 тыс. человек, в том числе в 17,4 тыс. народных дружин – около 214 тыс., в 872 казачьих дружинах – 45,4 тыс.

По предложению Комитета Госдумы по безопасности в текст законопроекта вносились изменения, затем его рассмотрение в первом чтении неоднократно переносилось, и 15 октября 2010 г. он повторно был направлен во все высшие органы государственной власти и управления для подготовки отзывов, предложений и замечаний, а также в ряд других инстанций. Отзывы, предложения и замечания было предложено направлять в Комитет Госдумы по безопасности до 15 декабря 2010 г., и до настоящего времени никакого дальнейшего движения по данному законопроекту нет [8].

Поиски оптимальных путей регулирования деятельности формирований, которые будут оказывать помощь полиции в охране общественного порядка и в обеспечении общественной безопасности, продолжаются и по другим направлениям. Так, 23 ноября 2011 г. в Государственной думе был зарегистрирован проект федерального закона, который позволит муниципальным образованиям ранга муниципального района и городского округа создавать у себя органы муниципальной милиции. В настоящее время такая возможность предусмотрена п. 8 ст. 15 и п. 9 ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Однако нормы об охране общественного порядка муниципальной милицией могут вступить в силу лишь в сроки, указанные федеральным законом, регламентирующим порядок ее организации и деятельности, но данный закон еще не принят и его проект в Государственную думу даже не вносился. В связи с этим автором законопроекта, первым заместителем Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству А.Г. Назаровым было предложено внести изменение в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», согласно которому нормы, касающиеся организации охраны общественного порядка, вступают в силу с момента официального

опубликования федерального закона или закона субъекта РФ, определяющего порядок организации и деятельности муниципальной милиции.

Безусловно, следует согласиться с мнением автора законопроекта, что он не препятствует дальнейшей разработке федерального закона о муниципальной милиции, а напротив, позволит накопить необходимую для этого нормотворческую и правоприменительную практику [9].

Очевидно, что состояние общественной безопасности в любом государстве во многом определяется массовым общественным правосознанием, тем, насколько сами граждане соблюдают правила общежития и проявляют активность в недопущении и пресечении правонарушений. В любом обществе часть граждан так или иначе вносит свой вклад в обеспечение правопорядка. Задачей государства является правовое оформление этой деятельности с целью обеспечения ее максимальной результативности и защиты интересов людей, выполняющих правоохранительные функции. Поэтому, на наш взгляд, необходимо скорейшее принятие федерального закона, который как минимум точно бы определил статус объединений граждан в сфере охраны правопорядка и общие принципы их функционирования.

Литература

1. О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве: Закон города Москвы от 19 марта 2008 г. № 14 // Ведомости Московской городской думы. – 2008. – № 4. – Ст. 51.
2. Об участии граждан в обеспечении охраны правопорядка: Закон Ставропольского края от 8 декабря 2007 г. № 69-кз. URL: <http://www.dumask.ru/legislation/regional/zakony/2007/12200/>.
3. О народных дружинах в Рязанской области: Закон Рязанской области от 7 мая 2007 г. № 56-ОЗ // Рязанские ведомости. – 2007. – 12 мая.
4. О Московской городской народной дружине: Закон города Москвы от 26 июня 2002 г. № 36 // Ведомости Московской городской думы. – 2002. – № 8. – Ст. 162.
5. Об участии граждан в обеспечении правопорядка в Санкт-Петербурге: Закон города Санкт-Петербурга от 08 ноября 2001 г. № 760-95 // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. – 2001. – № 12.
6. Об участии жителей города Москвы в охране общественного порядка: Закон города Москвы от 28 марта 2001 г. № 9 // Ведомости Московской городской думы. – 2001. – № 5. – Ст. 43.
7. Протокол заседания Совета Государственной думы ФС РФ от 6 сентября 2005 г. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=273623-3&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=273623-3&02)

8. Об участии граждан в охране общественного порядка: Законопроект № 146414-5. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=146414-5&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=146414-5&02)
9. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Законопроект № 634752-5. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=634752-5&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=634752-5&02)
10. О проекте Федерального закона № 248699-3 «Об участии граждан Российской Федерации в охране общественного порядка»: Постановление Государственной думы ФС РФ от 16 сентября 2005 г. № 2200-IV ГД. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=248699-3&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=248699-3&02)
11. Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска: Постановление СНК РСФСР от 25 мая 1930 г. // СУ РСФСР. – 1930. – № 25. – Ст. 324.
12. Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране: Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 2 марта 1959 г. № 218 // СП СССР. – 1959. – № 4. – Ст. 25.
13. *Бережкова В.* «Красным повязкам» – зеленый свет // Щит и меч. – 2011. – 24 ноября.
14. Взаимодействие милиции с трудящимися в охране общественного порядка // Советская милиция: история и современность (1917–1987). – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 312–313.
15. *Жеребцов А.В.* Правоохранительные органы (история, теория, практика) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2005. – № 1. – С. 82.
16. *Логинов О.И.* История Уральской милиции. – Екатеринбург, 2002.
17. *Огородников В.* Не командой и окриком // Советская милиция. – 1989. – № 3. – С. 56.
18. *Харламов В.И.* Исторический опыт проблемы совершенствования нормативно-правовой базы деятельности народных дружин в Российской Федерации // Проблемы взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности: Материалы «круглого стола» 27 января 2006 г. в Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2006.
19. Информационное агентство Regnum. URL: <http://www.regnum.ru/news/1465664.html>
20. Статистика состояния преступности // Сайт МВД РФ. URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/>

Криминологические особенности кражи, сопряженной с незаконным проникновением в жилище

**П.П. Пирогов,
Ю.А. Юрченко**

Проанализированы статистика и характер квартирных краж за последние 20 лет, выявлены их криминологические особенности. Отмечается, что изменились стиль и способы совершения квартирных краж, для них характерны многоэпизодность, изощренность способов совершения и слабая раскрываемость. Поставлен вопрос о необходимости проведения научных исследований, на базе которых возможна разработка эффективных мер по борьбе с ними.

Ключевые слова: кража, посягательство на собственность, проникновение в жилище, тактика борьбы с квартирными кражами, раскрываемость квартирных краж.

В последние два десятилетия в России в общем русле демократических реформ произошли существенные изменения, коснувшиеся всех сфер жизни общества. Переход к рыночной экономике имел как положительные, так и отрицательные последствия, одним из которых стал рост числа корыстных преступлений. Наиболее распространенные из них – преступные посягательства на собственность, что красноречиво подтверждается данными статистики. За период 2005–2010 гг. в России ежегодно регистрировалось в среднем 1,4 млн краж; их удельный вес в общей совокупности зарегистрированных преступлений составил 42,0%, а среди преступлений имущественной направленности – 68,6% [1]. И хотя в последние годы в большинстве регионов России их число сократилось, оно по-прежнему остается весьма значительным, причем латентность данного вида преступлений – одна из самых высоких.

Доля краж с проникновением в жилище в структуре краж чужого имущества составляет в России около 34%. Для этого вида краж характерны многоэпизодность, изощренность способов совершения и слабая раскрываемость [2, с. 50]. В процессе их совершения, наряду с посягательством на собственность граждан, одновременно нарушаются их конституционно гарантированные права на неприкосновенность жилища и частной жизни. Проникновение в жилище осуществляется в основном путем подбора ключей, взламывания замков, срыва оконных рам и решеток и т.д. Большинство краж из жилища (около 70%) совершаются посредством проникновения через входную дверь (путем подбора ключей – 15%, выбивания и взлома цилиндра замка – 35%, срыва дверей с петель – 14%) [2, с. 50]. Нередки (20%) и проникновения в квартиру через открытые окна, форточку или двери, в том числе балконные. Наконец, около 10% краж совершаются в условиях свободного доступа в жилое помещение (гостями, родственниками).

Традиционно более распространенными являются кражи из квартир, расположенных на крайних этажах, однако нередко объектом посягательства

становятся и другие. Похитители используют водосточные трубы, козырьки входных дверей, смежные лоджии, пожарные лестницы, автомашины с выдвижными лестницами, позволяющие им без особых проблем забираться на любой этаж.

Наиболее типичные способы проникновения в жилище можно разделить на две категории:

- совершаемые с преодолением каких-либо преград (взлом двери и замков, подбор ключей, проникновение через форточку, окно, балкон);
- совершаемые благодаря доверчивости или небрежности хозяев (с согласия владельцев – используя доверительные отношения, под видом работников различных служб, под видом знакомых; через незапертую входную дверь; с использованием ключа, оставленного потерпевшими).

Следует отметить, что примитивность способов проникновения квартирных воров в жилище часто вовсе не характеризует их как дилетантов. Их успех зависит не столько от способа проникновения в жилище, сколько от умения безошибочно выбрать подходящую квартиру, совершить хищение, не привлекая внимания посторонних, быстро реализовать похищенное имущество, не попадая в поле зрения сотрудников полиции [4, с. 20].

Анализ способов проникновения квартирных воров в жилище (по материалам уголовных дел) позволяет сделать следующие выводы:

- значительная часть краж совершается без предварительной подготовки; преступники, как правило, не изучают объект заранее и не имеют достоверных сведений об имуществе, находящемся в жилище. Хотя доля организованных краж неуклонно растет, при отсутствии жильцов они готовы проникать в любую квартиру, если это несложно сделать;
- современные квартирные воры, как правило, не относятся к категории «высококвалифицированных специалистов» в своей области.

Большая часть (75%) краж с незаконным проникновением в жилище совершается в городской местности, прежде всего (свыше 50%) в областных центрах [4, с. 51]. С уверенностью можно утверждать, что лишь незначительная их часть носит ситуативный характер, когда провоцирующая роль конкретной ситуации оказывает решающее влияние на решимость лица совершить данное деяние. Большинство квартирных краж совершается организовано и профессионально [4, с. 51].

Одна из особенностей современных квартирных краж – отсутствие избирательности в предметах хищения. Похищаются разные по характеру вещи: деньги, ювелирные изделия, хрусталь, бытовая техника (компьютеры, музыкальные центры, телевизоры, магнитофоны, видеокамеры), носильные вещи, мобильные телефоны, а также иные предметы, пользующиеся устойчивым спросом. Решающее значение здесь имеет, наряду с компактным раз-

мером, облегчающим вынос и сокрытие «добычи», возможность скорейшего сбыта похищенного.

Главные каналы реализации краденого имущества – рынки, базары, ярмарки и другие места, куда приходит множество людей с намерением сделать покупки, имеющих при себе, как правило, некоторую сумму денег и способных приобрести похищенный товар, обычно предлагаемый по заниженной цене.

Основная масса квартирных краж совершается в относительно недавно заселенных (1–3 года назад) многоэтажных домах (в 9 и более этажей), жильцы которых еще плохо знают друг друга (даже соседей по подъезду). В этих условиях появление незнакомцев не привлекает внимания; кроме того, многие жильцы в таких домах еще не успели принять меры по укреплению квартир для их защиты от проникновения.

В последние годы снизилась зависимость числа совершаемых преступлений от времени года, дня недели или времени суток. Данная тенденция особенно характерна для крупных городов с населением более 1 млн человек; наоборот, чем меньше город, тем больше зависимость активности квартирных воров от времени суток и дня недели.

Результаты исследования также выявили тенденцию к криминальному профессионализму: воровские группы стали более устойчивыми и законспирированными, выросла интенсивность совершения ими краж, отлажена система реализации краденого, преступления готовятся более изощренно, часто используются специальные технические средства. Анализ уголовных дел показывает, что более 70% преступников, находящихся на скамье подсудимых, были преданы суду за совершение двух или более квартирных краж.

В 2010 г. на территории Мурманской области было зарегистрировано 2933 квартирных кражи, что составило 4,7% от общей массы совершенных преступлений, причем каждая пятая из зарегистрированных краж – это кража из квартиры [11, с. 50]. Раскрываемость квартирных краж в регионе составила 50,4% [8]; столь низкий показатель объясняется объективными трудностями борьбы с данным видом преступлений. Квартирные вору действуют, как правило, таким образом, что поиск источников информации существенно затруднен, и получить сведения о преступнике и обстоятельствах совершения преступления крайне сложно. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов не всегда в должной степени владеют методикой расследования квартирных краж, а также не всегда знакомы с научными достижениями в данной области. Уровень раскрываемости снижается также из-за отсутствия специализации следователей и должного взаимодействия органов, ведущих расследование уголовных дел.

Судебно-следственная практика показывает, что в недостаточной мере используются научно-технические средства и методы для отыскания вещественных доказательств и работы с ними; производство по делам нередко приостанавливается без выполнения необходимых следственных действий; ак-

тивная работа по расследованию ведется лишь в течение первых 10–12 дней и существенно ослабевает в дальнейшем. Все эти обстоятельства требуют совершенствования методики профилактики и предупреждения квартирных краж.

Рассмотрение криминологических характеристик квартирных воров показывает, что в основном это молодые люди. На долю лиц в возрасте 18–24 лет приходится 37%, в том числе 18–21 года – около 20%. Судя по словам осужденных, средний возраст совершения ими первой кражи равен 20 годам (причем основным мотивом совершения преступления большинство называло материальные трудности, хотя материальные условия до осуждения оценивались как удовлетворительные); средний возраст совершения первого преступления вообще равен 18 годам. Как показало исследование, возраст воров мало связан с характером их действий при проникновении в квартиру и внутри нее, по сокрытию следов и распоряжению похищенным. Сейчас даже несовершеннолетние, как правило, быстро и эффективно проникают в помещение, находят наиболее ценные предметы, реализуют похищенное имущество и практически не оставляют следов.

Что касается образовательного уровня воров, следует отметить, что более 2/3 из них имеют среднее, неполное среднее или среднее специальное образование. Увеличилась доля лиц, имеющих высшее образование (в 1998 г. – 0,9%, в 2009 г. – 2,1%). Возможно, это связано со все более низкой востребованностью молодых специалистов, выпускаемых многочисленными вузами. Вместе с тем за тот же период заметно увеличилась доля воров, не только не имеющих начального образования, но и вообще не посещавших школу (с 1 до 4,8%). Причина, очевидно, состоит в том, что к уголовной ответственности стали привлекаться молодые люди, детство которых пришлось на кризис начала 1990-х годов, когда резко возросло число беспризорных.

Сопоставляя образовательный уровень воров с их действиями по совершению краж, можно выявить следующие закономерности. Лица, обладающие высшим и средним образованием, как правило, планируют свои действия по подготовке преступления (разведка, техническая подготовка, обеспечение алиби и т.д.), используют более квалифицированные способы непосредственного проникновения, совершенствуют уже имеющиеся или изобретают новые, быстро и квалифицированно производят поиск ценностей, продумывают способы быстрой реализации похищенного. Лица данной категории чаще бывают организаторами преступных воровских групп, даже при отсутствии прежних судимостей. В эти группы, однако, могут входить и ранее судимые за кражи лица, иногда в качестве консультантов. Несовершеннолетние могут быть как рядовыми членами преступных групп (если они входят туда наряду со взрослыми), так и их организаторами (если группы состоят из ровесников).

Лица, имеющие среднее специальное образование, как правило, избирают способы проникновения, связанные с орудиями, которые им хорошо зна-

комы по их специальности; в поиске ценностей они, как правило, используют знания, полученные из книг, из телевизионных передач, из разговоров со знакомыми. Лица данной категории могут выступать организаторами воровских групп, но чаще же бывают их рядовыми участниками.

Воры с неполным средним или начальным образованием, как правило, используют способы проникновения, которые не требуют каких-либо специальных знаний, применяя собственную силу или орудия бытового назначения (топоры, ломы и т.п.). Несмотря на низкий образовательный уровень, лица данной категории нередко достигают значительных успехов в поиске ценностей (сами они это называют «смекалкой»); к тому же обычно они черпают немало информации о способах и орудиях проникновения в квартиры от знакомых, ранее судимых за кражи. Они редко бывают организаторами преступных групп (если только не имеют уже судимостей); чаще это рядовые исполнители [9, с. 43].

Следует отметить, что в последнее время изменились психологические установки многих воров. Если раньше лица, совершающие кражи, предпочитали избегать насилия при их осуществлении, то сейчас, как показали исследования, до 35% воров внутренне готовы к применению насильственных действий, то есть к превращению кражи в грабеж или разбой. Большинство из них (86%) – молодые люди в возрасте до 24 лет. Характерно также, что до 60% лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, склонны к совершению краж [3, с. 3].

По вопросу о преступной квалификации воров можно сказать следующее. Только 3,5% из них в процессе опроса признали свой уровень воровской квалификации хорошим, профессиональным, тогда как 38,5% согласились с тем, что какая-либо квалификация у них отсутствует. По мнению сотрудников органов внутренних дел, профессионалами среди воров можно назвать около 20% лиц, совершающих кражи; как правило, они уже ранее были судимы за это преступление [9, с. 44].

По результатам обследования мнений осужденных можно представить следующий типичный портрет современного вора: молодой человек в возрасте 21–25 лет, холостой, проживающий в благоустроенной квартире с родителями, причем в полной семье; образование родителей не ниже среднего, но их социальный статус в обществе невысок. Сам молодой человек получил среднее образование, на момент задержания нигде не учился и не работал, а жил на денежные доходы других членов семьи (в 18% случаев – на средства, получаемые от краж), совершающий преступления в населенном пункте по месту проживания.

При оценке виктимологического аспекта квартирных краж оказалось, что свыше 78% потерпевших не были знакомы с преступниками; 15,5% краж были совершены родственниками, близкими знакомыми и сослуживцами потерпевшего, 6,5% – его соседями. Жертвами квартирных краж зачастую (32%) становятся лица, имеющие достаток выше среднего (директора и

управляющие акционерных обществ, компаний, торговых фирм, коммерсанты, бизнесмены и др.), у которых, по мнению преступников, можно найти значительные денежные суммы, в том числе в валюте).

Меры предупреждения краж могут быть как общесоциальными, так и специальными. К числу первых, по нашему мнению, относятся:

- создание новой системы нравственных норм, аккумулирующей духовные ценности, выработанные предшествующими поколениями, нашедшие отражение в религиозных, исторических, философских сочинениях, призванных оказывать всестороннее позитивное воздействие на жизнь общества;
- проведение экономических реформ, направленных на повышение благосостояния граждан, снижение уровня безработицы и т.д.

К сожалению, реальная действительность пока свидетельствует об обратной тенденции: продолжается разрушение традиционной системы морали, падает авторитет власти и законов, снижается уровень материального благосостояния большей части населения (подробнее см. [7]).

Специальные мероприятия непосредственно направлены на нейтрализацию криминогенных факторов; они органично дополняют и конкретизируют меры общего характера. Их разработка и реализация возможна только на базе глубокого знания всех причин и условий, способствующих совершению квартирных краж, особенностей личности квартирного вора, при наличии четких критериев оценки их эффективности. Значительная роль в данной области отводится органам внутренних дел, которые накопили определенный опыт, требующий теоретического осмысления и дальнейшего развития.

Специальные мероприятия в первую очередь включают:

- организацию профилактической работы с лицами, от которых можно ожидать совершения краж из квартир;
- профилактическую работу с населением;
- устранение обстоятельств, благоприятствующих совершению квартирных краж.

Н.П. Щегольский выделяет следующие основные направления профилактической работы в данной области [11, с. 60–61]:

- работа с населением;
- с лицами, прибывающими на постоянное место жительства после отбытия наказания из мест лишения свободы, а также осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы;
- с подозреваемыми в совершении квартирных краж, остающимися на период следствия на свободе без оперативного контроля со стороны органов внутренних дел;
- с несовершеннолетними.

Большое значение имеет также совершенствование действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части защиты на-

рушенных прав потерпевших. Например, только в 26% рассмотренных дел преступники реально возмещали ущерб, причиненный квартирными кражами, хотя в абсолютном большинстве случаев суд обязывал осужденного возместить его. Большую часть решений по гражданским искам в рамках уголовных дел не представляется возможным реализовать из-за быстрого сбыта виновными предмета хищения и отсутствия у них соответствующих личных средств.

Заметим, что пока количество краж неуклонно растет. Прогнозы по ним, как и по всем корыстным преступлениям, неблагоприятные, а традиционные меры правового воздействия пока не дают должного эффекта. По-видимому, необходимо пересмотреть концептуальные основы противодействия (в том числе уголовно-правового) квартирным кражам, усилить социально-правовой контроль в более результативных и жестких формах, использовать нетрадиционные меры по возмещению ущерба [10, с. 5].

Кражи, как и другие корыстные преступления, должны изучаться в конкретных условиях места и времени, определенных пространственных и временных границах. Социально-криминологическое исследование в отдельных регионах позволяет установить пространственные закономерности состояния преступности, тенденции и формы ее воспроизводства в целом и по отдельным видам. На этой основе можно разрабатывать меры по удержанию преступности в социально приемлемых границах [5, с. 6]. Кроме того, именно по территориальному признаку (а в случае преступности несовершеннолетних – и по возрастному) создаются, как правило, преступные группы, что должно учитываться в работе субъектов профилактики [6, с. 7–8].

Поскольку органы внутренних дел по ряду причин (в том числе объективных) не в состоянии обеспечить в достаточном объеме профилактическую работу по сокращению количества квартирных краж, большую активность в этой области должны проявлять сами граждане. Им вполне по силам укрепить окна и двери своих квартир, установить охранную сигнализацию, поставить на подъезды запорные устройства, поддерживать более тесные отношения с соседями.

К числу обстоятельств, облегчающих проникновение воров в жилище, относятся несовершенство и уязвимость современных конструкций запирающих устройств и дверей, создание самими квартиросъемщиками виктимогенных ситуаций (например, хранение ключей под придверным ковриком или в тайниках), отсутствие в домах кодовых замков и домофонов.

Поскольку кражи из квартир отличаются распространенностью, наносят большой ущерб и существенно осложняют общую оперативную обстановку, а их предупреждение и раскрытие связаны со значительными трудностями, они создают крупную криминологическую проблему, которая нуждается в новом осмыслении с учетом реалий современной жизни. Требуются серьезные научные исследования, на базе которых можно разработать эффективные меры по борьбе с ними [5, с. 6]. Учитывая перечисленные выше криминоген-

ные обстоятельства, способствующие формированию преступного мотива, органы внутренних дел должны предпринимать адекватные действия по предупреждению квартирных краж с учетом изменения стиля и способов их совершения.

Литература

1. Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports>
2. Акутаева И. Состояние, структура и динамика краж чужого имущества // Законность. – 2012. – № 3. – С. 47–53.
3. Аналитический обзор, выявление и обобщение передового опыта по раскрытию и расследованию квартирных краж. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. – С. 2–9.
4. Бытко Ю.И. Квартирные кражи и некоторые меры их предупреждения. – Саратов: Изд-во Саратовского университета. – 1989. – 153 с.
5. Ибраев А.З. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с квартирными кражами (по материалам Республики Казахстан): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / МВД России, Санкт-Петербургский университет. – СПб., 1999. – 18 с.
6. Мамочкина А.П. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика групповых краж, совершаемых несовершеннолетними: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / МВД России, Санкт-Петербургский университет. – СПб., 2002. – 23 с.
7. Марцев А.И., Максимов С.В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность. – Томск, 1989. – 235 с.
8. О состоянии преступности на территории Мурманской области. URL: <http://www.b-port.com/crime/item/60576.html>
9. Стукалин В.Б. Характеристика личности квартирного вора как необходимый элемент криминологической характеристики квартирных краж // Российский следователь. – 2004. – № 3. – С. 39–45.
10. Турубар А.В. Кража: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / МВД России, Санкт-Петербургский университет. – СПб., 2003. – 24 с.
11. Щегольский Н.П. Организация и тактика борьбы с квартирными кражами // Актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и теоретико-прикладное обеспечение их решения: Материалы научно-практической конференции. – Мурманск: Мурманский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2004. – С. 50–61.

Насилие в отношении женщин как нарушение прав человека в Африке

Самаке Ава

Изучен вопрос, имеющий давнюю традицию, – неравное распределение власти между мужчинами и женщинами в Африке, чрезвычайно высокий уровень насилия в отношении африканских женщин – самое позорное нарушение прав человека. Сформулирована главная цель статьи: в последнее время многие африканские правительства под влиянием мировой общественности объявили о поддержке всех организаций в выполнении ими обязательств по ликвидации насилия в отношении женщин и девушек. Следующий политический шаг, по мнению автора, – принятие соответствующих законов.

Ключевые слова: Африка, африканская женщина, нарушение прав женщин, гендерное неравенство, насилие в отношении женщин, ликвидация насилия, гендерное насилие, африканская семья.

В январе 2010 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия) в ходе встречи глав государств и правительств Африканского союза Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун и Председатель Африканского союза Жан Пин объявили о начале кампании Генерального секретаря «Сообща покончим с насилием в отношении женщин в Африке» [1].

С этого времени в Африке были открыты отделения на национальном и субрегиональном уровнях, а также проведены региональные и субрегиональные консультации, в которых, в частности, приняли участие представители национальных политических кругов и ведущих СМИ. В Африке правительства ставят своей целью поддержать эти организации в выполнении ими обязательств по ликвидации насилия в отношении женщин и девушек.

Насилие в отношении женщин является, наверное, самым позорным нарушением прав человека. Оно выходит за пределы географических границ, культуры или благосостояния. Африка имеет давнюю традицию неравного распределения власти между мужчинами и женщинами, что привело к чрезвычайно высокому уровню насилия в отношении женщин.

Насилие в отношении женщин определяется Декларацией ООН о ликвидации насилия в отношении женщин как «любой акт гендерного насилия, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, включая также угрозы совершения таких актов, как принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или в личной жизни» [2].

Насилие в отношении женщин начинается в детстве. Большинство африканских семей показывают явно большее предпочтение сыновьям, рассматривая сыновей в качестве кредита для своего будущего. Сыновей отнимают от груди позже, кормят лучше, и они имеют больше шансов на поступление в школу. Эти социальные нормы превращают девочек в женщин с низким уровнем самоуважения и низкой самооценкой, что подкрепляется бесконечным циклом насилия.

Девушки еще больше подвергаются насилию. Исследования, например, показали степень распространения калечения женских половых органов в 28 африканских странах – от 5% в Уганде до более 90% в Сомали [1]. Нанесение увечий женским гениталиям влечет за собой удаление всех или части наружных половых органов как способ контроля сексуальности женщины. Нестабильный политический климат во многих африканских странах привел к большому числу конфликтов, в ходе которых нередко происходят изнасилования, используемые в качестве «оружия войны». Многие женщины подвергаются изнасилованию и, в результате, они потом отвергаются своими семьями и общинами, попадая в уязвимый слой населения. Изнасилование и физическое насилие также очень распространены в семье. По данным, 50% женщин в Танзании и 71% женщин в Эфиопии сообщили, что были биты или изнасилованы своим мужем или другими членами семьи.

Насилие в отношении женщин принимает различные формы: насилие в семье; торговля женщинами и девочками; принуждение к проституции; насилие в ходе вооруженных конфликтов – убийства, систематическое изнасилование, сексуальное рабство и принудительная беременность; убийства на ритуальной почве; убийство новорожденных женского пола; операции, калечащие женские гениталии; другая опасная практика и традиции.

Резолюция участников IV Всемирной конференции по положению женщин, состоявшейся в Пекине в 1995 г., определила насилие в отношении женщин в качестве одной из 12 важнейших проблем, решение которых требует особого внимания со стороны международного сообщества, правительств и гражданского общества [4].

В 1998 г. на 42-й сессии Комиссии ООН по положению женщин обсуждалась проблема насилия в отношении женщин. Государствам-членам ООН и международному сообществу было предложено сделать новые шаги по его прекращению, включению гендерной проблематики в обязательные обсуждения на политическом уровне и во все соответствующие программы. В числе решений, принятых в ходе сессии, были меры по оказанию поддержки неправительственным организациям, по борьбе со всеми формами торговли женщинами и девочками, по защите и реализации прав рабочих-мигрантов, особенно женщин и детей, а также по поддержке в координированных исследованиях насилия в отношении женщин.

Насилие в отношении женщин выходит за рамки побоев. Оно включает в себя принудительные браки, связанные с приданым; насилие; изнасилование в браке; сексуальные домогательства; запугивание на работе и в учебных заведениях; принудительная беременность; принудительные аборты; принудительную стерилизацию. Такая практика вызывает травмы и смерть. Обрезание женских половых органов, например, является общей культурной практикой в некоторых частях Африки. Тем не менее это может вызвать «кровотечения и инфекции, недержание мочи, трудности с рождением ребенка и даже смерть», сообщает ВОЗ. Считается, что 130 млн девочек прошли проце-

дуру во всем мире и 2 млн ежегодно рискуют, несмотря на международные соглашения, запрещающие подобную практику [5].

Местные организации Нигерии свидетельствуют, что 16% пациентов с венерическими заболеваниями были девочки в возрасте до 5 лет, что является признаком сексуального насилия (ЗППП). В 1990 г. в урологическом центре в Хараре (Зимбабве) побывало более 900 девочек в возрасте до 12 лет с ЗППП. ВОЗ также отмечает, что африканские женщины и девочки подвержены повышенному риску заболеваний, передающихся половым путем, в том числе ВИЧ-инфекциям и СПИДу, больше чем мужчины и мальчики [6].

Приведем немного печальной статистики. В Кении от рук мужа каждую неделю погибает, по меньшей мере, одна женщина; в Замбии каждую неделю смерть от рук мужа или родственника принимают 5 женщин; в Египте 35% замужних женщин как минимум один раз в жизни избивались мужьями; в районе Увира (Демократическая Республика Конго) в октябре 2000 г. женские ассоциации зафиксировали 5 тыс. случаев изнасилования, что в среднем составляет 40 изнасилований в день; в Руанде во время геноцида 1994 г. изнасилованию подверглись от 250 до 500 тыс. женщин, то есть около 20% всех женщин в стране; в Сьерра-Леоне опрос семей вынужденных переселенцев показал, что 94% их семей пострадали от сексуальной агрессии, включая изнасилования, пытки и сексуальное рабство.

По данным анонимного опроса ВОЗ от 20 до 70% женщин во всем мире, пострадавших от насилия, никогда никому не признавались в этом. В Южной Африке обвинительные приговоры по делам об изнасиловании выносятся крайне редко, в среднем 7% случаев. В 2003 г. в полицию поступили заявления предположительно лишь о 33% случаев изнасилований. В Египте 47% женщин, переживших физическое насилие, никогда никому в этом не признавались.

Приводимые выше цифры кратко характеризуют размеры и серьезность проблемы насилия в отношении женщин в Африке. Тем не менее даже предлагаемая статистика не вполне отражает подлинный масштаб этого нарушения прав человека, – она не может быть исчерпывающей и всеохватной, поэтому интерпретировать эти данные рекомендуется с осторожностью.

Отсутствуют систематические исследования проблемы насилия в отношении женщин, отмечается нехватка статистических данных. Многие жертвы насилия не заявляют о пережитом из-за стыда, страха перед повторным насилием или из-за опасения, что к их словам отнесутся скептически и с недоверием. Тот факт, что в некоторых странах собрано много информации по данной проблеме, а в некоторых других такая информация отсутствует, вовсе не означает, что эта проблема характерна лишь для отдельных стран [7].

Несмотря на то, что на дворе XXI век, статистика о фактах насилия в отношении женщин неутешительна. Каждую третью женщину в мире хоть раз в жизни избивали, принуждали к половой связи или иным образом унижали. Проблема осложняется тем, что для большинства представительниц слабого

пола насилие над ними – это вопрос табуированный, не обсуждаемый ни с кем, постыдная реальность жизни. Задача социальных рекламных кампаний – обнародовать существующую проблему, вывернуть наизнанку скрытую от посторонних глаз жестокость в отношении женщин и вселить в женщин, подвергающихся насилию, надежду, что выход есть.

Вопрос насилия в отношении женщин должен стать приоритетным на всех уровнях. Ему все еще не уделяется должного внимания, обеспечивающего существенные перемены. Важнейшее значение имеют лидерство и политическая воля. В дополнение к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в 1993 г. были приняты Венская декларация о правах человека, а в 1995 г. – Декларация IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, которые дали рекомендации по защите женщин от дискриминации и насилия.

Кроме того, принятая в 1993 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларация об искоренении насилия в отношении женщин призвала правительства осудить насилие и воздержаться от применения обычаев, традиций или религиозных убеждений, чтобы избежать невыполнения своих обязательств по ее искоренению. Эти международные документы служат основой для мандата Специального докладчика ООН по вопросам насилия в отношении женщин.

В 2003 г. правительства африканских стран приняли Протокол к Африканской хартии прав человека и народов, в котором они взяли на себя обязательство положить конец дискриминации и насилия в отношении женщин. Протокол вступил в силу в ноябре 2005 г. после его ратификации 15 государствами.

В настоящее время на универсальном уровне Спецдокладчик ООН и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) служат двум основным целям, благодаря которым вопросы гендерного насилия могут быть решены на международном уровне. Комитет призывает государства представить доклад о масштабах, причинах и последствиях насилия и о мерах, принятых ими для борьбы с ним. Неправительственные организации (НПО) могут представить дополнительные доклады во время сессии Комитета. Данный Комитет, с одной стороны, добился определенных успехов в Африке, но с другой – сталкивается со многими проблемами. Так, например,

в 2002 г. КЛДЖ выразил обеспокоенность по поводу отсутствия законов для решения проблемы высокого уровня насилия в отношении женщин в Уганде. В отсутствие закона о бытовом насилии полиция и суды опираются на законы, которые охватывают нападения и убийства. Комитет настоятельно рекомендует скорейшее принятие двух законопроектов, которые «томились» в парламенте в течение 10 лет: законопроект о бытовых отношениях, который предназначен для укрепления законов о браке и разводе, а также законопроект о половых преступлениях. Но политические лидеры считают их «не актуальными».

В 1998 г. КЛДЖ также выразил обеспокоенность по поводу насилия в отношении женщин и девочек, включая бытовое насилие и сексуальные домогательства на рабочем месте в Нигерии. Министр по делам женщин и социального развития ответил, что у правительства трудности в решения проблемы, потому что «вряд ли женщины заявят о насилии в полицию, опасаясь репрессий со стороны как мужа, так и семьи». Пять лет спустя, в исследовании *Amnesty International* в Лагосе обнаружили, что там еще было очень мало уголовных дел в таких случаях [8].

Насилие в отношении женщин является проявлением исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами, это комплексная проблема, разнообразная в своих проявлениях, с далеко идущими и долгосрочными последствиями и издержками. Международное сообщество уже много сделало для решения этой проблемы, но еще больше предстоит сделать, ведь речь идет об основополагающих нарушениях.

Литература

1. Rainbo organization. URL: <http://www.rainbo.org>.
2. Amnesty International – Канада.
3. http://www.amnesty.ca/campaigns/svaw_overview.php.
4. Local and international websites on VAW. URL: <http://www.womensnet.org.za>
5. http://www.unifem.org/gender_issues/violence_against_women/~~V.
6. Centre for international studies and cooperation. URL: www.ceci.ca/.../lutte-contre-la-violence-faite-aux-femmes.
7. La lute contre les violences faites aux femmes: temoignages de l’Afrique de l’Ouest, 2009. URL: www.fss.ulaval.ca/universitefeministedete/Oxfam.pdf.
8. http://www.unifem.org/gender_issues/violence_against_women/~~V.
9. http://www.amnesty.ca/campaigns/svaw_overview.php.

ANNOTATIONS

The place and role of the Russian state in the world economy

Azanov B.K.

Beginning of the XXI century is characterized by an increase in the scale of economic activity, the expansion of relations between different countries, the deepening of the international division of labor. There are no countries that have not interacted with each other economically, would not be included into the system of industrial relations and interdependencies, and the Russian Federation - is no exception. What is the place of the Russian economy in the world global economy? What is the strategy of Russia's participation in these processes? In his article, the author attempts to answer these questions.

Keywords: the world economy, the Russian economy, the international market, the world global economy, competitiveness of the Russian economy.

Problems of integration and the development of logistics information systems for domestic and international traffic

Buzhinsky V.A.

The author reviews the status and problems of transport logistics in Russia, which affects the efficiency of the work of all companies in the country. He estimates the functional capabilities of the software used to control the transport and proposes solutions for the successful development of modern logistics software applications.

Keywords: transportation services, the market for transport services, traffic routes, traffic information support, logistics, transport company, transport problem.

Monetary policy strategy of internationalization of Chinese yuan

Strelkov I.V.

The author studies the problem of instability of major world currencies and the possibility of new regional and global currencies. The undisputed leader among the contenders - Chinese yuan. The author shows the history of the formation of the modern financial system in China. He emphasizes that the integration of its financial system in the world China started quite late, but having achieved great economic success, the government launched a reform of monetary and financial regulation, when the private economy and the high degree of integration into the global system has become necessary.

Keywords: Yuan, the Chinese yuan, the new regional currency, the new world currency, monetary and financial system of China, the internationalization of the yuan, a large project on the internationalization of the yuan, the Chinese financial sector, economic and institutional reforms in China.

New developments in EU-Russia civil aviation relations

Grančay M.

The EU-Russia civil aviation market has doubled in volume in the last decade. It clearly has a potential to become the second most important market for the EU after its North-Atlantic counterpart. However, while numbers of flights and passengers have been increasing steadily, the dynamics of regulatory changes is low. The goal of this paper is to identify the main trends in EU-Russia civil aviation relations and to forecast their development. We come to the conclusion that it is of very little interest for Russian authorities to push for liberalization of the EU-Russia civil aviation market and as a result, liberalization will only materialize in small changes of bilateral air service agreements. On the other hand, cooperation of airlines and airframe makers will continue to develop rapidly.

Keywords: civil aviation, European Union, Russia, Siberian overflights, Emission Trading Scheme

Institutional features of the interaction of business and government of the Kemerovo region

Urban O.A.

According to the example of the Kemerovo region the author studies the problem of overcoming the post-crisis period of conflict between the formal and informal institutions, the formalization of informal rules and the dominance of legal regulation and control in the relationship between business and government. It is concluded that, in reality deformalization rules is a stable characteristic of the relationship between business and government, and the output of the pre-crisis level of output in the basic industries of the region creates objective conditions for preserving the "trend" in the relationship between business and government in the region.

Keywords: government and business, administrative arrangements, informal agreements, the social obligations of business, corporate social responsibility, business in the region, and the institutionalization of the informal practices of the agreement, a regional feature, the institutional model of the relationship between business and government, the Kemerovo region.

Improving of the management of socio-economic development of the region (as example, Kemerovo region)

Kopein A.V., Krasylnikova S.N.

The authors considers a regional system of resource type on the example of the Kemerovo region. They identify and formulate general principles and technologies of management of regional development. They analyze the development of innovative key industries resource regions, in particular large-scale industry, agriculture, energy, natural resources, transport, communications, small and medium-sized businesses, as well as social stability factor.

Keywords: innovation, innovative development of the region, Kemerovo region, Kuzbass, Siberian Federal District, the Far East, modernization, research capacity and intellectual potential, industrial property, the region of the resource type, regional development, regional management, innovation and technology center, an innovative sphere.

The current state of the industry catering in Russia

Shihatov P.I.

The author gives the historical and economic overview of the development of the catering, including catering business in post-Soviet Russia.

Keywords: management, accounting, public catering, restaurants' activities.

**The problems of the modern Russian education through
the prism of philosophical ideas**

Turnaeva A.I.

The author speaks on the problems, the essence of which is as follows: during the years of reforms in Russia there appeared tendencies of devaluation of higher education. The mass flow of "bought training" has led to the fact that the students that "entered" the institutions, do not own the basic skills of learning activities, up to the inability to read and write, and speak decently. Especially it is mentioned the lack of preparation of students for individual independent work, inability to reflect, conceptualize, compare, etc. The conclusions are: in order to "learn to think," the teacher should use the dialectical method of cognition.

Keywords: modern education in Russia, the devaluation of higher education, "bought" education, self study, ponder, reflect upon, compare, dialectical method of knowledge, innovative methods of education, the learning process.

Education as a factor in the formation of identity in the information society

Loshilina M.A., Petrova E.V.

The authors present actual problems of quality, intensity and accessibility of education in today's information society, taking into account the permanent needs of the modern man to acquire new knowledge, the need for frequent revision of the curriculum, the active use of media education for specialist training, qualifications which would correspond to the rapidly changing realities of life.

Keywords: information society, distance learning, access to information, a new form of training, to create knowledge, the quality of education.

Legal Position of the person as an important condition for the stability of the system

Artamonova Y.S.

The article covers the problem of combating the growing threat information that can destabilize the life of any system. Emphasizes the role of public awareness of legal education and the necessity of formation of legal systems as to society as a whole and for each person individually. The author analyses ways and mechanisms of the formation of the legal systems of the individual. It is emphasized that the key to proper socialization is the formation of human representations of the intimate connection options to meet the diverse needs of the individual with legal compliance.

Keywords: legal setting, the legal framework, social standards, social setting of personality, the need for legal regulation, social conditions, legal need of the society, the legal orientation, the stability of social relations, the focus of social conflict.

Historical experience and current problems of counteraction to crime by citizens

Timohov V.P.

The article covers the question of the mass public legal awareness in modern Russia, taking into account historical experience, how the citizens themselves bound by the rules of social life and are active in preventing and combating crime. It is noted that the state is obliged to create a legal form of registration of these activities with the aim to maximize the impact and protect the interests of the people performing law enforcement functions. Also it is stressed the necessity to prompt adoption of a federal law that would define precisely the status of citizens' associations in the scope of law enforcement and the general principles of their functioning.

Keywords: voluntary national teams, national teams, the workers' militia, Society of Assistance to police, public participation in policing, crime prevention, law enforcement, municipal police.

Criminological characteristics of theft, with illegal invasion into a home

Pirogov P.P., Urchenko U.A.

The article analyzed the statistics and the nature of burglaries over the past 20 years, revealing their criminological characteristics. It is noted that the style and ways of committing burglaries has changed, they are characterized by multivariations, the sophistication of methods of committing and the weak detection. The necessity for scientific research on the basis of which is possible to develop effective measures to combat them is raised.

Keywords: theft, trespass to property, invasion into a home, tactics to combat room thefts, burglaries detection.

Violence against women as a violation of human rights in Africa

Samake Ava

We study the problem, which has a long tradition - the unequal distribution of power between men and women in Africa, the extremely high level of violence against African women - the most shameful human rights violation. This is the main purpose of the article: In recent years, many African governments under the influence of the international community have announced support for all the organizations in implementation their commitments to eliminate violence against women and girls. The next political step, according to the author's opinion - the adoption of relevant legislation.

Keywords: Africa, African woman, the violation of women's rights, gender inequality, violence against women, the elimination of violence and gender violence, the African family.

Сведения об авторах

- Азанов**
Берик Куралбаевич
аспирант кафедры автомобильных дорог Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета
eurasian_union@mail.ru
- Бужинский**
Владимир
Александрович
канд. техн. наук, доцент кафедры информатики и математики МИЭП (Москва)
bva2516@mail.ru
- Стрелков**
Илья Владимирович
аспирант кафедры международной торговли и внешней торговли РФ Всероссийской академии внешней торговли при Минэкономразвития РФ
mlbiес@mail.ru
- Grančay Martin**
Ing., Ph.D., Assistant Professor, Department of International Economic Relations and Economic Diplomacy, Faculty of International Relations, University of Economics in Bratislava, Slovakia
martin.grancay@euba.sk
- Урбан**
Ольга Андреевна
канд. филос. наук, доцент, директор Сибирского филиала МИЭП (Новокузнецк)
urban-o@yandex.ru
- Копеин**
Андрей
Валентинович
канд. техн. наук, зав. кафедрой информатики и математики Сибирского филиала МИЭП (Новокузнецк)
apelsinka@smtp.ru
- Красильникова**
Светлана Николаевна
ст. преподаватель кафедры экономики и менеджмента Сибирского филиала МИЭП (Новокузнецк)
apelsinka@smtp.ru
- Шихатов**
Павел Иванович
доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МИЭП (Москва)
pulivan@mail.ru
- Турнаева**
Анна Ивановна
доцент кафедры гуманитарных дисциплин Сибирского филиала МИЭП (Новокузнецк)
Iva_1974@mail.ru

- Лоцилина**
Марина
Александровна
Петрова
Екатерина
Викторовна
- старший преподаватель МГОУ
mmall1@yandex.ru
- канд. филос. наук, научный сотрудник Института философии Российской академии наук
mmall1@yandex.ru
- Артамонова**
Ярославна Сергеевна
- канд. соц. наук, доцент кафедры политической экономики и политологии Московского технического университета связи и информатики
artamonova@etspir-mtuci.ru
- Тимохов**
Виктор Петрович
- канд. юрид. наук, доцент, ст. преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России
tvp1986@yandex.ru
- Пирогов**
Павел Павлович
- канд. юрид. наук, и. о. директора филиала МИЭП (Мурманск)
pprmiер@rambler.ru
- Юрченко**
Юрий Анатольевич
- полковник полиции, командир отдельного батальона патрульно-постовой службы полиции при Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Мурманской области, студент МИЭП (Мурманск)
pprmiер@rambler.ru
- Самаке** Ава
- аспирант юридического факультета РУДН (Республика Мали)
fina_awa2007@yahoo.fr

Условия публикации

В журнале публикуются научные статьи, результаты прикладных исследований, учебно-методические материалы для преподавателей и студентов, библиографические обзоры, рецензии, информационные сообщения о конференциях и других научных мероприятиях. Рукописи принимаются к рассмотрению только при их строгом соответствии профилю издания.

На момент предоставления рукописи в редакцию статья не должна быть опубликована в других печатных изданиях.

Каждый материал, поступивший в редакцию, обязательно проходит процедуру рецензирования. В качестве рецензентов выступают члены редакционного совета, редакционной коллегии журнала, внешние эксперты. Рукописи, получившие положительные рецензии, обсуждаются на заседании редакционной коллегии, которая выносит окончательное решение о возможности публикации. О решении редакционной коллегии редакция информирует автора. Автору не принятой к публикации статьи по его запросу редакция направляет мотивированный отказ.

Материалы аспирантов и молодых ученых публикуются на безвозмездной основе.

После публикации каждый автор получает один бесплатный экземпляр журнала.

Объем статьи не должен превышать 30 000 печатных знаков с пробелами (включая список использованной литературы), объем библиографических обзоров и рецензий – 10 000 печатных знаков с пробелами.

Автор несет ответственность за достоверность информации, точность фактического материала (цифр, цитат, имен собственных, географических названий), использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Список использованной литературы оформляется в соответствии с действующим стандартом и строится по алфавитному принципу: в первую очередь литература на русском языке (при этом важнейшие нормативные правовые акты и нормативные документы выносятся в начало), затем на иностранном. В тексте библиографические ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы, например: [5, с. 93].

Все сведения, заимствованные из литературных и иных источников, а также цитаты, необходимо подтверждать ссылками.

Таблицы и иллюстрации должны быть озаглавлены, пронумерованы. Использование цветных рисунков и графиков не рекомендуется, поскольку журнал печатается в одну краску.

К тексту статьи необходимо приложить:

➤ сведения обо всех авторах (ФИО (полностью), ученая степень и ученое звание, должность и место работы, контактный телефон и e-mail);

- *аннотацию на русском и английском языках* (объемом не более 850 печатных знаков с пробелами);
- *перечень ключевых слов на русском и английском языках* (5–15 понятий);
- *список использованной литературы* (оформленный в соответствии с действующим стандартом);
- *сопроводительное письмо*;
- *рецензию* специалиста в данной области исследования с указанием ученой степени и координат рецензента (для преподавателей и научных сотрудников) либо *рекомендацию научного руководителя* (для аспирантов, соискателей, студентов).

Рукописи принимаются в электронном виде по адресу: vestnik@tiervuz.ru Тексты в печатном варианте принимаются только при наличии электронного аналога.

Онлайн-версия журнала доступна на сайте ООО «Научная электронная библиотека»: <http://www.elibrary.ru>

**Вестник
Международного института
экономики и права**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-43108 от 20 декабря 2010 г.

Адрес редакции:

105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 1

Тел. (факс) (495) 781-06-53

<http://www.mier.ru>, МИЭП.РФ

e-mail vestnik@miepvuz.ru

Подписано в печать 23.03.12. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 7,0. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии
Международного института
экономики и права:

105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 1